

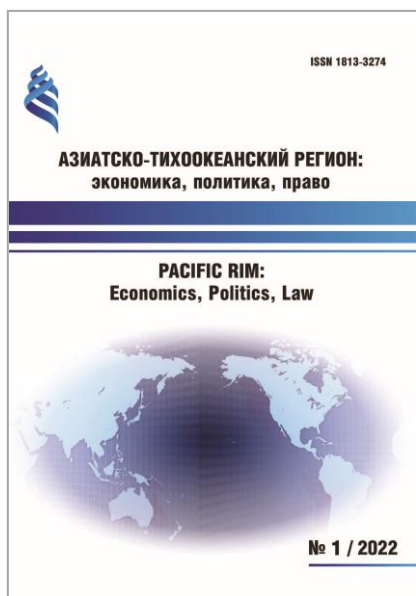
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: **экономика, политика, право**

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Подписано в печать 28.03.2022.
Тираж 500 экз. Заказ 089.
Дата выхода в свет 15.04.2022.
Цена свободная.

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корп. А(24), к. А920–923
Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2494)

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

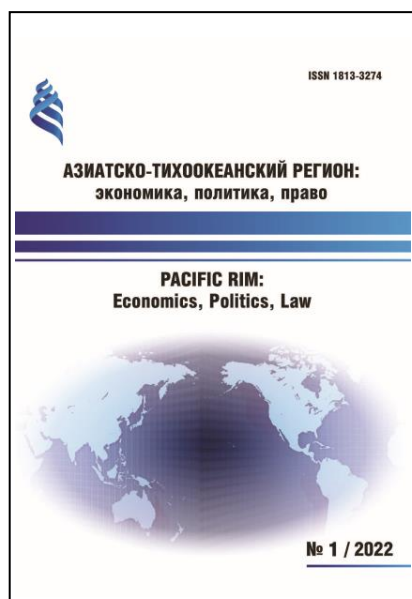
Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Printed in a typography
Far East Publishing House
Federal University
690091, Vladivostok,
st. Pushkinskaya, 10

Signed for publication 03/28/2022.
The circulation is 500 copies. Order 089.
Release date 04/15/2022.
The price is free.

© FEFU, 2022

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. FS 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A (24), office A920–923
Phone: +7 (423) 265-24-24 (*2494)

Editor *T. L. Fedotova*

Translation into English by *N.V. Betancourt*

References editor *T. V. Polikarpova*

Computer layout *S. A. Prudkoglyad*

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич** судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович** заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович** доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталия
Викторовна** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич** профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович** заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

БАКЛАНОВ Пётр Яковлевич	академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
БЕЛКИН Виктор Григорьевич	советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
ВАНДЕРХЗВААГ Дэвид	директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
ВОЛЫНЧУК Андрей Борисович	ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия
КАПУСТИН Анатолий Яковлевич	научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
КОШЕЛЬ Алексей Сергеевич	проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доцент, Москва, Россия
КУРИЛОВ Владимир Иванович	член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
ЛИ Ик Хён	вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
ПАК Ноенг	профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ПАНОВА Инна Викторовна	профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
РОГОВ Игорь Иванович	заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатолевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика

Редакционная коллегия журнала

АРАНОВСКИЙ Константин Викторович	судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатолевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia

Alexey S. Koshel	Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Associate Professor, Moscow, Russia
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center fo International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
Sergey V. Sevastyanov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

Konstantin V. Aranovsky	Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
Lyudmila I. Votintseva	Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
Evgeny P. Zharikov	Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
Natalia N. Korotkikh	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Vitaly A. Nomokonov	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Sergey K. Pestsov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
ЭКОНОМИКА	
<i>Кузнецова Н. В.</i> Новая парадигма современности – креативная экономика	15
<i>Салыгин В. И., Гулиев И. А., Рузакова В. И., Шиптенко А. А., Афанасьева К. Д., Лобов Д. С., Рябинина Е. О.</i> Инновационная деятельность в Арктике: перспективы развития в контексте председательства России в Арктическом совете	38
<i>Никифоров А. И., Хачатрян Р. С.</i> Эколого-экономические эффекты воздействия шельфовых объектов топливно-энергетического сектора на гидробиоценозы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона	48
<i>Хубаева А. О., Соловова Ю. В.</i> Устойчивое развитие национальных нефтегазовых компаний Китая в условиях глобального энергетического перехода	64
<i>Григорьева Ю. Г.</i> Монголия в условиях COVID-19: основные вызовы и меры социально-экономического реагирования	85
ПОЛИТИКА	
<i>Казаков А. А., Сухачева К. А.</i> Национальная идея как основа формирования гражданского общества в России	99
<i>Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю.</i> «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики	109
<i>Белов С. И.</i> Ключевые акторы критики «ковидной политики» властей Российской Федерации на платформе Youtube	135
<i>Кузнецов Н. М.</i> Публичная дипломатия США: между радикальной революцией и кризисной стагнацией	144
<i>Хабибулин В. А., Хабибулина О. В.</i> Г. П. Игнатьев – «The Making of a Peacemonger» канадской дипломатии	159
ПРАВО	
<i>Антонченко В. В.</i> Право и общественные интересы	174
<i>Кравченко А. Г.</i> Сдвиг правовой парадигмы в эпоху цифровой экономики	184
<i>Ким Ынми.</i> Актуальные вопросы правового регулирования внутренней торговли в Республике Корея	195
<i>Дремлюга Р. И.</i> Основы национального регулирования применения искусственного интеллекта: опыт Сингапура	214
<i>Яковенко А. А.</i> Цифровые технологии как инструмент регулирования общественных отношений	225
<i>Касиан М.</i> Некоторые правовые аспекты деятельности военных судов Российской Федерации	239

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	
<i>Kuznetsova N. V.</i> A new paradigm of modernity – creative economy	15
<i>Salygin V. I., Gulyev I. A., Ruzakova V. I., Shiptenko A. A., Afanasyeva Ch. D., Lobov D. S., Ryabinina E. O.</i> Innovative activity in the Arctic: development prospects in the context of Russia's chairmanship in the Arctic Council	38
<i>Nikiforov A. I., Khachatryan R. S.</i> Environmental and economic consequences of the impact of offshore facilities of the fuel and energy sector on hydrobiocenoses in the countries of the Asia-Pacific Region	48
<i>Khubaeva A. O., Solovova Yu. V.</i> Sustainable Development of China's National Oil and Gas Companies in the Context of the Global Energy Transition	64
<i>Grigoreva Yu. G.</i> Mongolia under Covid-19: key challenges and socio-economic response .	85
POLITICS	
<i>Kazakov A. A., Sukhacheva K. A.</i> The national idea as the basis for the formation of civil society in Russia	99
<i>Kochetkov A. P., Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu.</i> "Digital transit" of public-power relations: general and elite characteristics	109
<i>Belov S. I.</i> Key YouTube actors of criticism of the "covidate policy" conducted by the authorities of the Russian Federation.	135
<i>Kuznetsov N. M.</i> U.S. public diplomacy: between radical revolution and crisis stagnation ..	144
<i>Khabibulin V. A., Khabibulina O. V. G. P. Ignatieff – «The Making of a Peacemonger»</i> of Canadian diplomacy	159
LAW	
<i>Antonchenko V. V.</i> Law and public interests	174
<i>Kravchenko A. G.</i> Shift of the legal paradigm in the era of digital economy	184
<i>Kim Eunmi.</i> Problems of regulation domestic trade in the Republic of Korea	195
<i>Dremluga R. I.</i> Basics of national regulation of artificial intelligence: the experience of Singapore.	214
<i>Yakovenko A. A.</i> Digital technologies as a tool for regulating social relations	225
<i>Kasian M.</i> Some legal aspects of the activities of military courts in the Russian Federation	239

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 25 декабря 2020 года журнал включён в *Перечень ВАК* по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

08.00.01 – Экономическая теория.

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности).

08.00.14 – Мировая экономика.

Юридические науки:

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.10 – Международное право; Европейское право.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Политические науки:

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 20 страниц текста, включая список литературы, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7– 2021);

- УДК;

- название статьи – на русском и английском языках;

- Ф.И.О. автора (полностью), место его работы, учёбы, включая индекс и полный адрес – на русском и английском языках;

- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID и (или) Researcher ID;

- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2022

- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;

- основной текст статьи – на русском языке, текст желательно структурировать;

- подписи к иллюстративному материалу приводить на русском и английском языках;

- ссылки делать внутритекстовые, помещать их в квадратные скобки, например: [5] или [5, с. 18];

- в конце статьи помещать Список источников (на рус. яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.), обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике;

- после Списка источников и после References нужно указывать полные сведения об авторе: учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно;

- авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14. Образец оформления статьи необходимо посмотреть на сайте журнала в рубрике «Правила для авторов» (<https://atr.dvfu.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: dvfu.ru/apr-magazine/

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2494).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of December 25, 2020 the Journal was included into the list of journals indexed by the Higher Attestation Commission (VAK) on the following academic fields:

Economic science:

08.00.01 – Economic Theory.

08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and areas of activity).

08.00.14 – Global Economics.

Science of Law:

12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law.

12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law.

12.00.05 – Labor law; social security law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal and penal law.

12.00.10 – International law; European Law.

12.00.12 – Forensics; forensic expertise; criminal intelligence.

Political Science:

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies.

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries, RFE and Primorye;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

For participation in publication, it is necessary to send:

– materials according to the specified category, with a volume of no more than 20 pages of text, including references, formatted in accordance with the journal's standards (and in compliance with GOST R 7.0.7–2021);

- UDC;
 - the manuscript's title in both Russian and English languages;
 - full name (complete), professional position, place of work or study including postal index and full address both in Russian and English languages;
 - e-mail address of the author (without the word "e-mail"), ORCID and/or Researcher ID;
 - copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2022
 - brief abstract (200–250 words), keywords (15 words or word combinations) in Russian and English languages;
 - main body of the article, in Russian; the text has to be well-structured;
 - captions to the illustrative material should be given in Russian and English;
 - links should be placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";
 - Lists of sources in Russian and References in English (BSI transliteration) should be placed at the end of the article; the total number of pages in the printed source has to be specified;
 - the Lists of sources and References should be followed by the complete information about the author – academic position and rank, position, place of employment (educational institutions, city, country) (in Russian and English respectively);
 - the author's original should be sent in electronic form, Times New Roman font, type size 14.
- A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric "Author Guidelines" (<https://atr.dvfu.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax village, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: dvfu.ru/apr-magazine/
Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2494).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 15–37.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 15–37.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.467.6

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/15-37>

НОВАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОСТИ – КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА

Наталья Викторовна Кузнецова

Дальневосточный федеральный университет, Школа экономики и менеджмента,
690922, Россия, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус G
kuznetsova.nv@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0544-8897>

Аннотация. Новая парадигма современности – креативная экономика породила новый поворот в исследованиях экономического развития и инноваций. Креативная индустрия – феномен современного экономического развития в постиндустриальном мире, который определяют как новый тип роста, даже в условиях экономического кризиса, благодаря так называемому «креативному классу». Именно креативная экономика стала рассматриваться как фактор устойчивого развития. Цель нашего исследования – рассмотреть способность креативной экономики в синергии с экономикой создавать самостоятельный сегмент рынка. Если учесть факт значительного влияния креативной экономики на экономический рост, то необходимо подробно разобраться в этих понятиях и процессах. На основании анализа исследований в работе предпринята попытка понять границы креативной экономики и её уникальные характеристики. Было выявлено, что креативные индустрии, которые традиционно определяются как отрасли, берущие начало в индивидуальном творчестве, навыках и талантах и обладающие потенциалом для обогащения и создания рабочих мест за счёт использования интеллектуальной собственности, ставят вопрос о некотором смещении понятия в сторону экономики знаний, расплывчатости креативной деятельности. Создается ощущение присутствия креативной экономики во всех отраслях, что делает её «ненаблюдаемой» экономикой.

Ключевые слова: креативная экономика, творчество, культура, межотраслевой баланс, креативные индустрии, экономика знаний, Индекс Ричарда Флориды, глобальный рейтинг креативности, творческий класс, рейтинг креативности.

Для цитирования: Кузнецова Н. В. Новая парадигма современности – креативная экономика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 15–37. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/15-37>.

ECONOMICS

Original article

A NEW PARADIGM OF MODERNITY – THE CREATIVE ECONOMY

Natalia V. Kuznetsova

Far Eastern Federal University, School of Economics and Management,
690922, Russia, Vladivostok, Fr. Russian, p. Ajax, 10, building G
kuz-netsova.nv@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0544-8897>

Abstract. A new paradigm of modernity – the creative economy has given a new turn in the research of economic development and innovation. The creative industry is a phenomenon of modern economic development in the post-industrial world, which is defined as a new type of growth, even in an economic crisis, due to the so-called “creative class”. The creative economy has been interpreted as a factor in sustainable development. The purpose of this research is to examine the ability of the creative economy in synergy with the economy to create an independent market segment. Due to the significant influence of the creative economy on economic growth, it is necessary to have a comprehensive understanding of these concepts and processes. Based on the analysis of research, the boundaries of the creative economy and its unique characteristics were studied. It was revealed that creative industries, traditionally defined as industries that originate in individual creativity, skills and talents and having the potential to enrich and create jobs through the usage of intellectual property, raise the question of a shift in the concept towards the knowledge economy, the unclearness of creative activities. The creative economy seems to be present in all industries, which makes it an “unobserved” economy.

Key words: creative economy, creativity, culture, intersectoral balance, creative industries, knowledge economy, Richard Florida Index, global creativity rating, creative class, creativity rating.

For citation: Kuznetsova N. V. A new paradigm of modernity – the creative economy // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 15–37. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/15-37>.

Введение. 2021 год был объявлен Международным годом креативной экономики (КЭ) в целях устойчивого развития на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Работу по проведению года возглавляет Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) в сотрудничестве с ЮНЕСКО и другими соответствующими подразделениями ООН.

Международный год креативной экономики не мог быть объявлен в более подходящее время. Нынешний период – это время серьёзных изменений, которые происходят во всем мире. Экономика основывается на инновациях, на новых методах труда и видоизменяющихся отношениях, зависимых от знаний. Лучший путь к успеху – это адаптация к постоянно меняющимся рыночным условиям, поскольку будущее экономическое развитие связано с высокой степенью неопределённости будущего. В настоящее время потребители в развитом обществе постоянно и неожиданно меняют свои характеристики, которые постепенно переходят от функционального к интеллектуальному или моральному удовлетворению в контексте повседневного потребления. В настоящее время среда становится всё более сложной, динамичной и утопленной в информации. Быстро меняются приоритеты развития экономики: инновации, экономика знаний, большие вызовы и т. д. Мы наблюдаем большой прессинг быстро изменяющихся экономических процессов, закономерностей развития, группировок стран по разным критериям. В этих обстоятельствах мы спешим найти приоритеты, триггеры, не поспевая за реальностью. В разгар экономической трансформации проблема заключается в том, что организации становятся более зависимыми от уникальных способностей работников.

В последнее время появилось большое количество публикаций, декларирующих существование креативной экономики, много статистических данных, подтверждающих этот процесс. Например, самая высокая доля креативного класса отмечается в Сингапуре – около 52 %, Республике Корея – 47 %, Канаде – 43 %, США – 38 %, Австралии – 45 %, Индии – чуть более 30 %, Малайзии – 27 %, Филиппинах – 22% [1, с. 10]. Секторы креативной экономики, в которых наблюдался рост доходов в период COVID-19: видеоигры, стриминговые сервисы. Развитие рынка креативной индустрии в США и Канаде связано с рынком креативных сервисов и аудиовизуальных медиа – телевидения, кинопроизводства и радио (182, 28 и 21 млрд долл. США соответственно). Здесь сосредоточено наибольшее число потребителей цифрового культурного контента (47 %), больше, чем в Азии (25 %) и Европе (24 %). Быстроразвивающимся рынком креативной индустрии является латиноамериканский (6% выручки мирового рынка КИ, 7% от общего числа рабочих мест), представленный мультимедийными конгломератами Grupo Globo (Бразилия), Grupo Televisa (Мексика) и Grupo Clarin (Аргентина), обладающими обширными интересами в медиа и не менее обширной аудиторией.

Если учесть факт значительного влияния КЭ на экономический рост, то необходимо подробно разобраться в этих понятиях и процессах. Возникает вопрос, как нам определить креативные товары и понять, где грань между креативными индустриями (КИ) и творческими отраслями.

Термин «креативная экономика» получил широкое распространение в 2001 г. благодаря работе Дж. Хоукинса [2], который изучил 15 различных отраслей в области искусства, исследований и технологий. В его концепции креативная экономика – это система, в которой создание стоимости связано с творческими ресурсами, а не с традиционными экономическими ресурсами, а индивидуальное творчество является ведущим источником ценности. Он выделяет творчество как движущую силу экономического роста.

По словам Дж. Хоукинса, творчество разделяет мир, но не с точки зрения творческих способностей людей, а с точки зрения их таланта выражать творчество с помощью рыночных продуктов. Дж. Хоукинс систематизировал творческие индустрии по пятнадцати секторам, и этот список стал одним из самых популярных стандартов оценки и выражения экономических ценностей в глобальной, национальной или местной среде как в развитых, так и в развивающихся странах [2]. В настоящее время быстрорастущими отраслями промышленности являются архитектура, искусство, исследования и разработки. Некоторые отрасли имеют тенденцию расти быстрее, чем другие, и зависят от творчества людей и разработки ими новых технологий, а новые продукты, созданные этими людьми, приносят больше прибыли. Ж. Хартлей отмечает, что креативные индустрии являются важными компонентами стран с развитой экономикой [3].

Согласно Е. Карнитису [4, с. 98], высококвалифицированные специалисты становятся стратегическим потенциалом любой страны, но творчество (включая науку, НИОКР, инновации, способность предлагать идеи, которые могут быть использованы в коммерческих целях) становится основной движущей силой роста в любой сфере человеческой деятельности.

Р. Кейвс [5] дополнил понятие КЭ, сформулировав семь экономических свойств креативных индустрий:

- неопределённость спроса, реакция потребителя на креативный продукт не известна заранее и не понятна впоследствии;
- творческие работники озабочены оригинальностью, техническими и профессиональными навыками, гармонией, обещаниями творческих продуктов и готовы согласиться на более низкую заработную плату, а не на банальную работу;
- для создания относительно сложных творческих продуктов требуются разнообразные квалифицированные ресурсы;
- различные творческие продукты могут отличаться по своему качеству и уникальности, каждый продукт представляет собой отдельную комбинацию входных данных, приводящую к бесконечному разнообразию вариантов;

- художники ранжируются по их навыкам, оригинальности и знанию творческих процессов и/или продуктов, поэтому небольшие различия в навыках и талантах могут привести к огромным различиям в (финансовом) успехе;
- время играет важную роль при координации сложных проектов с участием самых разных специалистов;
- некоторые творческие продукты имеют аспекты долговечности, которые требуют защиты авторских прав, позволяя создателю или исполнителю собирать гонорары.

На наш взгляд, теория семи экономических свойств, разработанная Р. Кейвсом, справедливо подверглась серьёзной критике: творческие отрасли не уникальны, но в целом они получают более высокие баллы по этим свойствам по сравнению с некреативными отраслями. Более того, эти экономические свойства не характеризуют уникальность креативной деятельности. Возникает вопрос: речь идёт о креативных индустриях или творческих навыках, свойственных большинству людей?

Следует выделить подход Р. Флориды, связанный с теорией нового креативного класса и предпринимателей. Р. Флорида считает, что творчество – фундаментальный источник экономического роста и решающий источник конкурентного преимущества, творческий класс обладает силой, талантом и численностью, чтобы сыграть большую роль в изменении нашего мира [6].

Р. Флорида определил профессии, относящиеся к творческому классу, – наукоёмкие отрасли, которые включают создание новых идей и продуктов или творческое решение проблем архитектуры и дизайна, образования, науки, музыки и развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, технологий или творческого контента, и, конечно же, суперкреативные профессии, такие как университетские профессора, идейные лидеры, актёры, музыканты, танцоры, писатели и поэты [6]. По мнению Р. Флориды, творческий класс состоит также из профессионалов в области бизнеса, финансов и права. Художники или инженеры, музыканты или компьютерные эксперты, писатели или предприниматели – эти люди имеют общий творческий дух, то есть их ценят за креативность, индивидуальность, разнообразие и талант. Короче говоря, это люди, которые творчески создают экономическую ценность. Ценности творческого класса – индивидуальность, разнообразие и открытость.

Творческий класс в большей степени влияет на заработную плату, в то время как образование, как правило, большее влияние оказывает на доход [7]. Но вот в чём вопрос: творческий класс – это креативный класс?

По данным Р. Флориды, за последнее столетие креативный класс США увеличился с 10,0% в 1990 г. до 30,1% в 1999 г., а сверхтворческое ядро выросло с 2,4% в 1990 г. до 11,7% в 1999 г. В период с 1950 г. по 1990 г. число патентов возросло до 150 000, а к 1999 г. – увеличилось ещё на 250% [6, с. 44–45].

Согласно Р. Флориде, творчество – это не интеллектуальный талант, это связано со способностью синтезировать, отбирать и анализировать данные с целью создания чего-то нового и полезного. Спустя несколько лет Флорида пришел к выводу, что мы вступаем в творческую эпоху, когда творчество становится первым фактором роста нашей экономики [8].

Однако в его характеристиках во многом наблюдается размытость понимания креативного класса и включаемых в него профессий, что определило критику Р. Флориды за слишком широкий диапазон профессиональных категорий, используемых для определения творческого класса.

Характеристику креативной и культурной отрасли и её влияния на рост национальной экономики можно найти в публикациях известного экономиста Дж. Поттса [9] – специалиста по вопросам моделирования эволюционных экономических процессов, креативной экономики. Флоридское понимание творческого класса постепенно отошло от ограничительной интерпретации (как класса привилегированного – так называемого творческого ядра и творческих профессионалов) к пониманию творчества как универсальной компетенции, принадлежащей каждому человеку [10, с. 132].

В отчёте Европейского парламента от 13 апреля 2011 г. о раскрытии потенциала культурной и творческой индустрии термин «креативная индустрия» понимается в связи с так называемой «культурной индустрией». Из определений креативной экономики очевидно, что они относятся к деловой деятельности, основанной на творчестве и/или инновациях для производства продуктов и услуг. Это указывает на то, что сектор креативной экономики обладает значительным потенциалом для будущего развития.

Согласно работе А. Скотта, отрасли, характерные для КЭ, представляют собой размытие культурного и экономического, их продукция ценится из-за эстетических, а не исключительно утилитарных функций [11]. Наряду с созданием и производством, маркетинг и распространение являются ключевыми звеньями этой цепочки, критически важными для товаров, которые полагаются на улавливание (и манипулирование) чувствами потребителей [12; 13].

Определение креативных индустрий сформулировано UNESCO следующим образом: «Креативные индустрии определяются как те отрасли, которые производят материальные или нематериальные художественные и творческие продукты и которые имеют потенциал для создания богатства и получения дохода за счёт использования культурных ценностей и производства товаров и услуг, основанных на знаниях (как традиционных, так и современных). Общим для креативных индустрий является то, что все они используют творчество, культурные знания и интеллектуальную собственность для производства продуктов и услуг, имеющих социальное и культурное значение» [14]. Конференция Организации Объединенных

Наций по торговле и развитию предложила определение креативной экономики как новой концепции, основанной на творческом капитале, способном вызывать экономический рост и развитие.

Креативная индустрия определяется как коммерческое предприятие, которое устойчиво управляет творчеством и интеллектуальной собственностью, то есть своими основными ресурсами, для получения прибыли (Б. Мэтисон) [15]. К творческим отраслям относятся компании, которые создают, производят или распространяют продукты и услуги, основанные на культурных и творческих принципах. Продукты и услуги, создаваемые творческой индустрией, в значительной степени зависят от технологического развития, поскольку они выступают в качестве инновационных драйверов для новых технологических продуктов (Д. Мицнер и М. Кампрат) [16]. То есть ключевая характеристика в рамках креативной экономики – творческая деятельность.

Таким образом, мы видим, что не существует единственного определения креативной экономики. Это субъективная концепция, которая всё ещё находится в стадии разработки. В целом получается, что КЭ строится на экономической деятельности, основанной на знаниях, и взаимосвязи человеческого творчества и идей, знаний и технологий, а также на культурных ценностях. Креативная экономика базируется на потенциале неограниченного источника, которым является интеллектуальный капитал. То есть КЭ обусловлена качеством человеческого капитала, прямо зависящего, прежде всего, от качества образования и науки. Но понятие человеческого капитала имеет свои ограничения и не может прояснить все предпосылки развития креативной экономики. В этой связи Р. Кушинг [17] использует расширенный термин – креативный капитал. Считается, что наукоёмкий характер творческой экономики основан на социальной, а не на материальной основе и (в более широком смысле) на новой «культуре» творческого производства. Учёные обратили внимание на вклад в развитие экономики учёных, артистов, талантливых людей, обладающих творческим мышлением и способностью генерировать оригинальные, нетрадиционные идеи. Они создают самую высокую добавленную стоимость в развитых экономиках.

Соответственно встаёт вопрос набора необходимых компетенций для таких профессионалов. Но каких? Как отличить креативную деятельность от инновационных и творческих видов деятельности? Ответа на этот вопрос нет. Пока нет.

Несмотря на актуальность этих тем и огромное количество связанных публикаций, анализ исследований по креативной экономике доказывает отсутствие единой, чётко обозначенной парадигмы, что вызывает много вопросов и недопониманий. Несмотря на огромное количество публикаций, исследования всё ещё носят фрагментарный характер. Обсуждение КЭ разнообразно и широко дифференцировано от страны к стране.

Это определяет то, что термины, используемые в мире в качестве синонимов при описании сектора креативной экономики, многообразны: креативные индустрии (Creative Industries, Creative sector); креативная экономика (Creative economy); культурные индустрии (Cultural Industries, Cultural sector); экономика впечатлений (Experience economy); экономика знаний (Knowledge-Based economy); индустрии авторского права (Copyrights Industries, Copyright-Based Industries); «оранжевая экономика» (Orange economy).

Креативные индустрии (КИ). Недавние исследования также аргументируют, что КИ, как правило, демонстрируют определённые формы социально-экономической организации, которые способствуют инновациям и экспериментам.

Это наложило отпечаток на дальнейшее представление о КЭ. Креативные индустрии, которые традиционно определяются как отрасли, берущие начало в индивидуальном творчестве, навыках и талантах и обладающие потенциалом для обогащения и создания рабочих мест за счёт использования интеллектуальной собственности, ставят вопрос о некотором смещении понятий в сторону экономики знаний, расплывчатости креативной деятельности и, что самое главное, создают ощущение присутствия КЭ во всех отраслях и делают её «ненаблюдаемой» экономикой. Это делает невозможным проводить сравнительный анализ в рамках мировой экономики. Тем более, что перечень отраслей, относимых к креативному сектору экономики, различается в разных странах (см. табл. 1).

В табл. 2 представлены наиболее развитые отрасли КИ. Таким образом, оценки из разных стран сложно сравнивать из-за различных используемых определений и разного перечня отраслей, входящих в креативные индустрии. Креативные индустрии имеют не только экономическую ценность, но ещё и культурный капитал, и потенциал к инновационному развитию, что сложно оценить с помощью статистических данных.

Креативные индустрии не являются сектором со статистической точки зрения, поскольку сектор и смежные профессии нелегко определить по международным статистическим стандартам: слишком много видов деятельности, которые являются «частично» креативными. Хотя в ОКВЭД-2 (Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности), на который Россия перешла в 2017 г., появился раздел R «Деятельность в области культуры, спорта и организации развлечений», однако кинопроизводство, народные и художественные промыслы (НХП), организации фэшн индустрии, дизайн остались разбросанными по другим разделам классификатора. Например, НХП учитываются в разделе С «Обрабатывающие производства».

Наблюдается неполная информация по видам ОКВЭД, которые могут быть отнесены к КИ, на уровне российских регионов. В силу небольшого, на сегодняшний день, вклада отдельных видов креативной деятельности в экономику страны,

статистические службы не всегда располагают данными, необходимыми для анализа этой области экономики. Сектор состоит из большого количества малых и микрокомпаний (около 90% сектора). Их очень трудно измерить статистически, поскольку они могут быть «неформальными» и их доход может быть не заявлен в налоговых режимах. Высока доля самозанятых в сфере культурных и креативных индустрий, и отсутствует какая-либо информация о них.

Для подтверждения наших гипотез мы проанализировали межотраслевые балансы по странам (2000 г. и 2014 г.): Россия, США, Австралия, Канада, Китай, Республика Корея. Выбор стран определялся глобальным рейтингом стран по креативности. Отдельные результаты предложены в составленных матрицах (см. рис. 1).

Таблица 1

**Сравнительный анализ перечня отраслей,
включённых в креативные индустрии по отдельным странам мира**
**Comparative analysis of the list of industries
included in the creative industries by individual countries of the world**

	Ка- нада	США	Китай	Индия	Индонезия	Новая Зеландия	Синга- пур	Тай- ланд	РК	Австра- лия	Япо- ния	Велико- британия	Фран- ция	Герма- ния	Ита- лия
архитектура, инженерия	+	+	+		+	+	+			+	+	+		+	+
исполнительские искусства	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+		+	+
изобразительные искусства	+	+	+		+	+	+			+	+	+		+	+
литература	+	+	+		+					+	+	+		+	
издательское дело	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
мода	+	+	+		+	+	+			+	+	+		+	+
дизайн предметный	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+		+	+
дизайн коммуникационный	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+		+	+
музыка	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
телевидение	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
радио	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
фотография	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
кино	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
анимация	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
реклама	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ремесла	+	+			+	+	+			+	+				+
культурно-истор. наследие	+						+				+			+	+
музеи и галереи	+	+				+	+			+		+		+	+
библиотеки	+					+	+			+		+		+	+
архивы	+											+		+	+
компьютерные игры	+		+		+	+	+		+	+	+	+		+	+
программное обеспечение			+		+	+	+		+	+	+	+		+	+
мультимедиа	+		+	+	+	+	+		+	+		+		+	+
новые медиа							+		+			+		+	+
образование	+	+				+	+					+		+	
развлечения (праздники)	+	+	+		+									+	
игры															+
ботанические сады, зоопарки		+												+	+
дискотеки и ночные клубы															+
парфюмерия и косметика											+				
вино и гастроиндустрия											+				+
туризм											+				+
НИОКР и исследования					+			+	+						
авторское право	+	+	+						+					+	

Источник: составлено автором по: [1, 2, 5, 10, 14]

Source: Compiled by the authors based on: [1, 2, 5, 10, 14]

Наиболее развитые отрасли креативных индустрий**The most developed sectors of creative industries**

Страны	Ведущие и наиболее развитые отрасли креативных индустрий
Австралия	Мода, игры, издательское дело
Бразилия	Индустрия моды, музыка, кино, интернет – СМИ
Великобритания	Медиа, архитектура, издательское дело
Германия	Дизайнерская продукция, издательское дело, аудиовизуальные материалы
Индия	Разработка компьютерных игр, услуги поддержки игр, информационные технологии, новые медиа
Испания	Индустрия моды, издательское дело, художественные промыслы
Канада	Издательская деятельность, мода, дизайн, ювелирные украшения, анимация и визуальные эффекты
Китай	Художественные промыслы, новые медиа, издательское дело, изобразительное искусство
Корея	Дизайнерские товары, декоративно-прикладное искусство, новые медиа
США	Дизайн, изобразительное искусство, издательское дело, новые медиа и аудиовизуальные материалы
Франция	Дизайнерские направления, мода, ювелирные изделия, издательский сектор
Швеция	Предметы интерьера, мода и игрушки; газеты и книги; аудиовизуальные материалы и новые медиа
Япония	Аудиовизуальная продукция, новые медиа, изобразительное искусство, исполнительское искусство, художественные промыслы

Источник: составлено автором по (Source: Compiled by the authors based on): The World Bank <https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/1ff4a498/Popular-Indicators>

Мы видим, что участие КИ в других видах деятельности в США достаточно активно, в отличие от РФ (см. рис. 2). Это говорит об уровне развития креативных индустрий, но для нас важен факт участия последних во всех видах деятельности. Это ещё раз подтверждает, что речь идёт не о креативных индустриях, а о творческих видах деятельности. Вопрос упирается в отсутствие устоявшихся понятий и категорий.

Вклад креативных индустрий по странам не подтверждает «победные» статистические данные, которые публикуются.

Year_Г	Code_К	Description_О	Orig_И	A01	A02	A03	B	C10-C12	C13-C15	C16	C17	C18	C19	C20	C21	C22	C23	C24	C25	C26	C27	C28
2014	J58	Издательская деятел Domestic		175	15	9	807	820	195	148	213	220	473	595	213	256	154	248	645	458	83	577
2014	J59_J60	Производство кино Domestic		157	7	4	376	547	133	103	159	125	257	344	123	192	112	156	372	272	63	346
2014	J61	Телекоммуникации Domestic		600	27	16	1 426	2 080	504	393	605	472	973	1 300	465	730	428	592	1 414	1 024	241	1 315
2014	J62_J63	Компьютерное прог Domestic		665	38	23	5 712	3 135	750	803	1 082	913	2 414	1 441	515	1 145	754	1 109	4 015	2 090	310	4 367
2014	M71	Архитектурно-инжен Domestic		623	109	66	2 297	3 087	877	603	790	652	878	1 990	711	1 178	644	1 166	2 249	1 730	336	1 779
2014	M72	Научные исследова Domestic		345	60	37	1 270	1 708	485	333	437	361	485	1 101	394	652	356	645	1 244	957	186	984
2014	M73	Реклама и маркетинг Domestic		347	61	37	1 279	1 720	489	336	440	363	489	1 109	396	656	359	649	1 253	963	187	991
2014	M74_M75	Прочая профессиона Domestic		111	19	12	411	552	157	108	141	117	157	356	127	211	115	209	402	309	60	318
2014	P85	Образование Domestic		340	43	27	267	363	79	66	97	125	202	255	91	119	69	111	219	147	32	197
2014	R_С	Прочая сервисная Domestic		782	79	48	587	2 047	349	415	860	426	1 258	1 001	358	714	492	1 094	1 244	371	152	856
Year_Г	Code_К	Description_О	Orig_И	C29	C30	C31_C32	C33	D35	E36	E37-E39	F	G45	G46	G47	H48	H50	H51	H52	H53	I	J58	J59_J60
2014	J58	Издательская деятел Domestic		632	685	453	102	452	15	109	1 162	807	3 854	3 224	465	91	143	204	67	1 621	42 751	624
2014	J59_J60	Производство кино Domestic		363	331	351	110	186	6	123	1 210	1 094	4 094	3 170	534	180	181	325	104	2 247	476	29 832
2014	J61	Телекоммуникации Domestic		1 371	1 251	1 339	310	705	24	468	4 490	2 967	15 493	11 414	2 034	691	628	1 235	387	5 115	1 520	20 995
2014	J62_J63	Компьютерное прог Domestic		2 082	3 921	1 854	279	1 877	64	558	3 206	2 862	10 299	10 660	1 802	134	987	579	189	4 579	6 964	2 039
2014	M71	Архитектурно-инжен Domestic		1 576	1 691	2 076	290	2 196	75	489	7 372	3 770	18 585	16 956	2 272	738	508	980	255	7 705	2 531	3 628
2014	M72	Научные исследова Domestic		872	935	1 149	160	1 215	42	270	4 078	2 086	10 283	9 382	1 257	408	281	542	141	4 263	1 399	2 007
2014	M73	Реклама и маркетинг Domestic		878	941	1 156	162	1 223	42	272	4 106	2 100	10 354	9 446	1 265	411	283	546	142	4 293	1 409	2 021
2014	M74_M75	Прочая профессиона Domestic		282	302	371	52	393	13	87	1 318	674	3 324	3 033	406	132	91	175	46	1 378	453	649
2014	P85	Образование Domestic		261	201	186	128	281	10	61	501	711	2 296	7 523	184	41	99	72	25	793	212	329
2014	R_С	Прочая сервисная Domestic		1 024	619	644	319	704	24	1 025	3 736	2 227	12 820	7 827	1 670	115	199	1 585	367	7 481	897	7 989
Year_Г	Code_К	Description_О	Orig_И	J59_J60	J61	J62_J63	J64	J65	J66	J67	J68	M69	M70	M71	M72	M73	M74_M75	N	O84	P85		
2014	J58	Издательская деятел Domestic		624	1 534	3 354	1 100	1 145	2 563	1 244	8 128	3 246	1 749	1 761	575	4 738	15 476	948				
2014	J59_J60	Производство кино Domestic		29 832	55 087	2 262	976	888	1 755	3 722	4 929	1 905	1 027	1 034	337	3 490	9 156	1 281				
2014	J61	Телекоммуникации Domestic		20 995	75 945	8 587	3 710	3 393	6 687	14 153	16 954	5 259	2 834	2 853	931	13 186	30 030	2 616				
2014	J62_J63	Компьютерное прог Domestic		2 039	4 384	14 364	4 081	4 377	19 584	5 785	32 786	6 586	3 549	3 573	1 166	23 210	59 979	2 477				
2014	M71	Архитектурно-инжен Domestic		3 628	9 802	10 462	5 405	5 207	7 133	5 755	26 247	12 126	6 533	6 578	2 147	14 051	27 098	2 132				
2014	M72	Научные исследова Domestic		2 007	5 424	5 787	2 990	2 880	3 943	3 182	14 519	6 709	3 615	3 640	1 188	7 771	14 984	1 179				
2014	M73	Реклама и маркетинг Domestic		2 021	5 461	5 827	3 011	2 900	3 970	3 204	14 619	6 756	3 640	3 665	1 196	7 825	15 087	1 187				
2014	M74_M75	Прочая профессиона Domestic		649	1 753	1 871	967	931	1 275	1 029	4 694	2 169	1 169	1 177	384	2 513	4 846	381				
2014	P85	Образование Domestic		329	962	1 092	653	496	638	716	1 944	842	454	457	149	1 597	11 929	2 330				
2014	R_С	Прочая сервисная Domestic		7 989	16 697	3 981	6 369	1 902	2 174	9 989	13 264	4 034	2 174	2 189	714	13 904	19 776	2 802				

США

Рис. 1. Вклад КИ в другие виды деятельности по межотраслевому балансу США и РФ, 2014 г. (начало, окончание см. на с. 26)

Источник: составлено автором по (Source: Compiled by the authors based on): The World Bank

<https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=US>

Year_Y	Codk_Y	Description	Origi_Y	A01	A02	A03	B	C10-C12	C13-C15	C16	C17	C18	C19	C20	C21	C22	C23	C24	C25	C26	C27	C28	
2014 JS8		Издательская деятел Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 JS9 JS60		Производство кино Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 JS1		Телекоммуникации Domestic		483	0	0	0	1 171	265	64	52	240	0	178	151	0	67	118	209	0	201	0	339
2014 JS2 JS3		Компьютерное прог Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M71		Архитектурно-инжен Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M72		Научные исследован Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M73		Реклама и маркетинг Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M74 M75		Прочая профессиона Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 P85		Образование Domestic		13	0	0	0	99	15	1	1	2	0	13	12	0	1	3	11	0	5	0	6
2014 R_S		Прочая сервисная де Domestic		152	0	0	0	286	102	11	15	65	0	66	41	0	11	28	69	0	30	0	60
Year_Y	Codk_Y	Description	Origi_Y	C29	C30	C31_C32	C33	D35	E36	E37-E39	F	G45	G46	G47	H49	H50	H51	H52	H53	I	JS8	J	
2014 JS8		Издательская деятел Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 JS9 JS60		Производство кино Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 JS1		Телекоммуникации Domestic		116	0	154	0	700	0	1 247	635	5 930	2 292	1 094	31	242	461	0	157	0	0	0	
2014 JS2 JS3		Компьютерное прог Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M71		Архитектурно-инжен Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M72		Научные исследован Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M73		Реклама и маркетинг Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M74 M75		Прочая профессиона Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 P85		Образование Domestic		4	0	3	0	28	0	29	10	97	38	35	1	8	15	0	18	0	0	0	
2014 R_S		Прочая сервисная де Domestic		30	0	12	0	493	0	408	331	3 090	1 195	1 088	31	241	459	0	215	0	0	0	
Year_Y	Codk_Y	Description	Origi_Y	JS8	JS9 JS60	JS1	JS2 JS3	K64	K65	K66	L68	M69 M70	M71	M72	M73	M74 M75	N	O84	P85				
2014 JS8		Издательская деятел Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 JS9 JS60		Производство кино Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 JS1		Телекоммуникации Domestic		0	0	9 441	0	2 093	0	0	587	0	0	0	0	0	0	2 020	6 132	1 108	0	0	
2014 JS2 JS3		Компьютерное прог Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M71		Архитектурно-инжен Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M72		Научные исследован Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M73		Реклама и маркетинг Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 M74 M75		Прочая профессиона Domestic		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 P85		Образование Domestic		0	0	0	11	0	171	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2014 R_S		Прочая сервисная де Domestic		0	0	0	777	0	1 249	0	0	675	0	0	0	0	0	51	501	604	0	0	
																		2 371	3 660	2 543	0	0	

Россия

Рис. 1. Окончание (начало см. на с. 25)

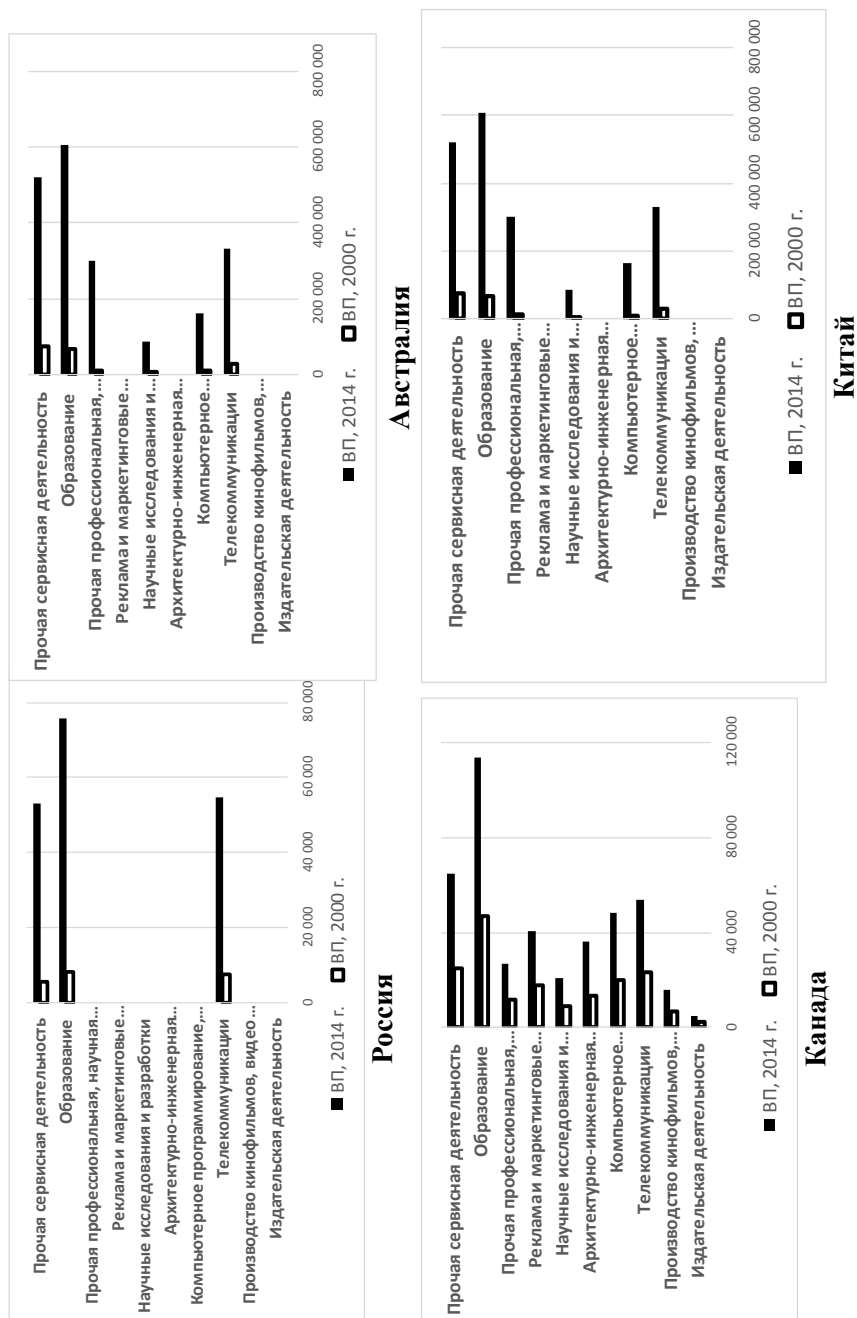

Рис. 2. Вклад креативных индустрий по странам (начало, окончание см. на с. 28)
 Источник: расчёты автора по (Source: author's calculations based on): The World Bank
<https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/1f4a498/Popular-Indicators>

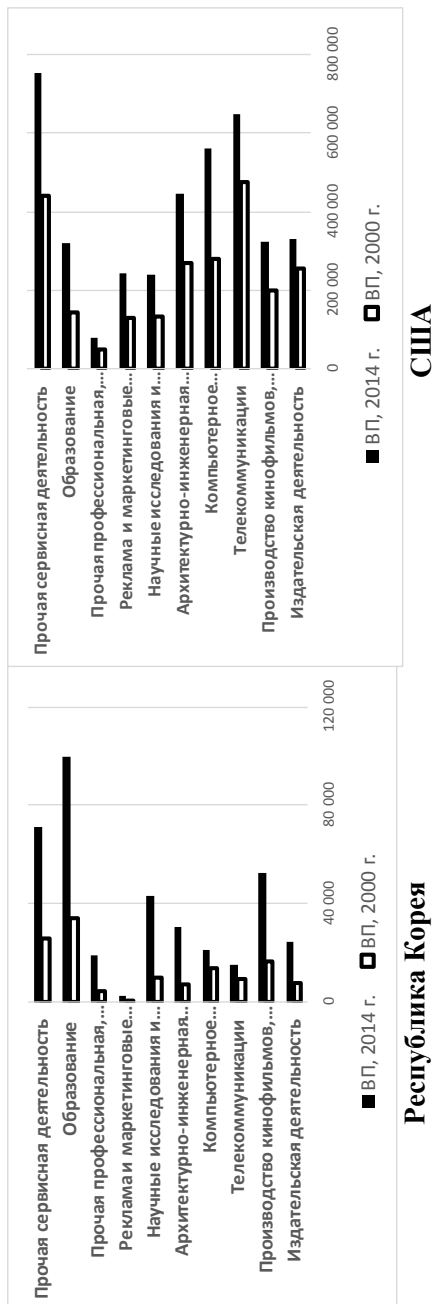

Рис. 2. Окончание (начало см. на с. 27)

Нами были проанализирована торговля креативными товарами и услугами. Такие товары создаются, производятся и распространяются в коммерческих целях, но при этом обладают творческим содержанием, экономической и культурной ценностью. Возникает вопрос: креативная деятельность – это творческая деятельность или уникальная деятельность? Анализ новых экспортных товаров и экспортной деятельности не выявляет креативные товары. Например, с 2004 г. Австралия добавила 3 новых продукта, и в 2019 г. эти продукты принесли доход на душу населения 2 доллара США. Австралия производит слишком мало продуктов, чтобы способствовать значительному росту доходов. Если предположить, что новые экспортные товары – результат процесса креативной экономики (представлено в табл. 3), то получается, что деятельность в этом направлении на протяжении 15 лет в ведущих экономиках мира ставит под сомнение тезис «КЭ – триггер экономического роста».

Таблица 3

Новые экспортные товары, 2004–2019 гг.**New Export Products, 2004–2019**

Страны	Новые продукты (кол-во)	Долл. США на душу населения	Общая стоимость
Австралия	3	2	55,4 млн долл
Канада	8	48	1,82 млрд долл
США	5	263	86,3 млрд долл
Китай	43	74	103 млрд долл
Республика Корея	23	574	29,7 млрд долл
Германия	6	5	377 млн долл
Великобритания	5	6	395 млн долл
Россия	23	61	8,74 млрд долл
Сингапур	17	1,75 тыс. дол	9,96 млрд долл

Источник: составлено автором по (Source: compiled by the authors based on): Атлас экономической сложности <https://atlas.cid.harvard.edu/countries/239>

Уникальные особенности креативности. Следует определить грань отличия творческой деятельности от креативной через уникальные особенности последней (см. табл. 4).

Получается, что творчество – это процесс, а креативность – это способность, причём уникальная. То есть, если у кого-то развита креативность, ему намного проще творить.

Креатив – это конструкция высшего порядка, которая связывает знания, технологии или инновации, но носителем его является человек. Именно появление критической массы людей с уникальными способностями и навыками рождает им-

пульс, который питает экономический прогресс, стимулирует технологическое, культурное и общечеловеческое развитие.

Таблица 4

Понятие креативность

Concept of creativity

Традиционный подход к пониманию «креативность»	Креативность (лат. Creo) – творить, создавать
	«Креативное мышление» = Умение генерировать идеи».
	Критическое мышление (умение оценивать идеи)
	Коллаборативность (умение придумывать в команде),
	Образное мышление (умение визуализировать идеи)
	Это устойчивая характеристика личности, совокупность творческих способностей индивида, один из факторов одаренности, особый тип интеллектуальных способностей.
	Креативность характеризуется готовностью к продуцированию принципиально новых идей и предполагает, по П. Торренсу (1974), чувствительность к проблемам и имеющемуся дефициту решений, поиск решений, выдвижение и проверку гипотез и, наконец, формулирование результата.
Понятие креативности как части креативной экономики, её уникальные характеристики (Дж. Гилфорда, Л. Терстоуна, Р. Стернберга и др.)	Креативность – это способность принимать неожиданные решения основываясь на имеющихся знаниях или опыте.
	Креативность – это творческий потенциал человека, помогающий ему создавать что-то новое.
	Мышление дивергентное – идущее одновременно в разных направлениях, отступающее от логики
	Беглость мысли – способность к генерированию большого количества идей
	Иррелевантность – логическая независимость реакции от стимула
	Гибкость – способность к порождению разнообразных идей
	Фантастичность – полная оторванность ответа от реальности при наличии логической связи между стимулом и реакцией
	Оригинальность – способность к порождению нестандартных идей
	Способность решать проблему, т. е. анализировать и синтезировать идеи
	Смелость – способность идти на разумный риск
	Готовность противостоять мнению окружающих

Индекс Ричарда Флориды. Рассмотрим Индекс Ричарда Флориды. Он состоит из трёх блоков, так называемых трёх «Т», включая талант, технологии и толерантность. Следует отметить, что Р. Флорида рассматривает их как конкретные факторы, которые имеют решающее значение для регионального экономиче-

ского роста, которые он назвал «3Т экономического развития» [6]. Согласно Р. Флориде, технология – это то, что позволяет капитализму постоянно революционизировать себя, обеспечивая его жизнеспособность. Талант – второй фактор, работники умственного труда не только улучшают существующие средства производства, они создают новые продукты, которые открывают совершенно новые рынки. Третий и, пожалуй, наиболее обсуждаемый фактор – терпимость или толерантность. Это важно, поскольку талант подвижен, он течёт, и места, куда он течёт, являются самыми привлекательными [18]. Интересную иллюстрацию этого феномена Р. Флорида даёт через «Индекс геев», который разработал демограф Гэри Гейтс (график концентрации геев) [19]. Авторы обнаружили, что места, получившие высокие оценки среди геев, были тесно связаны с региональной кластеризацией индустрии высоких технологий – корреляция, которая со временем увеличивалась. Геи, конечно, не способствуют развитию высоких технологий, но они являются ведущим индикатором толерантности к месту жительства.

Забегая вперёд, следует отметить, что Р. Флорида (о чём мало упоминается) описывает, что места сосредоточения творческих людей должны обеспечивать низкие барьеры для входа талантов, а это означает быть открытыми и гостеприимными. То есть следует уделять больше внимания качеству места – то, что он называет четвёртым Т: «Территориальные активы» [20].

«Талант» позволяет оценить человеческий капитал (процент людей с высшим образованием от населения) и научный талант (процент исследователей/ученых). «Технологии» являются средним арифметическим от индекса инновационной деятельности и индекса затрат на приобретение. Первый рассчитывается как доля выданных патентов на 1 млн человек. Индекс затрат на приобретение оценивается по доле расходов на НИОКР в валовом региональном продукте. Индекс «Толерантность» в модели Р. Флориды опирался на индекс ценностей и индекс самовыражения. Индекс ценностей базировался на оценке степени разногласий между традиционным и современным обществами, тогда как индекс самовыражения – терпимости к социальным меньшинствам и мигрантам.

Из вышесказанного следует, что индекс Р. Флориды неоднозначен: размыто понимание креативного класса и включаемых в него профессий; ограниченность модели в части параметров индекса – в основном оцениваются наука и инновации и недооценивается роль культуры и креативности как таковой. В целом индекс направлен на реализацию теории творческого класса как фактора экономического роста, но не даёт ответа на вопросы о креативной экономике.

Новое исследование «Глобальный рейтинг креативности», проведённое Институтом Martin Prosperity, представляет новую модель экономического развития. Модель получила название «3Т», как у Р. Флориды, и оценивает 139 стран на основе каждого из этих критериев, а также их в совокупности (см. табл. 5).

Рейтинги креативности
Ratings of creativity

Критерий	Индекс Ричарда Флориды (три «Т»)	«Глобальный рейтинг креативности» (Global Creativity Index)
«Талант»	Позволяет оценить человеческий капитал (% людей с высшим образованием от населения) и научный талант (% исследователей/учёных)	Доля взрослых с высшим образованием и рабочей силы в креативном секторе
«Технологии»	Среднее арифметическое от индекса инновационной деятельности (доля выданных патентов на 1 млн человек) и индекса затрат на приобретение, доля расходов на НИОКР в валовом региональном продукте	Инвестиции в научные исследования и развитие, количество патентов на душу населения
«Толерантность»	Индекс ценностей (оценка степени разногласий между традиционным и современным обществами) и индекс самовыражения (терпимости к социальным меньшинствам и мигрантам)	Отношение к иммигрантам, расовым, этническим и социальным меньшинствам

Источник (Source): [6, 7]

Где место КЭ в этой схеме? Человеческий капитал становится определяющим фактором возникновения и развития «экономики знаний». Согласно нашим сравнениям КЭ также основывается на человеческом капитале. Значительное внимание в экономике знаний уделяется такой её составляющей, как образование, а инновации являются ядром экономики знаний.

Основные характеристики экономики знаний:

- информация;
- знание – ключевое преимущество перед другими ресурсами, оно является самовоспроизводящимся и бесконечным;
- наиболее важным элементом, от которого зависит экономика знаний, является научно-исследовательский сектор;
- знание – универсальный источник производства благ и в то же время товар, что означает, что одно и то же знание может использоваться в другой области;
- качество труда создаётся за счёт использования передовых технологий;
- важны умственные способности – уровень научной квалификации и практи-

ческие опыты, которыми субъект владеет, для того чтобы быть способным работать с высоким уровнем технологий, используемых в отраслях экономики знаний;

- информационные и коммуникационные технологии играют важную роль в экономике знаний, особенно компьютерные технологии, которые имеют большое значение в обработке данных и ускоряют этот процесс в обществе и экономике.

Согласно Р. Флориде творчество распространяется на всех людей, то есть встроено во все виды занятий и пересекает все социальные категории. В отличие от земли, капитала и труда, творчество – это не запас вещей, которые можно исчерпать, а неограниченный ресурс, который постоянно обновляется и улучшается за счёт образования, опыта работы и стимулирования [20, с. 196–197]. Следовательно, возникает ощущение безграничности креативной экономики в современных условиях. Получается, что КЭ растворяется в экономике знаний.

Нами было проведено сравнительное исследование концепций «экономики знаний», «постиндустриального общества» и представлений (о концепции говорить ещё рано) о креативной экономике (рис. 3).

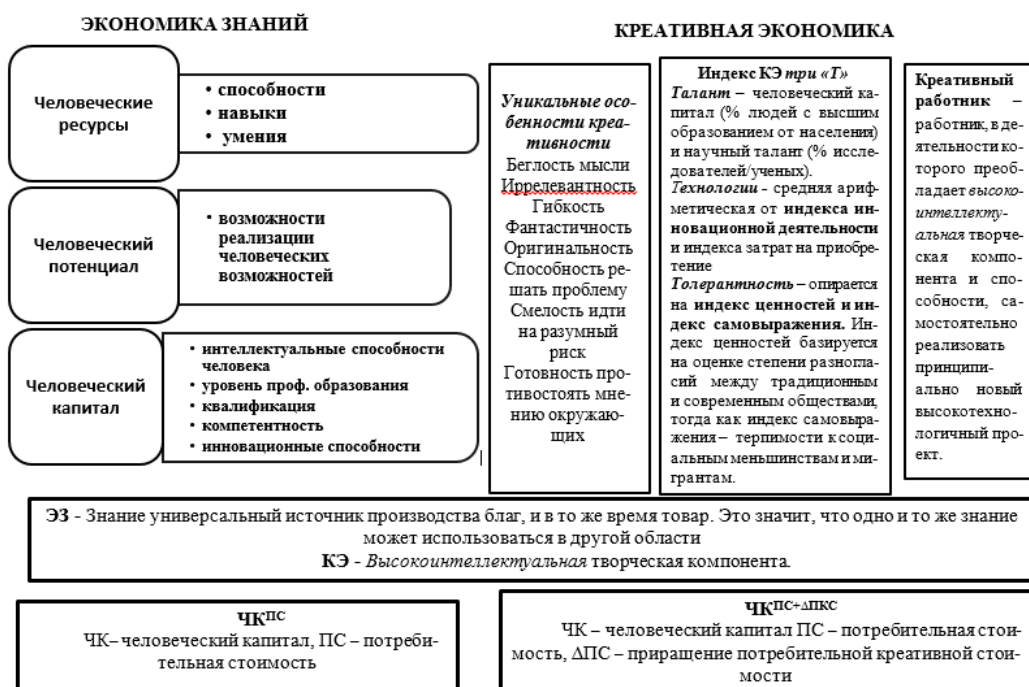

Рис. 3. Соотношение концепций «экономики знаний», «постиндустриального общества» и представлений о креативной экономике. *Источник:* составлено автором

Fig. 3. The correlation between the concepts of "economy of knowledge", "post-industrial society" and that of "creative economy". *Source:* compiled by the authors

Были выявлены противоречия и «чёрные ящики», которые необходимо разработать для завершения разработки парадигмы креативной экономики, и только тогда представляется возможность сформулировать направления её развития, оценить её вклад в развитие экономики.

Наёмный работник, носитель человеческого капитала, в рамках экономики знаний продаёт свою рабочую силу, а особенность креативного работника – собственник уникального капитала. Именно эта уникальность позволяет создавать приращение потребительной креативной стоимости.

Целенаправленные денежные вложения в развитие профессиональных компетенций человека: инвестиции на школьное образование, обучение на рабочем месте, укрепление здоровья, растущий запас информации относительно экономики. Соответственно этими благоприобретёнными характеристиками наделены работники в условиях экономики знаний, полученное одно и то же знание может использоваться в разных областях.

Г. Беккер разделил человеческий капитал на «специальный человеческий капитал» (наличие узкоспециализированных знаний и профессиональных компетенций прикладного значения, представляющих ценность лишь в рамках той организации, в которой эти знания были приобретены) и «общий человеческий капитал» (представляющий собой комплекс универсальных знаний и компетенций фундаментального значения, без владения которыми невозможно полноценно встроиться в трудовой процесс)» [21, с. 516]. Но мир так быстро меняется, меняются условия существования, механизмы экономических процессов, время циклов сжимается, как пружина. И, естественно, меняются приоритеты востребованности навыков человеческого капитала. Здесь следует пояснить. Уникальность человека присутствовала всегда, как характеристика его способностей, но ещё никогда раньше она не была так важна для роста экономики любой страны. Соответственно, если мы говорим о КЭ не как о творческом начале, которое присутствует во всех видах деятельности, а об особенных возможностях человеческого капитала, то в деление человеческого капитала Г. Беккера следует добавить креативный человеческий капитал, носителем которого является креативный работник. Он становится носителем уникальных, свойственных только ему способностей, что позволяет ему создавать значительное приращение прибыли.

Список источников

1. Образование и креативная индустрия в зеркале международных и отечественных практик // Бюллетень о сфере образования. Аналитический центр при правительстве РФ. 2017. № 13. С. 24.
2. Howkins J. The Creative economy: how people make money from ideas. 1st ed. London : Penguin Books, 2001. 263 p.
3. Hartley J. Creative Industries. Oxford : Blackwell, 2005. 434 p.

4. Karnitis E. A Knowledge-Based Human-Centered Growth Model for Latvia // *Journal of Business Economics and Management*. 2006. № 7 (3). P. 95–101.
5. Caves R. *Creative industries: contracts between arts and commerce*. Cambridge : Harvard University Press, 2002. 464 p.
6. Florida R. *The Rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York : Basic Books, 2002. 404 p.
7. Florida R., Mellander C., Stolarick K. Inside the black box of regional development – human capital, the creative class and tolerance // *Journal of Economic Geography*. 2008. № 8. P. 615–649.
8. Florida R. *The flight of the creative class*. New York : HarperCollins. 2005. 268 p.
9. Potts J. Why creative industries matter to economic evolution // *Economics of Innovation and New Technology*. 2009. № 18 (7–8). P. 663–673.
10. Murgaš F. Kreativna trieda, kreativna ekonomika a múdra spoločnosť ako riešenie ich kontroverznosti // *Creative and Knowledge Society*. 2011. № 2. P. 120–140.
11. Scott A. J. *The Cultural economy of cities*. London : Sage, 2000. 306 p.
12. Hirsch P. Processing fads and fashions: an organization-set analysis of cultural industry systems // *American Journal of Sociology*. 1972. № 77. P. 639–659.
13. Pratt A. The cultural industries production system: a case study of employment change in Britain, 1984-91 // *Environment and Planning*. 1997. № 29. P. 1953–1974.
14. *Culture, creativity and markets*. Paris : UNESCO, 1998. 484 p.
15. Matheson B. A Culture of creativity: design education and the creative industries // *Journal of Management Development*. 2006. № 25 (1). P. 55–64.
16. Mietzner D., Kamprath M. A Competence portfolio for professionals in the creative industries // *Creativity and Innovation Management*. 2013. № 22 (3). P. 280–294.
17. Cushing R. *Creative capital, diversity and urban growth*. Texas, Austin : Unpublished manuscript, 2001. 89 p.
18. Florida R. *Bohemia and economic geography* // *Journal of Economic Geography*. 2002. № 2 (1). P. 55–71.
19. Gates G., Florida R. *Technology and tolerance: The importance of diversity to high-technology growth*. 2001. Washington, DC: Brookings, 2001. URL: http://www.urban.org/UploadedPDF/1000492_tech_and_tolerance.pdf.
20. Florida R. *The creative class and economic development* // *Economic Development Quarterly*. 2014. № 28 (3). P. 196–205.
21. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Москва : Высшая школа, 2003. 672 с.

Информация об авторе

Н. В. Кузнецова – доктор экономических наук, профессор, профессор департамента социально-экономических исследований и регионального развития, Школа

экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

References

1. Education and creative industry in the mirror of international and domestic practices. *Bulletin on the education sector. Analytical Center for the Government of the Russian Federation*, 2017, no. 13, pp. 24. (In Russ.).
2. Howkins J. *The Creative economy: how people make money from ideas*. 1st ed. London: Penguin Books, 2001. 263 p.
3. Hartley J. *Creative industries*. Oxford: Blackwell, 2005. 434 p.
4. Karnitis E. A Knowledge-Based Human-Centered Growth Model for Latvia. *Journal of Business Economics and Management*, 2006, no. 7 (3), pp. 95–101.
5. Caves R. *Creative industries: contracts between arts and Commerce*. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 464 p.
6. Florida R. *The Rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York: Basic Books, 2002. 404 p.
7. Florida R., Mellander C., Stolarick, K. Inside the black box of regional development – human capital, the creative class and tolerance. *Journal of Economic Geography*, 2008, № 8, pp. 615–649.
8. Florida R. *The flight of the creative class*. New York, NY, HarperCollins. 2005. 268 p.
9. Potts J. Why creative industries matter to economic evolution. *Economics of Innovation and New Technology*, 2009, no. 18 (7–8), pp. 663–673.
10. Murgaš F. Kreativna trieda, kreativna ekonomika a múdra spoločnosť ako riešenie ich kontroverznosti. *Creative and Knowledge Society*, 2011, no. 2, pp. 120–140.
11. Scott A. J. *The Cultural economy of cities*. London: Sage, 2000. 306 p.
12. Hirsch P. Processing fads and fashions: an organization-set analysis of cultural industry systems. *American Journal of Sociology*, 1972, no. 77, pp. 639–659.
13. Pratt A. The cultural industries production system: a case study of employment change in Britain, 1984–91. *Environment and Planning*, 1997, no. 29, pp. 1953–1974.
14. *Culture, creativity and markets*. Paris: UNESCO, 1998. 484 p.
15. Matheson B. A Culture of creativity: design education and the creative industries. *Journal of Management Development*, 2006, no. 25 (1), pp. 55–64.
16. Mietzner D., Kamprath M. A Competence portfolio for professionals in the creative industries. *Creativity and Innovation Management*, 2013, no. 22 (3), pp. 280–294.
17. Cushing R. Creative capital, diversity and urban growth. Texas, Austin: Unpublished manuscript, 2001. 89 p.
18. Florida R. Bohemia and economic geography. *Journal of Economic Geography*, 2002, no. 2 (1), pp. 55–71.

19. Gates G., Florida R. Technology and tolerance: the importance of diversity to high-technology growth. Washington, DC: Brookings, 2001. URL: http://www.urban.org/UploadedPDF/1000492_tech_and_tolerance.pdf.

20. Florida R. The Creative class and economic development. *Economic Development Quarterly*, 2014, no. 28 (3), pp. 196–205.

21. Becker G. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii*. Moscow : Vysshaya shkola Publ.: Higher school, 2003. 672 p. (In Russ.).

Information about the author

N. V. Kuznetsova – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Socio-Economic Research and Regional Development, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 38–47.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 38–47.

Научная статья

УДК 622.276.04:504:001.895(98)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/38-47>

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АРКТИКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В АРКТИЧЕСКОМ СОВЕТЕ

**В. И. Салыгин¹, И. А. Гулиев¹, В. И. Рузакова¹, А. А. Шиптенко¹,
К. Д. Афанасьева², Д. С. Лобов¹, Е. О. Рябинина¹**

¹ Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД РФ, 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского

² Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД РФ (Одинцовский филиал), 143007, Россия, Московская область,
г. Одинцово, ул. Ново-спортивная, д. 3

Аннотация. В статье рассматриваются передовые российские и зарубежные технологии, которые способствуют снижению рисков антропогенных загрязнений в Арктике. Анализируются три группы инновационных технологий: технологии для глубоководной добычи, технологии ликвидации разливов нефти в Арктике и технологии, направленные на обеспечение экологической безопасности трубопроводного транспорта в Арктике. Ввиду специфики арктического региона рассмотренные технологии требуют дальнейшей доработки и эксплуатационных испытаний, поэтому видится важным научный вклад каждой страны Арктической восьмерки. В этой связи в статье показано, что поощрение обмена опытом между арктическими странами и содействие внедрению в регионе передовых инновационных экологических технологий являются стратегическими задачами России в рамках председательства в Арктическом совете в 2021–2023 гг., что подтверждает актуальность выбранной темы.

Ключевые слова: Арктический регион, Арктический совет, экологическая безопасность, зелёные технологии, инновационная деятельность.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук.

Для цитирования: Инновационная деятельность в Арктике: перспективы развития в контексте председательства России в Арктическом совете / В. И. Салыгин, И. А. Гулиев, В. И. Рузакова, А. А. Шиптенко, К. Д. Афанасьева, Д. С. Лобов, Е. О. Рябинина // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 25, № 1. С. 38–47. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/38-47>.

Original article

INNOVATIVE ACTIVITY IN THE ARCTIC: DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF THE RUSSIA'S CHAIRMANSHIP OF THE ARCTIC COUNCIL

**V. I. Salygin¹, I. A. Guliyev¹, V. I. Ruzakova¹, A. A. Shiptenko¹, K. D. Afanasyeva²,
D. S. Lobov¹, E. O. Ryabinina¹**

¹ Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

² Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), 3, Novo-Sportivnaya, Odintsovo, Moscow Region, 143007

Abstract. The article discusses Russian and foreign advanced technologies aimed at reducing the risks of anthropogenic pollution in the Arctic. Due to the specifics of the Arctic region, the technologies considered require further elaboration and operational testing. Therefore, scientific contribution of each Arctic country is valuable and necessary. In this regard, encouraging the exchange of experience among the Arctic countries and promoting the implementation of advanced innovative environmental technologies in the region are among Russia's strategic objectives under the chairmanship of the Arctic Council in 2021-2023, which confirms the relevance of the chosen topic.

Keywords: the Arctic region, the Arctic Council, environmental safety, green technologies, innovative activity.

Financial Support: The article was prepared as part of the MGIMO grant of the Ministry of Foreign Affairs of Russia for performing of scientific work by young researchers under the guidance of doctors or candidates of sciences.

For citation: Salygin V. I., Guliyev I. A., Ruzakova V. I., Shiptenko A. A., Afanasyeva K. D., Lobov D. S., Ryabinina E. O. Innovative activity in the Arctic: devel-

opment prospects in the context of Russia's chairmanship in the Arctic Council // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 25, no. 1. P. 38–47. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/38-47>.

Арктический регион играет важнейшую роль в стратегическом развитии экономики арктических государств. В Арктике находятся огромные запасы углеводородов, и регион обладает потенциалом развития экономик арктических государств, но в то же время он уязвим перед проблемой антропогенных загрязнений, которые могут возникнуть в результате аварий. Инновационные проекты в Арктике позволяют снизить риски разливов и утечек нефти, что напрямую соответствует принципу «ответственного управления в интересах устойчивого развития Заполярья», провозглашённого основным в рамках председательства России в Арктическом совете в 2021–2023 гг. [1]. Для обеспечения устойчивого развития Арктики недостаточно усилий лишь какого-либо одного из государств для предотвращения чрезвычайных ситуаций, что подразумевает обмен опытом и технологиями для анализа и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В статье рассмотрены примеры наиболее актуальных технологий, которые применяются в Арктике российскими и зарубежными компаниями.

Инновации внедряются на разных уровнях производственной цепочки для улучшения экономических показателей, но особое внимание хотелось бы обратить на зелёные технологии как новый тренд, отвечающий запросам инвесторов, регулирующих органов и общественности в целом. Данные технологии можно разделить на:

1. Технологии для глубоководной добычи, имеющие цель повышение экологической безопасности;
2. Технологии ликвидации разливов нефти в Арктике;
3. Технологии, направленные на обеспечение экологической безопасности трубопроводного транспорта в Арктике.

Технологии для глубоководной добычи, имеющие цель повышение экологической безопасности

Примерами технологий для глубоководной добычи, ориентированных на повышение экологической безопасности, могут выступать технологии по зондированию с помощью вибраций, технологии улавливания и хранения CO₂, технологии инспекции и ремонта подводных трубопроводов и инфраструктурных сооружений на шельфе, технологии контролируемого вымораживания и технология сейсмического контроля [8].

Говоря о технологии зондирования с помощью вибраций, стоит отметить, что компания Total разрабатывает данную технологию для морских и переходных зон на глубинах менее пяти метров. Это сейсмический источник нового поколения,

разработанный в рамках совместного отраслевого проекта MARVIB (совместный исследовательский проект, англ. Joint investigation project, JIP), который позволяет существенно повысить эффективность морских сейсмических исследований благодаря использованию нескольких источников вибрации одновременно. Более того, разработанный вибратор менее опасен для морских млекопитающих, чем оборудование, использовавшееся ранее [12].

Компания Equinor ведёт разработки в области улавливания углекислого газа. Компания также проводит исследования в области оснащения судов компании гибридным двигателем с целью сокращения выбросов CO₂. Технология предполагает установку большого аккумулятора, который накапливает энергию во время работы основного двигателя. Данная технология также позволяет снизить шум от работы двигателя во время стоянки в порту и повышает маневренность корабля. Стоит отметить, что аккумулятор разрабатывается сторонней компанией [11].

В области инспекции и ремонта подводных трубопроводов и инфраструктурных сооружений на шельфе можно выделить различные виды робототехники для инспекции и ремонта. Особого внимания заслуживает технология применения усовершенствованных роботов змеевидной формы компании Eelume. Роботы хранятся в специальной стыковочной станции на морском дне и могут передвигаться на большие расстояния, что позволяет увеличить скорость доставки до места инспекции. Конструкция позволяет роботам принимать различные формы в зависимости от типа сооружений, нуждающихся в инспекции. При этом в стыковочной станции хранятся различные присадки, которые робот может использовать в зависимости от вида требуемых работ [10].

В отношении технологий природного газа следует отметить, что ExxonMobil Upstream Research Company недавно завершила испытания технологии контролируемого вымораживания (Controlled Freeze Zone™), представляющей собою важнейшую инновацию, резко повышающую эффективность удаления примесей из природного газа. Технология контролируемого вымораживания CFZ™ может повысить экономичность и эффективность систем улавливания и удаления CO₂ для сокращения выбросов парниковых газов [9].

Для целей оптимизации процессов добычи и мониторинга компания ConocoPhillips разрабатывает такую технологию сейсмического контроля, как LOFS – Life of Field Seismic. Программа по созданию этой технологии была запущена в 2009 г. Благодаря инновационному использованию технологий телекоммуникационной и оборонной промышленности была разработана система для постоянного мониторинга движений нефти и воды в водохранилище Экофиск с использованием волоконной оптики. В совокупности система включает в себя 20 тыс. датчиков, 4 тыс. прослушивающих буев и 240 км волоконно-оптических кабелей, которые были установлены на дне океана. В рамках функционирования системы сей-

смические данные получают два раза в год или по мере необходимости. Этот сбор сейсмических данных позволяет постепенно составить четырёхмерную картину морского дна (под «четвёртым измерением» подразумевается время). Компания СопосоPhillips также активно разрабатывает технологии, направленные на использование дронов для целей мониторинга потенциальных аварийных ситуаций на морских буровых установках [6].

Технологии ликвидации разливов нефти в Арктике

Перейдём к рассмотрению технологий ликвидации разливов нефти в Арктике. Предотвращение разливов нефти, управление и реагирование в арктических районах включают тот же общий набор контрмер, что применяется в других регионах мира. Однако специфика региона, например, в отношении продолжительности светового дня и погодных условий работы, должна дополнительно учитываться при планировании и производстве всех работ, связанных с устранением последствий разливов нефти.

Рассмотрим применение химических реагентов и диспергентов в качестве методов ликвидации разливов нефти.

Химические реагенты для сбора нефти – это поверхностно-активные вещества, которые наносят на поверхность воды по краям разлива. Реагенты стягивают периметр нефтяного пятна и сгущают субстанцию таким образом, чтобы её толщина подлежала воспламенению. Они могут применяться в свободных ото льда водах или в водах с ограниченной плотностью ледяного покрова (от 0/10 до 6/10 ледяного покрова). Химические реагенты применяются уже в течение нескольких десятилетий, но до настоящего времени они не были широко распространены, поскольку эффективны только в условиях штиля и малоэффективны в ледяной воде. Последние исследования уже привели к созданию новых типов химических реагентов, пригодных для использования в холодной воде, которые доказали свою эффективность в лабораторных условиях и в рамках испытаний, – например, реагенты ThickSlick 6535 и OP-40 [6].

Практически все существующие химические диспергенты, например, Corexit 9500A или Corexit 9527A, представляют собой смеси поверхностно-активных веществ в растворителе. Они снижают поверхностное растяжение при взаимодействии нефти и воды, позволяя им смешиваться. Растворители необходимы для растворения поверхностно-активных веществ, чтобы диспергенты превращались в жидкость однородной консистенции и низкой вязкости. Когда диспергенты распыляются поверх нефтяного пятна на морской поверхности, при взаимодействии с энергией волны, пониженное поверхностное растяжение приводит к тому, что разлив нефти распадается на микро-капли (менее 100 мкм). Впоследствии подземные течения размывают капли нефти в толще воды, где они колонизируются и подвер-

гаются биологическому разложению бактериями, питающимися нефтью. Как правило, диспергенты распыляются на поверхности моря судами или летательными аппаратами при отношении диспергента к нефти около 1:20. Более низкое соотношение может быть использовано в случае прямого подводного закачивания диспергента в скважину [6].

Российские компании также развивают эко-технологии для их дальнейшего применения в Арктике. Например, ПАО «Транснефть» развивает технологию борьбы с разливами нефти в арктических водах с большой концентрацией льда (до 90 %) с помощью морозоустойчивых скиммеров. Данная технология служит для локализации загрязнённой нефтью смеси рыхлого льда и снега, а также её транспортировки к месту сбора. На данный момент технология проходит дополнительные испытания в порту Приморск [5].

Технологии, направленные на обеспечение экологической безопасности трубопроводного транспорта в Арктике

В условиях специфики арктического климата аварии на трубопроводном транспорте приводят к особо долгосрочным негативным последствиям, а для нефтегазовых компаний выливаются в большие штрафы, репутационный урон и т. д. Контроль над антропогенными рисками осуществляется за счёт систем обнаружения утечек (COY). Наиболее общая классификация COY приведена в стандарте 1130, разработанном API (American Petroleum Institute) [7]. Согласно этой классификации, методы, используемые для обнаружения утечек в трубопроводе, можно разделить на две категории: внутренние и внешние.

Примером внутреннего может служить метод «Volume balance». «Объёмный метод» обнаружения утечек основан на измерении несоответствий между входящими и исходящими объёмами продукции конкретного участка трубопровода. Осуществляется усовершенствованной автоматизированной техникой, которая делает запись для коррекции линии путём оценки изменений в объёме из-за температуры и/или перепадов давления. Предоставленный объёмный модуль используется для расчётов изменений на линии. При данном методе используется также динамический объёмный модуль для оценки коррекции PackLine. По сравнению с другими методами обнаружения утечек данный метод особенно полезен при определении небольших утечек. Тем не менее, утечки, как правило, обнаруживаются более медленно, и измерения расхода при утечках на каждом конце линии или сегмента трубопровода не будут определять место утечки. Большая часть программного обеспечения на основе систем объёмного модуля включает дополнительные алгоритмы для определения мест утечек на основе анализа давления [13].

В качестве внешнего метода рассмотрим «Acoustic Emissions». Обнаружение утечек в трубопроводах с использованием технологии акустической эмиссии осно-

вано на принципе того, что утечка жидкости создаёт акустический сигнал при прохождении через перфорации в трубе. Акустические датчики, прикрепленные к наружной стороне трубы, контролируют внутренние уровни шума трубопровода и их местоположения. Эти данные используются для создания базовой «акустической карты» линии трубопровода [12]. При возникновении утечки, в результате низкой частоты, звуковой сигнал обнаруживается и анализируется с помощью системных процессоров. Отклонения от базового акустического профиля приводят к сигналу тревоги. Изменение уровня шума позволяет определить места утечки. Метод акустической эмиссии применяется наружно для подземных трубопроводов с помощью стальных стержней, установленных в земле вдоль трубопровода.

Подводя итог, необходимо отметить, что рассмотренные зарубежные и российские технологии являются передовыми и на данный момент времени имеют критически важное значение для освоения Арктики, поскольку позволяют развить экономический потенциал региона и в то же время снизить риски негативного влияния на уникальную окружающую среду Арктики, что является интересом всех арктических государств. Перечисленные технологии требуют дальнейшей доработки и эксплуатационных испытаний, что объясняется спецификой арктического региона, поэтому требуется научный вклад каждой страны-участницы Арктического совета. В связи с этим председательство России в Арктическом совете может стать двигателем, который позволит стимулировать международное сотрудничество в сфере развития экологических разработок. Поощрение обмена опытом между арктическими странами является стратегической задачей России, и в рамках председательства она, несомненно, будет способствовать развитию международного сотрудничества в данной сфере.

Список источников

1. Председательство России в Арктическом совете в 2021–2023 гг. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/russian-chairmanship-2/>.
2. Трубопроводный транспорт нефти // Транснефть-Медиа. 2021. Август, № 8. С. 26.
3. Отчёт Объединённого исследовательского центра Европейской комиссии «Safety Aspects of Offshore Oil and Gas Operations in Arctic and Sub-Arctic Waters» // Официальный сайт Европейской комиссии. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/safety-aspects-offshore-oil-and-gas-operations-arctic-and-sub-arctic-waters>.
4. Technical review of leak detection technologies. Crude oil transmission pipelines / Alaska Department of Environmental Conservation. URL: <https://dec.alaska.gov/spar/ppr/docs/ldetect1.pdf>.
5. Carbon Capture solutions // Официальный сайт компании Equinor. URL: <https://www.equinor.com/en/magazine/carbon-capture-and-storage.html>.

6. ExxonMobil invests \$1 billion per year in energy research, emerging technologies // Официальный сайт Exxonmobil. URL: <https://corporate.exxonmobil.com/en/Research-and-innovation/University-partnerships/ExxonMobil-invests-1-billion-per-year-in-energy-research-emerging-technologies>.

7. Here are six of the coolest offshore robots // Официальный сайт компании Equinor. URL: <https://www.equinor.com/en/magazine/here-are-six-of-the-coolest-offshore-robots.html>.

8. How we lifted an entire platform in one go? // Официальный сайт компании Equinor. URL: <https://www.equinor.com/en/magazine/how-we-lifted-an-entire-platform.html>.

9. Introduction to acoustic emission. Integrity diagnostics. URL: <http://www.idinspections.com/acoustic-emission-phenomenon/> (дата обращения 11.11.2021 г.).

10. JRC Technical Report // Сайт исследовательского института JRC при Европейской комиссии. Р. 18. URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC114560/jrc114560_jrc114560_articic_and_sub-arctic_offshore_installations_safety_revised_by_ipo_final.pdf.

11. Recent advances in pipeline monitoring and oil leakage detection technologies: principles and approaches. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwi_14vc5JL0AhUN_CoKHWM2BgwQFnoECBEQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.mdpi.com%2F1424-8220%2F19%2F11%2F2548%2Fpdf&usq=AOvVaw37qMeMbog9gksb5JRKH9kY.

Информация об авторах

Валерий Иванович Салыгин – доктор технических наук, профессор кафедры управления инновациями, Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД РФ, г. Москва, Россия, miep@mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6471-6794>

Игбал Адиль Оглы Гулиев – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления инновациями, Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД РФ, г. Москва, Россия, guliyev@miep-mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8667-8132>

Валерия Игоревна Рузакова – аспирант кафедры международного права, ведущий аналитик Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики, Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД РФ, г. Москва, Россия, ruz-valeriya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-8661>

Арина Андреевна Шиптенко – студентка магистерской программы «Экономика» МГИМО МИД РФ, г. Москва, Россия, arina.dulepova@gmail.com

Кристина Даниловна Афанасьева – студентка бакалавриата, Международный институт энергетической политики и управления инновациями Одинцовского филиала МГИМО МИД России, г. Одинцово, Россия, afanasyeva.k@odin.mgimo.ru

Даниил Сергеевич Лобов – соискатель кафедры Международных проблем ТЭК, Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД РФ, г. Москва, Россия, d.lobov@odin.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9548-2502>

Елизавета Олеговна Рябинина – студентка бакалавриата, Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД РФ, г. Москва, Россия, riabinina.len2016@yandex.ru

References

1. Russian chairmanship of the Arctic Council in 2021–2023. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/russian-chairmanship-2/>. (In Russ.).
12. Pipeline transportation of oil. *Transneft-media*, 2021, August, 08, pp. 26. (In Russ.).
13. *Report of the Joint Research Center of the European Commission «Safety aspects of offshore oil and gas operations in Arctic and Sub-Arctic Waters»*. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/safety-aspects-offshore-oil-and-gas-operations-arctic-and-sub-arctic-waters>.
14. *Technical review of leak detection technologies. Crude oil transmission pipelines. Alaska Department of Environmental Conservation*. URL: <https://dec.alaska.gov/spar/ppr/docs/ldetect1.pdf>.
15. *Carbon Capture solutions. Official site of the company Equinor*. URL: <https://www.equinor.com/en/magazine/carbon-capture-and-storage.html>.
16. *ExxonMobil invests \$1 billion per year in energy research, emerging technologies. Official site of Exxonmobil*. URL: <https://corporate.exxonmobil.com/en/Research-and-innovation/University-partnerships/ExxonMobil-invests-1-billion-per-year-in-energy-research-emerging-technologies>.
17. *Here are six of the coolest offshore robots. Official site of Equinor*. URL: <https://www.equinor.com/en/magazine/here-are-six-of-the-coolest-offshore-robots.html>.
18. *How we lifted an entire platform in one go? Official site of Equinor*. URL: <https://www.equinor.com/en/magazine/how-we-lifted-an-entire-platform.html>.
19. *Introduction to acoustic emission. Integrity diagnostics*. URL: <http://www.idinspections.com/acoustic-emission-phenomenon/>.
20. *JRC Technical Report. Official site of the JRC Research Institute at the European Commission. P. 18*. URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC114560/jrc114560_jrc114560_arctic_and_sub-arctic_offshore_installations_safety_revised_by_ipo_final.pdf.

21. Recent advances in pipeline monitoring and oil leakage detection technologies: principles and approaches. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwi_14vc5JL0AhUN_CoKHWM2BgwQFnoECBEQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.mdpi.com%2F1424-8220%2F19%2F11%2F2548%2Fpdf&usg=AOvVaw37qMeMbog9gksb5JRKH9kY.

Information about the authors

Valery Ivanovich Salygin – Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Innovation Management, Director of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, miep@mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6471-6794>

Igbal Adil Ogly Guliyev – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovation Management, International Institute of Energy Policy and Diplomacy of MGIMO University, Moscow, Russia, guliyev@miep-mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8667-2016>

Valeria Igorevna Ruzakova – Postgraduate Student of the Department of International Law, Leading Analyst, Center for Energy and Digital Economy Strategic Research, MGIMO University, Moscow, Russia, ruz-valeriya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-8661>

Arina Andreevna Shiptenko – Student of the Master's Degree Program "Economics", MGIMO University, Moscow, Russia, arina.dulepova@gmail.com

Christina Danilovna Afanasyeva – Undergraduate Student, International Institute of Energy Policy and Innovation Management at MGIMO University, Odintsovo branch, Odintsovo, Russia, afanasyeva.k@odin.mgimo.ru

Daniel Sergeevich Lobov – Applicant for the Department of International Issues in Fuel and Energy, International Institute of Energy Policy and Diplomacy of MGIMO University, Moscow, Russia, d.lobov@odin.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9548-2502>

Elizaveta Olegovna Ryabinina – Undergraduate Student, International Institute of Energy Policy and Diplomacy of MGIMO University, Moscow, Russia, riabinina.len2016@yandex.ru

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 48–63.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 48–63.

Научная статья

УДК 502.51:574.5:622.276.04(5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/48-63>

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ШЕЛЬФОВЫХ ОБЪЕКТОВ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА НА ГИДРОБИОЦЕНОЗЫ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Андрей Игоревич Никифоров¹, Рипсима Сергеевна Хачатрян²

^{1, 2} Кафедра международных комплексных проблем природопользования и экологии, Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО Университет), 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76

¹ hosanianig@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3112-5378>

² ripsimeshka@list.ru

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы комплексного воздействия топливно-энергетического комплекса в Азиатско-Тихоокеанском регионе на структуру и функционирование гидробиоценозов. Рассмотрены типы влияния на компоненты водной биоты как отдельных структур нефтегазовой отрасли энергетики, так и различных объектов энергетического сектора, относящихся к кластеру возобновляемой энергетики (в частности, к инфраструктуре ветровых и приливных электростанций). В рамках рассматриваемой проблемы обсуждаются механизмы реализации Международной Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов; в частности, приведены примеры трансформации объектов нефтегазодобывающей инфраструктуры путём создания из них искусственных рифов в соответствии с Протоколом, регулирующим вопросы вывода морских нефтяных платформ из эксплуатации. Отдельно затронут аспект восстановления численности популяций промысловых рыб и других ценных гидробионтов. Также в работе описаны негативные и позитивные эффекты, проявляющиеся в отношении компонентов биоразнообразия водных экосистем при функционировании различных энергетических объектов, расположенных на шельфе.

Ключевые слова: топливно-энергетический сектор, нефтяная платформа, шельфовая ветроэнергетика, приливная энергетика, биоразнообразие, искусственные рифы, прикрепленные организмы, инвазивные виды, устойчивое развитие

Для цитирования: Никифоров А. И., Хачатрян Р. С. Эколого-экономические эффекты воздействия шельфовых объектов топливно-энергетического сектора на гидробиоценозы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 48–63. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/48-63>.

Original article

ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE IMPACT OF OFFSHORE FACILITIES OF THE FUEL AND ENERGY SECTOR ON HYDROBIOCENOSSES IN THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Andrey Ygorevich Nikiforov¹, Ripsime Sergeevna Khachatryan²

^{1, 2} Department for Environment and Natural Resources Studies

Moscow State Institute of International Relationships (University),

119454, Russian Federation, Moscow, Prospekt Vernadskogo 76

¹ hosanianig@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3112-5378>

² ripsimeshka@list.ru

Abstract. The article discusses the problems of complex impact of the fuel and energy complex in the Asia-Pacific region on the structure and functioning of hydrobiocenoses. The types of impact on the components of aquatic biota of both individual structures of the oil and gas energy industry and various facilities of the energy sector belonging to the renewable energy cluster (in particular, to the infrastructure of wind and tidal power plants) are considered. Mechanisms of implementation of the International Convention on the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Wastes and Other Matter are discussed within the framework of the problem in question; examples are given, in particular, of transformation of oil and gas production infrastructure facilities by creating artificial reefs in accordance with the Protocol Governing the Issues of Decommissioning Offshore Oil Platforms. Recovery of the population of commercial fish and other valuable hydrobionts is also touched upon. The paper describes negative and positive effects of various energy facilities located on the shelf on the components of aquatic ecosystem biodiversity.

Key words: fuel and energy sector, oil platform, offshore wind energy, tidal energy, biodiversity, artificial reefs, attached organisms, invasive species, sustainable development.

For citation: Nikiforov A. I., Khachatryan R. S. Environmental and economic consequences of the impact of offshore facilities of the fuel and energy sector on hydrobiocenoses in the countries of the Asia-Pacific Region // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. V. 24, No. 1. P. 48–63. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/48-63>.

Введение

Растущее население планеты неуклонно требует получения всё большего количества энергии. При этом, поскольку ёмкость окружающей среды по отношению к антропогенным воздействиям остаётся практически неизменной, наблюдается постепенное увеличение негативного воздействия на все компоненты биоты. Наиболее ярко подобные эффекты наблюдаются в водных экосистемах.

В то же время, в последние годы прослеживается явная тенденция к активному вовлечению различных (в том числе и морских) акваторий в процессы исследования, разведки, добычи и непосредственного использования энергетических ресурсов различного типа.

Энергетический сектор мировой экономики оказывает сегодня колоссальное влияние на экосистемы планеты. В отношении углеводородной энергетики известно, что прямое её воздействие на различные организмы выражается в первую очередь в выбросах загрязняющих веществ (сажа, оксиды серы и азота, циклические углеводороды и др.), а также в изменении ряда характеристик естественных сред обитания. Также зачастую остаются нерешёнными проблемы утилизации отходов.

Но и объекты ТЭК из сферы возобновляемой энергетики, в частности, ориентированные на использование энергии ветра и энергии перемещающейся воды, также оказывают существенное негативное воздействие на компоненты живой природы, выражающееся в шумовом, электромагнитном и вибрационном загрязнении среды. При этом в каждом конкретном случае весьма затруднительно в полной мере оценить весь масштаб указанных воздействий на биоту, в силу огромного количества взаимосвязей между живыми существами в биосфере.

Указанные выше процессы широко распространены в Азиатско-Тихоокеанском регионе ввиду высоких темпов его экономического развития. Одной из ключевых задач региона является достижение максимально возможной энергоэффективности, в первую очередь за счёт более эффективного использования добываемых ископаемых энергоносителей, а также расширения использования возобновляемых источников энергии. Вместе с тем, необходимость увязывать интересы регионального энергетического бизнеса с провозглашёнными Целями Устойчивого Развития формирует задачи по минимизации негативного воздействия на компоненты окружающей среды.

Поскольку в Азиатско-Тихоокеанском регионе ТЭК тесно связан с эксплуатацией различных акваторий (шельфовая добыча нефти и газа, развитие ветровой и приливной энергетики), представляется интересным оценить направленность и масштабы воздействия различных объектов ТЭК на гидробиоценозы.

Нефтяные платформы

Нефтегазовая отрасль является важнейшей частью функционирования социально-экономических систем в АТР, поскольку обеспечивает получение сырьевых энергетических ресурсов, а также продуктов газо- и нефтепереработки. Современный мир, несомненно, пока в значительной мере зависит от ископаемых углеводородов, поскольку, помимо непосредственного использования их в качестве топлива, они также являются источником колоссального количества самых различных товаров. Так, из продуктов переработки нефти и газа получают полимерные материалы и синтетические волокна, лекарственные средства и технические жидкости. Это является одной из причин, почему нефтегазовая отрасль играет ведущую роль в мировой экономике сегодня и будет иметь существенное значение в ближайшем будущем.

По мере истощения нефтегазовых месторождений на суше, всё более активно ведётся разработка морских месторождений, большая часть которых располагается на континентальном шельфе. Однако в последнее время прослеживается тенденция по снижению количества нефтяных платформ как во всем мире, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (рис. 1, 2).

При этом следует отметить, что процессы разведки, добычи, транспортировки, потребления и переработки нефтепродуктов могут оказывать различное (как негативное, так и отчасти позитивное) воздействие на водные биоценозы.

Так, в 2020 г. абсолютным лидером по количеству установленных нефтяных платформ в Азиатско-Тихоокеанском регионе являлся Китай. Но важно отметить, что за последние два года их количество снизилось (рис. 3). Похожая ситуация наблюдается в Индии: в краткосрочной перспективе в Индии наблюдается резкий спад количества возводимых нефтяных платформ.

Монтаж, эксплуатация и демонтаж нефтяных платформ вызывают ряд изменений морской среды. В ходе подготовительных работ неминуемо уничтожается часть бентосных организмов (моллюски, полипы, иглокожие и др.), происходит изменение ключевых характеристик их местообитания (меняется прозрачность воды, концентрация питательных веществ, направление течения водных масс и т. д.).

Но, в то же время, установленные платформы становятся вполне подходящим субстратом для прикрепленных организмов различных таксонов (губки, кораллы, моллюски и др.), а также удобным местообитанием для целого ряда иных организ-

мов (иглокожие, кишечнopolостные, рыбы и др.) [20]. Фактически, это позволяет усматривать в этом процессе течение экологической сукцессии по пути создания сложной структуры биоразнообразия рифового типа.

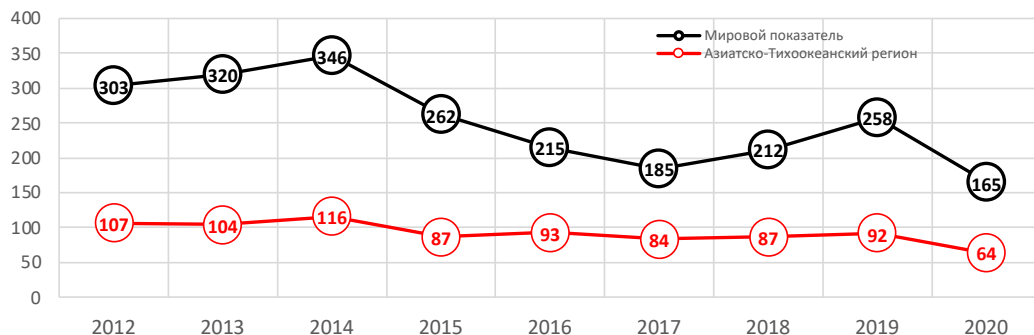

Рис. 1. Изменение количества нефтяных платформ в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Источник: составлено авторами на основе [12]

Fig. 1. Change in the number of oil platforms in the world and in the Asia-Pacific region.

Source: compiled by the authors based on [12]

Безусловно, добыча нефти на шельфе сильно трансформирует морские экосистемы в глобальном масштабе. Большинство исследований и природоохранных мероприятий освещают вопросы восстановления измененных экосистем до исторически нетронутого состояния. Однако в последнее время экспертами широко обсуждается концепция создания «новых экосистем», призванная обеспечить возможность управления экосистемами, восстановление которых в исходном виде, по целому ряду причин, более невозможно [9]. Интересно, что иногда рукотворная «новая экосистема» может быть даже более продуктивной и предоставлять больше экосистемных услуг, чем исходные неизмененные биоценозы [2].

Сам термин «новые экосистемы» широко используется сегодня в области охраны окружающей среды на суше и восстановления наземных экосистем. Однако существует лишь небольшое количество работ, рассматривающих создание комплексной системы принятия решений по применению данной концепции в измененных человеческой деятельностью морских экосистемах [10].

В то же время, именно концепция «новых экосистем» должна являться ключевой в принятии решений по управлению измененными экосистемами для достижения сбалансированного социального, экологического и экономического развития. Так, одним из решений в рамках данной концепции являются, например, сохранение вышедших из эксплуатации нефтяных платформ и дальнейшая эксплуатация сформировавшихся «новых экосистем», а не попытки (чаще всего безуспешные) восстановления исходных гидробиоценозов.

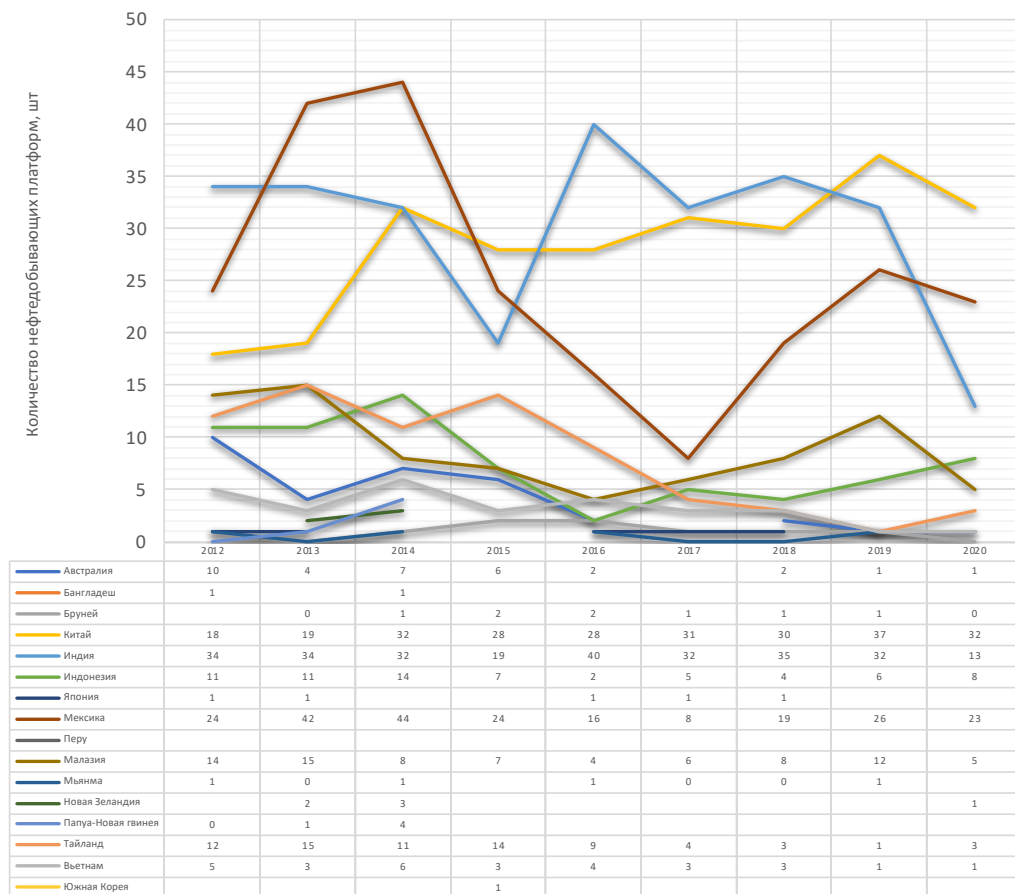

Рис. 2. Изменение количества нефтяных платформ в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Источник: составлено авторами на основе [12]

Fig. 2. Change in the number of oil platforms in some countries Asia-Pacific region. Source: compiled by the authors based on [12]

Морские искусственные экосистемы, возникающие на базе нефтяных платформ, являются потенциальными источниками экономической выгоды с позиций организации любительского рыболовства. Однако использование специальных коммерческих орудий лова, как правило, исключено, поскольку ведёт к увеличению риска повреждения подводной инфраструктуры [7]. Более того, некоторые государства вводят «зоны нефтяной безопасности». Например, в Австралии «зона безопасности» простирается на расстояние до 500 метров от внешнего края любой скважины или сооружения [6].

В США (в Калифорнии) было установлено, что морские нефтяные платформы часто являются пристанищем для экономически ценных видов камбаловых рыб.

Вследствие этого судам не рекомендуется вторгаться в 150-метровую буферную зону, чем ограничивается рыболовная деятельность. Кроме того, нефтяные платформы могут являться своего рода убежищем для ряда видов гидробионтов, находящихся под угрозой истребления, так как подобные сооружения могут обеспечивать более высокие показатели выживаемости, чем в естественных условиях. При этом малочисленные популяции рыб, являющиеся традиционным объектом лова, концентрируются около подобных сооружений и могут увеличивать свою численность [17]. Так, например, восемь платформ, расположенных южнее Калифорнии, обеспечили постепенную стабилизацию подрванной численности ценного морского окуня *Sebastes paucispinis* [15].

Однако этот эффект может иметь и негативные последствия для биоразнообразия, поскольку рукотворные искусственные сооружения на шельфе могут стать средой обитания опасных инвазивных видов, успешно конкурирующих с нативной фауной гидробионтов [19].

В настоящее время существует четыре варианта вывода подобных сооружений из эксплуатации: оставление платформы на месте; частичное удаление (как правило, надводной надстройки); буксировка (перемещение) сооружения на новое место; а также опрокидывание путём укладки сооружения на бок на дно. Разные типы вывода морских платформ из эксплуатации отличаются по степени потенциальной опасности для водных (морских) экосистем. Так, транспортировка (особенно на большие расстояния) наиболее опасна с позиций распространения инвазивных видов [19].

В этой связи важно отметить, что 7 ноября 1996 г. был принят Протокол, регулирующий вопросы вывода морских нефтяных платформ из эксплуатации, ставший неотъемлемым компонентом Международной Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г. [22]. Данный Протокол предполагает запрет на сброс, оставление или опрокидывание платформ и других искусственных сооружений в море.

Однако, как уже было сказано выше, в ряде случаев именно оставление конструкций платформы «на месте» может, наоборот, способствовать сохранению компонентов морского биоразнообразия. Это явилось причиной разработки международной программы Rigs-to-Reefs, которая предполагает превращение отработавших свой срок нефтяных платформ и вышек в искусственные рифы.

Так, в Южно-Китайском море на границе Брунея-Даруссалама и Малайзии находится нефтяная вышка, которая по программе «Rigs-to-Reefs» превращена в искусственный риф. Проведённые в 2012 г. исследования показали, что сооружение приобрело функциональные свойства рифовой экосистемы. В 2020 г. изучение биоценоза этого искусственного рифа показало, что он обладает высокой жизнеспособностью. Это позволило сделать вывод, что, по меньшей мере, каждая пятая

морская нефтяная платформа, находящаяся в мелких тропических водах Малайзии, может рассматриваться как потенциальный объект для создания искусственного рифа, а другие платформы могут быть перемещены в зону с высоким индексом рифования [18].

Опыт Австралии показывает, что создание искусственных рифов в различных частях побережья позволяет значительно повысить биологическую продуктивность местных акваторий и оптимизировать среду обитания в районах с низкой численностью рыбы. Исследования, проведенные в Южной Австралии, доказали, что объём рыбных запасов в акваториях с искусственными рифами на базе выведенных из эксплуатации нефтяных платформ на 16–20% выше по сравнению с близлежащими естественными рифами. Искусственные рифы также играют важную роль в предоставлении пищи и убежища для мальков коммерческих и рекреационных видов рыб [4].

США – одно из государств, где законодательно разрешено создавать из нефтегазовых объектов искусственные рифы, но лишь после прохождения тщательного процесса оценки пригодности для этого как самих конструкций, так и акватории. По имеющимся в литературе данным, за последнее десятилетие в США в среднем 14% выведенных из эксплуатации сооружений данного типа были переоборудованы в искусственные рифы [4].

Морские ветряные электростанции

Объективная ситуация, складывающаяся с планетарным балансом парниковых газов на фоне увеличения потребления ископаемых углеводородов, указывает на тенденцию увеличения рисков для окружающей среды вследствие изменения климата. Это, в свою очередь, способствует постепенному увеличению использования различных возобновляемых источников энергии в большинстве государств мира.

Ветроэнергетика является одним из таких решений, причём в краткосрочных и долгосрочных международных энергетических стратегиях всё возрастающую роль играет так называемая прибрежная ветряная энергетика, поскольку значительное количество крупных населённых пунктов так или иначе сосредоточено в прибрежной зоне морей и океанов.

Так как скорость ветра над морем чаще всего значительно выше скорости его над поверхностью суши, то прибрежная ветроэнергетика в среднем более производительна, чем сухопутная. В обозримом будущем количество электроэнергии, вырабатываемой прибрежными ветровыми энергопарками, будет расти. Так, если в 2016 г. совокупная мировая мощность ветровых энергоустановок составляла около 14 ГВт, то к 2022 г. ожидается увеличение этого показателя до 41 ГВт [11].

С 1996 г. по 2020 г. количество ветровых парков возросло на 121%, а количество установленных турбин на 245%. Эта тенденция подразумевает увеличение масштабов установки ветряных установок [21]. В Азиатско-Тихоокеанском регионе

абсолютным лидером и по количеству шельфовых ветровых энергопарков, и по их мощности является Китай.

Более половины ветровых энергоустройств расположено на расстоянии до 25 километров от берега (рис. 3). Это означает, что большинство сооружений ветровых электростанций оказывают воздействие прежде всего на обитателей эвфоти-ческой зоны водоёмов.

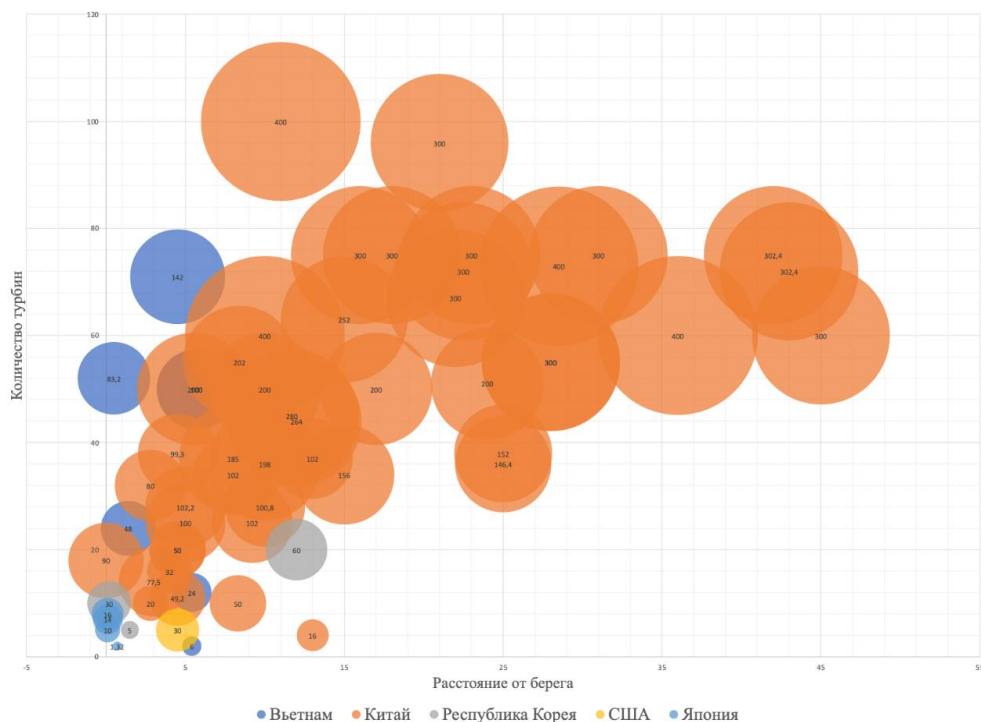

Рис. 3. Шельфовые ветровые энергопарки Азиатско-Тихоокеанского региона: расстояние от берега (км), количество турбин (шт.) и мощность (МВт).

Источник: составлено авторами на основе [8]

Fig. 3. Offshore wind power parks in the Asia-Pacific region: distance from the coast (km), number of turbines (pieces) and power (MW).

Source: compiled by the authors based on [8]

В период строительства ветровых электростанций на различные экологические группы гидробионтов конкретного участка акватории оказывается разнокачественное воздействие. Так, при забивании свай, бурении и выполнении иных работ на дне возникают упругие волны механических колебаний различной амплитуды. Это служит мощным отпугивающим фактором и порождает миграцию морских млекопитающих и крупных видов рыб в противоположном от источника шумового

загрязнения направлении. Работы на глубине вызывают также резкое повышение мутности воды, что крайне негативно сказывается на организмах, чувствительных к данному фактору (личиночные и взрослые формы рыб, ракообразные, моллюски, иглокожие и др.). Всё это приводит к резкому обеднению биоразнообразия в районе созданного ветрового энергопарка.

Но, как показали дальнейшие исследования, указанные изменения в гидробиоценозах могут быть обратимы. Так, сразу после прекращения воздействия названных негативных факторов многие организмы возвращаются к стабильной жизнедеятельности. В период эксплуатации энергопарков наблюдается постепенное увеличение видового разнообразия гидробионтов вблизи оснований ветряных электростанций [16].

Исключение составляют лишь те случаи, когда негативное воздействие было оказано строительством в те или иные критические периоды жизненного цикла конкретного вида (нерест, сезонная миграция, инкубация икры и др.). Поэтому, для минимизации экологических рисков, проведение строительных работ в подобных районах должно быть синхронизировано с биологическими циклами большинства гидробионтов.

В процессе эксплуатации ветровые энергоустановки создают вибрации, приводящие к подводным колебаниям на такой длине волны, которую могут воспринимать как рыбы, так и млекопитающие [1]. Это негативно воздействует на тех водных обитателей, внутривидовая и межвидовая коммуникация которых основана на гидроакустических механизмах. К числу преимущественно негативных эффектов воздействия ветровых энергопарков на гидробионтов следует отнести и формирование электромагнитных полей вокруг разнообразных изолированных кабелей, поскольку многие рыбы используют для поиска добычи электромагнитные сигналы и деформация силового поля приводит к их дезориентации и снижению эффективности охоты.

Но, тем не менее, как и в случае с нефтяными платформами, с точки зрения формирования биологического разнообразия обитателей, морские ветровые электростанции также обладают всеми эффектами искусственного рифа. Это выражается в том, что они служат субстратом для различных прикрепленных организмов, являются кормовой площадкой, используются как убежище, как место для нереста и др. Подобные типы взаимодействий сохраняются, естественно, и после вывода из эксплуатации указанных сооружений, когда указанные выше негативные эффекты в виде вибрационного и электромагнитного загрязнений, наоборот, исчезают.

С учётом совокупного экологического и экономического эффектов, оцениваемых с позиций рационального природопользования (куда включаются выгоды для рыболовства и рекреационного бизнеса), можно считать, что энергетические ветропарки в целом не оказывают значительного негативного воздействия на окружающую среду [13].

Приливные электростанции

Из-за относительно малого количества мест, подходящих для устойчивой эксплуатации приливо-отливной энергии морских вод, объекты приливной электроэнергетики распространены в гораздо меньшей степени.

Однако, несмотря на сложности с установкой и использованием оборудования, у данного способа добычи энергии существуют неоспоримые преимущества: невозможность исчерпать энергоресурс, долгосрочная предсказуемость явления перемещения водных масс, а также высокая долговечность сооружений.

В настоящее время многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона разрабатывают проекты строительства приливных электростанций, но действующими объектами данного типа располагают пока лишь две страны – Республика Корея и Китай (см. табл. 1).

Таблица 1

Действующие приливные электростанции в Азиатско-Тихоокеанском регионе Operating tidal power plants in the Asia-Pacific region

Страна	Объект	Установленная мощность (МВт)	Площадь бассейна (км ²)	Средний уровень прилива (м)
Республика Корея	Залив Сихва	254	30	5,6
Китай	Залив Юэцин	3,9	1,4	5,08

Источник: составлено авторами на основе [3]

Source: compiled by the authors based on [3]

Ввиду указанных выше преимуществ приливных электростанций, целый ряд стран региона (Индия, Индонезия, Россия) готовится реализовать планы их строительства. Но пока первенство в регионе по использованию энергии приливов делят две страны – Республика Корея и Китай [14].

В отношении влияния приливных электростанций на водные экосистемы прежде всего следует отметить потенциальную возможность изменения водного баланса обширных прибрежных территорий. Так, ввиду изменения характера отложения иловых наносов, возможна потеря нерестилищ и мест нагула для некоторых видов рыб; также есть риск утраты определённых наземных местообитаний, например, приливных илистых и солончаковых болот, которые, в свою очередь, являются жизненно необходимыми для целого ряда редких видов птиц.

В то же время, из-за увеличения прогрева водных масс может быть увеличена первичная продуктивность акваторий, что, в свою очередь, может способствовать увеличению популяций планктоноядных и растительноядных рыб, а также моллюсков-фильтраторов. Ввиду изменения волновой нагрузки и изменения течений в

акватории могут быть также изменены соотношения подвижных и прикреплённых форм бентосных гидробионтов [5].

В отношении же часто упоминаемых в литературе рисков прямого травмирования рыб, млекопитающих и иных водных организмов деталями турбин следует заметить, что современные конструкции водоагрегатов, а также строительство специальных рыбоходов сводят подобные эффекты к минимуму. Международный опыт многолетней эксплуатации приливных электростанций в совокупности показал, что их негативное воздействие на гидробиоценозы минимально, тогда как сами сооружения (как и упоминавшиеся выше основания нефтяных платформ и ветровых энергоустановок) обладают всеми свойствами и параметрами, присущими так называемым искусственным рифам.

Заключение

На сегодняшний день в странах Азиатско-Тихоокеанского региона всё большее распространение получают способы добычи ископаемых энергоресурсов и получения энергии на прибрежных или морских территориях. Так, Китай, являясь абсолютным лидером региона по количеству нефтяных платформ на шельфе и совокупной мощности шельфовых ветровых энергопарков, планирует дальнейшее увеличение числа таких объектов; в Республике Корея установлена мощнейшая в мире приливная электростанция.

Поскольку шельфовая зона является средоточием биоразнообразия гидробионтов, все виды вмешательства человека в сложившиеся гидробиоценозы оказывают прямое или косвенное воздействие на компоненты биологического разнообразия. Данное воздействие может носить как отрицательный (снижение числа видов, ухудшение условий питания, загрязнение среды и др.), так и положительный (увеличение численности отдельных видов, повышение биологической продуктивности и др.) эффект.

Поэтому одной из важнейших задач, решаемых в последние годы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, является возможное снижение негативных последствий для гидробиоценозов от строительства на шельфе новых объектов топливно-энергетического комплекса – при одновременном поиске технических и организационных решений, учитывающих потенциальные возможности извлечения положительных экологических эффектов от их наличия.

Список источников

1. Andersson M. H. Offshore wind farms: ecological effects of noise and habitat alteration on fish : PhD diss. synopsis / [Stockholm University Department of Zoology, Stockholm University]. Stockholm, 2011. 48 p.
2. Grappling with the social dimensions of novel ecosystems / A. C. Backstrom, G. E. Garrard, R. J. Hobbs, S. A. Bekessy // *Frontiers in Ecology and the Environment*. 2018. Vol. 16, iss. 2. P. 109–117. <https://doi.org/10.1002/fee.1769>.

3. Bowman M. J. Reference module in earth systems and environmental sciences // *Tidal Energy*. 2018. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-409548-9.11632-X>.
4. Bureau of Safety and Environmental Enforcement. Statistics for decommissioned platforms on the OCS, 2020. URL: <https://www.data.bsee.gov/Main/Platform.aspx>.
5. Environmental impacts of tidal power schemes / R. Burrows, I. A. Walkington, J. Holt, J. Wolf // *Proceedings of the ICE - Maritime Engineering*. 2009. Vol. 162, iss. 4. P. 165–177. <https://doi.org/10.1680/maen.2009.162.4.165>.
6. Common wealth of Australia. Offshore Petroleum and Greenhouse Gas Storage Act 2010. URL: <https://www.legislation.qld.gov.au/LEGISLTN/CURRENT/G/GreenGasSA09.pdf>.
7. Demestre M., de Juan S., Sartor P., Ligas A. Seasonal closures as a measure of trawling effort control in two Mediterranean trawling grounds: effects on epibenthic communities // *Marina Pollution Bulletin*. 2008. Vol. 56. P. 1765–1773. <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2008.06.004>.
8. Díaz H., Soares C. G. Review of the current status, technology and future trends of offshore wind farms // *Ocean Engineering*. 2020. Vol. 209. Art. no. 107381. <https://doi.org/10.1016/j.oceaneng.2020.107381>.
9. Hobbs R. J., Higgs E. S., Harris J. A. Novel ecosystems: concept or inconvenient reality? A response to Murcia et al. // *Trends in Ecology & Evolution*. 2014. Vol. 29, iss. 12. P. 645–646. <https://doi.org/10.1016/j.tree.2014.09.006>.
10. Hobbs R. J., Schlapphy M.-L. A triage framework for managing novel, hybrid, and designed marine ecosystems // *Global Change Biology*. 2019. Vol. 25. P. 3215–3223. <https://doi.org/10.1111/gcb.14757>.
11. Renewables 2017: Analysis and Forecasts to 2022 / International Energy Agency. [S. l.]: IEA Publications, 2017. 189 p. (Market Report Series).
12. International Rig Count // Baker Hughes Company. URL: www.rigcount.bakerhughes.com/intl-rig-count.
13. Wilson J. C., Elliott M. The habitat-creation potential of offshore wind farms // *Wind Energy*. 2009. Vol. 12, iss. 2. P. 203–212. <https://doi.org/10.1002/we.324>.
14. Leary D., Esteban M. Recent developments in offshore renewable energy in the Asia-Pacific Region // *Ocean Development & International Law*. 2011. Vol. 42, iss. 1-2. P. 94–119. <https://doi.org/10.1080/00908320.2010.521039>.
15. Potential use of offshore marine structures in rebuilding an overfished rockfish species, bocaccio (*Sebastes paucispinis*) / M. S. Love, D. M. Schroeder, W. Lenarz, A. MacCall, A. S. Bull, L. Thorsteinson // *Fishery Bulletin*. 2006. Vol. 104. P. 383–390. URL: <https://spo.nmfs.noaa.gov/content/potential-use-offshore-marine-structures-rebuilding-overfished-rockfish-species-bocaccio>.
16. Local effects of blue mussels around turbine foundations in an ecosystem model of Nysted off-shore wind farm / M. Maar, K. Bolding, J. K. Petersen, J. L. S. Han-

sen K. Timmermann // Denmark Journal of Sea Researchers. 2009. Vol. 62. P. 159–174. <https://doi.org/10.1016/j.seares.2009.01.008>.

17. Macreadie P. I., Fowler A. M., Booth D. J. Rigs-to-reefs policy: can science trump public sentiment? // *Frontiers in Ecology and the Environment*. 2012. Vol. 10. P. 179–180. <https://doi.org/10.1890/12.wb.013>.

18. Reefing viability index for Rigs-to-Reefs (R2R) in Malaysia / M. H. Mohd, M. A. A. Rahman, M. N. Nazri, C. H. Tan, Y. Mohamad [et al.] // *The Scientific World Journal*. 2020. Vol. 2020. Art. ID 4695894. P. 1–13. <https://doi.org/10.1155/2020/4695894>.

19. Introduction of non-native marine fish species to the Canary Islands waters through oil platforms as vectors / J. G. Pajuelo, J. A. González, R. Triay-Portella, J. A. Martín, R. Ruiz-Díaz [et al.] // *Journal of Marine Systems*. 2016. Vol. 163. P. 23–30. <https://doi.org/10.1016/j.jmarsys.2016.06.008>.

20. Todd V.L. G., Warley J. C., Todd I. B. Meals on wheels? A Decade of megafaunal visual and acoustic observations from offshore oil & gas rigs and platforms in the North and Irish Seas // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11, iss. 4. Art. no. e0153320. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0153320>.

21. 2018 Offshore wind technologies market report. No. NREL/TP-5000-74278; DOE/GO-102019-5192 / W. D. Musial [et al.] / National Renewable Energy Lab. (NREL), Golden, CO (United States), 2019. URL: <https://www.osti.gov/biblio/1572771-offshore-wind-technologies-market-report>.

22. Протокол 1996 года об изменении Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года // Официальная страница Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol_sea_waste.shtml.

Информация об авторах

А. И. Никифоров – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент (ВАК), доцент кафедры Международных комплексных проблем природопользования и экологии, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет) МИД России.

Р. С. Хачатрян – студентка бакалавриата направления обучения «Международные экономико-экологические проблемы», Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет) МИД России.

References

1. Andersson M. H. *Offshore wind farms: ecological effects of noise and habitat alteration on fish*: PhD diss. Synopsis. Stockholm University Department of Zoology, Stockholm University. Stockholm, 2011. 48 p.

2. Backstrom A. C., Garrard G. E., Hobbs R. G., Bekessy S. A. Grappling with the social dimensions of novel ecosystems. *Frontiers in Ecology and the Environment*, 2018, vol. 16, iss. 2, pp. 109–117. <https://doi.org/10.1002/fee.1769>.
3. Bowman M. J. Reference module in earth systems and environmental sciences. *Tidal Energy*, 2018. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-409548-9.11632-X>.
4. Bureau of Safety and Environmental Enforcement. *Statistics for decommissioned platforms on the OCS, 2020*. URL: <https://www.data.bsee.gov/Main/Platform.aspx>.
5. Burrows R., Walkington I. A., Holt J., Wolf J. Environmental impacts of tidal power schemes. *Proceedings of the ICE - Maritime Engineering*, 2009, vol. 162, iss. 4, pp. 165–177. <https://doi.org/10.1680/maen.2009.162.4.165>.
6. *Common wealth of Australia. Offshore Petroleum and Greenhouse Gas Storage Act 2010*. URL: <https://www.legislation.qld.gov.au/LEGISLTN/CURRENT/G/GreenGasSA09.pdf>.
7. Demestre M., de Juan S., Sartor P., Ligas A. Seasonal closures as a measure of trawling effort control in two Mediterranean trawling grounds: effects on epibenthic communities. *Marina Pollution Bulletin*, 2008, vol. 56, pp. 1765–1773. <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2008.06.004>.
8. Díaz H., Soares C. G. Review of the current status, technology and future trends of offshore wind farms. *Ocean Engineering*, 2020, vol. 209, art. no. 107381. <https://doi.org/10.1016/j.oceaneng.2020.107381>.
9. Hobbs R. J., Higgs E. S., Harris J. A. Novel ecosystems: concept or inconvenient reality? A response to Murcia et al. *Trends in Ecology & Evolution*, 2014, vol. 29, iss. 12, pp. 645–646. <https://doi.org/10.1016/j.tree.2014.09.006>.
10. Hobbs R. J., Schlapphay M.-L. A triage framework for managing novel, hybrid, and designed marine ecosystems. *Global Change Biology*, 2019, vol. 25, pp. 3215–3223. <https://doi.org/10.1111/gcb.14757>.
11. *Renewables 2017: Analysis and Forecasts to 2022* / International Energy Agency. [S. l.]: IEA Publications, 2017. 189 p. (Market Report Series).
12. International Rig Count. *Baker Hughes Company*. URL: www.rigcount.bakerhughes.com/intl-rig-count.
13. Wilson J. C., Elliott M. The habitat-creation potential of offshore wind farms. *Wind Energy*, 2009, vol. 12, iss. 2, pp. 203–212. <https://doi.org/10.1002/we.324>.
14. Leary D., Esteban M. Recent developments in offshore renewable energy in the Asia-Pacific Region. *Ocean Development & International Law*, 2011, vol. 42, iss. 1-2, pp. 94–119. <https://doi.org/10.1080/00908320.2010.521039>.
15. Love M. S., Schroeder D. M., Lenarz W., MacCall A., Bull A. S., Thorsteinson L. Potential use of offshore marine structures in rebuilding an overfished rockfish species, bocaccio (*Sebastes paucispinis*). *Fishery Bulletin*, 2006, vol. 104, pp. 383–390.

URL: <https://spo.nmfs.noaa.gov/content/potential-use-offshore-marine-structures-rebuilding-overfished-rockfish-species-bocaccio>.

16. Maar M., Bolding K., Petersen J. K., Hansen J. L. S., Timmermann K. Local effects of blue mussels around turbine foundations in an ecosystem model of Nysted offshore wind farm. *Denmark Journal of Sea Researchers*, 2009, vol. 62, pp. 159–174. <https://doi.org/10.1016/j.seares.2009.01.008>.

17. Macreadie P. I., Fowler A. M., Booth D. J. Rigs-to-reefs policy: can science trump public sentiment? *Frontiers in Ecology and the Environment*, 2012, vol. 10, pp. 179–180. <https://doi.org/10.1890/12.wb.013>.

18. Mohd M. H., Rahman M. A. A., Nazri M. N., Tan C. H., Mohamad Y. et al. Reefing viability index for Rigs-to-Reefs (R2R) in Malaysia. *The Scientific World Journal*, 2020, vol. 2020, art. ID 4695894, pp. 1–13. <https://doi.org/10.1155/2020/4695894>.

19. Pajuelo J. G., González J. A., Triay-Portella R., Martín J. A., Ruiz-Díaz R. et al. Introduction of non-native marine fish species to the Canary Islands waters through oil platforms as vectors. *Journal of Marine Systems*, 2016, vol. 163, pp. 23–30. <https://doi.org/10.1016/j.jmarsys.2016.06.008>.

20. Todd V. L. G., Warley J. C., Todd I. B. Meals on wheels? A Decade of megafaunal visual and acoustic observations from offshore oil & gas rigs and platforms in the North and Irish Seas. *PLoS ONE*, 2016, vol. 11, iss. 4, art. no. e0153320. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0153320>.

21. Musial W. D. et al. 2018 *Offshore wind technologies market report*. No. NREL/TP-5000-74278; DOE/GO-102019-5192. National Renewable Energy Lab. (NREL), Golden, CO (United States), 2019. URL: <https://www.osti.gov/biblio/1572771-offshore-wind-technologies-market-report>.

22. *Protocol of 1996 amending the Convention on the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Wastes and Other Matter*, 1972. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol_sea_waste.shtml.

Information about authors

A. I. Nikiforov – Candidate of Agricultural Sciences, Associate professor, Department for Environment and Natural Resources Studies, Moscow State Institute of International Relationships (MGIMO University) MFA.

R. S. Khachatryan – Undergraduate Student of the "International Economic and Environmental Problems" field of study, Department for Environment and Natural Resources Studies Moscow State Institute of International Relationships (MGIMO University) MFA.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 64–84.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 64–84.

Научная статья

УДК 338.45:622.32:502.1(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/64-84>

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Алиса Олеговна Хубаева¹, Юлия Викторовна Соловова²

^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений

(университет) МИД России, 119454 Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76

¹ a.khubaeva@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7253-6259>

² yulia.solovova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4555-0618>

Аннотация. Китай, крупнейший в мире производитель парниковых газов (ПГ), стремится достичь углеродной нейтральности до 2060 г. Новые климатические цели Китая побудили три основные национальные нефтяные компании страны – Китайскую национальную нефтяную корпорацию (CNPC), Китайскую нефтехимическую корпорацию (Sinopec Group) и Китайскую национальную шельфовую нефтяную корпорацию (CNOOC) – укрепить свои климатические амбиции. PetroChina (флагманская дочерняя компания корпорации CNPC), которая уже поставила цель достичь почти нулевых выбросов к 2050 г., намеревается достичь пика выбросов углерода к 2025 г. Sinopec Corp. (флагманская дочерняя компания корпорации Sinopec Group) также намерена достичь пика выбросов углерода к 2025 г. и достичь углеродной нейтральности к 2050 г. CNOOC Ltd. (флагманская дочерняя компания корпорации CNOOC) планирует сократить свои выбросы парниковых газов на 16 процентов в период с 2020 г. по 2025 г. и стремится достичь пика выбросов углерода до 2030 г., а достичь углеродной нейтральности – до 2060 г. Для понимания того, как китайские ННК реагируют на изменение климата, в рамках данной статьи проведён анализ того, что компании делают для подготовки к энергетическому переходу. В частности, представлены три ННК Китая, рассматривается их деятельность, которую они определили как часть своих климатических программ до того, как Си Цзиньпин объявил о целях «30–60», объясняется, почему китайские ННК участвовали в этой деятельности, изучаются факторы, которые мешали им более активно реагировать на изменение климата до объявления целевых по-

казателей «30–60», анализируются последствия поставленных Китаем целей «30–60» для ННК с акцентом на 2020-е годы.

Ключевые слова: энергетический переход, устойчивое развитие, изменение климата, энергоэффективность, энергоресурсы, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), Китай, инвестиции, декарбонизация, развитие инфраструктуры, экономический рост, экономика, «зелёная» энергия, национальные нефтяные компании (ННК), природный газ, водород, выбросы парниковых газов, нефть, улавливание, использование и хранение углерода (CCUS), импорт.

Для цитирования: Хубаева А. О., Соловова Ю. В. Устойчивое развитие национальных нефтегазовых компаний Китая в условиях глобального энергетического перехода // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 64–84. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/64-84/>

Original article

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF CHINA'S NATIONAL OIL AND GAS COMPANIES IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL ENERGY TRANSITION

Alisa O. Khubaeva¹, Yulia V. Solovova²

^{1, 2} Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 119454, Russia, Moscow, 76, Prospect Vernadskogo,

¹ a.khubaeva@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7253-6259>

² yulia.solovova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4555-0618>

Abstract. China, being the world's largest producer of greenhouse gases (GHGs), aims to achieve carbon neutrality by 2060. China's new climate targets have encouraged the country's three major national oil companies – China National Petroleum Corporation (CNPC), China Petrochemical Corporation (Sinopec Group) and China National Offshore Oil Corporation (CNOOC) – to strengthen their climate ambitions. PetroChina (CNPC's flagship subsidiary), which has already set a target of near-zero emissions by 2050, expects to peak in carbon emissions by 2025. Sinopec Corp. (the flagship subsidiary of the Sinopec Group) is also committed to maximizing its carbon footprint emissions by 2025 and achieving the carbon neutrality by 2050. CNOOC Ltd. flagship subsidiary of the corporation (flagship subsidiary of CNOOC) plans to reduce its greenhouse gas emissions by 16 percent between 2020 and 2025 and aims to peak carbon emissions by 2030 and achieve carbon neutrality by 2060. To understand how Chinese NOCs are responding to climate changes, this article analyzes what steps the companies are taking to prepare for

the energy transition. In particular, three NOCs of China are represented, as well as the activities that they identified as part of their climate programs before Xi Jinping announced 30–60 targets; it is explained why Chinese NOCs were involved in these activities; the factors that prevented them from responding more actively to climate change before the announcement of targets of 30–60 are reviewed; the implications of China's 30–60 targets for NOCs are analyzed, with a focus on the 2020s.

Keywords: energy transition, sustainable development, climate change, energy efficiency, energy resources, renewable energy sources, China, investments, decarbonization, infrastructure development, economic growth, economy, green energy, national oil companies (NOCs), natural gas, hydrogen, greenhouse gas emissions, oil, carbon capture, use and storage (CCUS), imports.

For citation: Khubaeva A. O., Solovova Y. V. Sustainable Development of China's National Oil and Gas Companies in the Context of the Global Energy Transition // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 64–84. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/64-84>.

Концепция устойчивого развития и ESG-трансформация¹ представляют собой настоящую революцию в управлении корпорациями, их оценке и деятельности. Это кардинальное изменение будет и дальше уводить компании от привычных рамок краткосрочной прибыли – к успеху, который определяется не только прибыльностью, но и «устойчивым» и измеримым вкладом в улучшение общества в целом. Эта новая парадигма ломает устоявшиеся стереотипы. Несмотря на то, что, по некоторым оценкам, ESG трудно реализовать, и это может негативно сказаться на прибыли, для большинства компаний, реализующих программы ESG, в том числе в нефтегазовой отрасли, они имеют обратный эффект.

Согласно Глобальному энергетическому обзору 2021 Международного энергетического агентства (МЭА), возобновляемые источники энергии выросли на 3% в 2020 г., включая 7% увеличение производства электроэнергии из возобновляемых источников [1]. Можно предположить, что при такой тенденции спрос на ископаемое топливо будет снижаться. Однако ввиду увеличения глобального спроса на энергию в этом году, который, по оценкам, составил 4,6% [1], когда мир продолжает ощущать

¹ ESG расшифровывается как «Экология, социальная политика и корпоративное управление» и относится к трём ключевым факторам при измерении устойчивости и этического воздействия инвестиций в бизнес или компанию. Большинство социально ответственных инвесторов проверяют компании, используя критерии ESG для проверки инвестиций. Это общий термин, используемый на рынках капитала и обычно используемый инвесторами для оценки поведения компаний, а также для определения их будущих финансовых результатов. Экологические, социальные и управленческие факторы представляют собой множество нефинансовых показателей эффективности, которые включают вопросы этики, устойчивого развития и корпоративного управления, такие как обеспечение наличия систем для обеспечения подотчётности и управления углеродным следом корпорации.

последствия COVID-19, спрос на ископаемое топливо не уменьшился, и не будет уменьшаться в ближайшем будущем. Уголь, в основном за счёт Азии, составляет значительную часть этого спроса, однако именно природный газ является движущей силой почти во всех географических регионах. Несмотря на стремления обеспечить большую часть растущих потребностей в энергии из возобновляемых источников, прекращение использования ископаемого топлива маловероятно, хотя очевидно, что отрасль и её вклад в экономику и развитие общества будут преобразованы.

Нефтегазовым компаниям потребуется эффективное управление, чтобы справиться с кризисом, который принесут следующие три или четыре десятилетия, и адаптироваться. В этом контексте представляют интерес национальные нефтегазовые компании, в частности в Китае.

Лидер Китая Си Цзиньпин неожиданно объявил о новых целях в области изменения климата на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций 22 сентября 2020 г. Он заявил, что Китай, крупнейший в мире производитель парниковых газов, стремится достичь углеродной нейтральности к 2060 г. Си также сказал, что выбросы в Китае достигнут своего пика к 2030 г., что является небольшим пересмотром обязательства страны по Парижскому климатическому соглашению по достижению пика выбросов примерно к 2030 г. Эти две цели в Китае часто называют «30–60» [2].

Но ещё до того, как Си объявил о целях «30–60», три основные национальные нефтяные компании (ННК) Китая – Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC), Китайская нефтехимическая корпорация (Sinopec Group) и Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация (CNOOC) – уже начали вырабатывать ответы на изменение климата. Некоторые из мероприятий в новых стратегиях энергетического перехода трёх ННК, такие как повышение энергоэффективности и сокращение загрязнения воздуха, первоначально были предприняты для достижения двух других важных приоритетов китайских лидеров: замедления роста спроса на энергию и улучшения качества воздуха. ННК предприняли и другие действия в ответ на давление со стороны иностранных инвесторов и регулирующих органов, а также на воздействие практики управления углеродными выбросами транснациональных корпораций. Эти мероприятия включают в себя инвестиции CNOOC в возобновляемые источники энергии в 2000-х годах; создание группы по торговле квотами на выбросы флагманской дочерней компанией CNPC, PetroChina, в 2010 г.; и усилия Sinopec по улучшению управления изменением климата в 2010-х годах.

Накануне объявления Си Цзиньпином целей «30–60» три ННК также поставили перед собой различные цели по сокращению выбросов парниковых газов. В августе 2020 г. PetroChina, крупнейший производитель нефти и газа в Китае, объявила во время своего полуугодового отчёта о прибылях и убытках, что к 2050 г. она стремится к почти нулевым выбросам [3]. В 2019 г. Sinopec Corp. (дочерняя компа-

ния корпорации Sinopec Group) и CNOOC Ltd. (дочерняя компания корпорации CNOOC) поставили краткосрочные цели. Sinopec Corp. стремится сократить выбросы парниковых газов на 12,6 млн тонн эквивалента двуокиси углерода (CO_2) (7,3 %) в период с 2018 г. по 2023 г. [4] CNOOC Ltd. намеревалась сократить выбросы парниковых газов на 3,2 млн тонн в эквиваленте CO_2 в период с 2015 г. по 2020 г. [5].

Объявление Си Цзиньпином целевых показателей «30–60» побудило ННК объявить о дополнительных пиках выбросов углерода и углеродной нейтральности. В марте 2021 г. PetroChina и Sinopec Corp. заявили, что стремятся достичь пика выбросов углерода к 2025 г. [6; 7]. Sinopec Corp. также сообщила, что она намерена достичь углеродной нейтральности к 2050 г., что делает её одним из немногих центральных государственных предприятий, у которых на момент написания этой статьи есть цель по сокращению выбросов в середине века [8].

CNOOC Ltd. планирует сократить выбросы парниковых газов на 16 % (1,5 млн тонн) в период с 2020 г. по 2025 г. [9]. Компания также стремится достичь пика выбросов углерода до 2030 г. и достичь углеродной нейтральности до 2060 г. [10].

Китайские ННК развернули активную деятельность, чтобы продемонстрировать поддержку целей «30–60». Все три компании реализуют в той или иной степени многие из тех же мер, которые ведущие международные и национальные нефтяные компании проводят для декарбонизации своей деятельности и предоставления своим клиентам альтернатив с более низким уровнем выбросов углерода. Sinopec, уже являющаяся крупнейшим производителем водорода в Китае, стремится перейти от производства водорода из ископаемого топлива к производству водорода из возобновляемых источников энергии [11]. Компания CNOOC, имеющая многолетний опыт работы в области морского инжиниринга, определила морской ветер как возобновляемый источник энергии, наиболее совместимый с бизнесом компании. CNPC, которая планирует увеличить свои инвестиции в возобновляемые источники энергии и водород, проводит реструктуризацию своей корпоративной штаб-квартиры, чтобы отразить более высокий приоритет, который она придаёт подготовке к энергетическому переходу.

При этом обеспечение поставок нефти и природного газа в Китай, крупнейший в мире импортёр нефти и природного газа, остаётся задачей номер один для ННК. Китай импортировал 73 % своей нефти и 43 % природного газа в 2020 г. [12]. Эти прогнозы, вероятно, подтверждают важность, придаваемую безопасности поставок нефти и природного газа в 14-м пятилетнем плане Китая на период 2021–2025 гг. [13]. Действительно, CNPC, крупнейший производитель нефти и природного газа в Китае, прогнозировала в апреле 2021 г., что к 2025 г. зависимость Китая от импорта нефти будет составлять от 70 до 75 %, а зависимость от импорта природного газа – от 34 до 66 % [14].

Деятельность китайских ННК по переходу на энергоносители представляет интерес по нескольким причинам:

1. Китайские ННК могут помочь декарбонизировать мировую нефтегазовую промышленность, декарбонизируя свои собственные операции (PetroChina и Sinopec Corp. являются двумя крупнейшими источниками выбросов парниковых газов среди публичных нефтегазовых компаний).

2. Обязательства в отношении климата влияют на структуру затрат нефтяных компаний. То, берут ли китайские национальные нефтяные компании на себя амбициозные обязательства в отношении климата наравне с европейскими нефтяными компаниями, и в какой степени, повлияет на то, как компании будут вести себя в конкурентной борьбе за активы.

3. Программа декарбонизации китайских ННК, вероятно, повлияет на их планы по приобретению дополнительных активов по разведке и добыче за рубежом и разработке новых трансграничных трубопроводов.

4. ННК представляют эффективный канал для взаимодействия с Китаем по вопросам изменения климата.

При анализе деятельности китайских ННК в области климата следует учитывать ряд факторов.

Во-первых, ННК Китая принадлежат правительству Китая, а их высшее руководство назначается Коммунистической партией Китая, что заставляет компании реагировать на политические приоритеты Пекина, включая цели в области энергетики и климата. Контрольный пакет акций PetroChina, Sinopec Corp. и CNOOC Ltd. принадлежит их соответствующим материнским компаниям, которые полностью принадлежат центральному правительству Китая. Материнские компании входят в число 97 ключевых государственных предприятий, находящихся в ведении Комиссии по надзору и управлению государственными активами (SASAC), которая подчиняется непосредственно правительству Китая, Государственному совету.

Во-вторых, PetroChina, Sinopec Corp. и CNOOC Ltd. – это публично торгуемые компании, котирующиеся на фондовых биржах, в том числе в Шанхае, Гонконге и Нью-Йорке, которые предоставляют сторонним субъектам, помимо партийного государства Китая, возможность влиять на реакцию ННК на изменение климата¹ [15]. ННК взаимодействуют со своими акционерами или представителями акционеров, включая институциональных инвесторов, по вопросам изменения климата. Например, EOS в Federated Hermes взаимодействует с PetroChina и Sinopec Corp., чтобы обеспечить соответствие их корпоративных стратегий цели Парижско-

¹ PetroChina котируется на всех трёх фондовых биржах, Sinopec котируется в Гонконге и Нью-Йорке, а CNOOC Ltd. котируется только в Гонконге после исключения компании из листинга Нью-Йоркской фондовой биржи в соответствии с распоряжением, подписанным президентом Дональдом Трампом в ноябре 2020 г.

го соглашения по ограничению изменения климата значительно ниже 2°C , а в идеале – до $1,5^{\circ}\text{C}$ [16; 17].

В-третьих, китайские ННК доминируют в нефтяной промышленности Китая, что делает их ключевыми участниками усилий Китая по достижению углеродной нейтральности к 2060 г. На CNPC, Sinopec Group и CNOOC приходилось более 90 % добычи нефти в Китае, составляющей 3,9 млн баррелей в день (баррелей в сутки), и более 90 % добычи природного газа в 192,5 миллиарда кубометров (млрд куб. м) в 2020 г. Кроме того, на долю трёх ННК приходится около 60 % нефтеперерабатывающих мощностей Китая [18; 19].

В-четвёртых, PetroChina и Sinopec являются крупными игроками в мировой нефтегазовой отрасли, что даёт им возможность играть роль в её декарбонизации. PetroChina – третий в мире производитель нефти и газа, акции которого обращаются на бирже, и третья по величине нефтеперерабатывающая компания, акции которой обращаются на бирже. Sinopec – крупнейший нефтеперерабатывающий завод в мире по мощности.

В-пятых, китайские ННК управляют активами по всему миру, что подчиняет их иностранным нормативным требованиям, включая требования Канады, Европейского Союза, Великобритании и США. CNPC – крупнейший зарубежный производитель нефти и газа Китая. В 2020 г. компания добыла за рубежом 1,6 млн баррелей нефти и 29,8 млрд кубометров природного газа, в том числе добыча PetroChina за рубежом составляет 465 000 баррелей нефти и 4,4 млрд кубометров природного газа [20; 21; 22; 23; 24; 25].

Деятельность национальных нефтяных компаний Китая в рамках энергетического перехода аналогична той, которую осуществляют две другие ведущие национальные нефтяные компании, Equinor и Saudi Aramco.

Сокращение выбросов парниковых газов

Китайские ННК публично сообщают о выбросах парниковых газов (ПГ). CNOOC Ltd. начала отчитываться о выбросах Категории 1 и Категории 2 в 2016 г., за ней следует Sinopec в 2017 г. и PetroChina в 2019 г. (см. табл. 1). PetroChina начала раскрывать эту информацию позже, чем её внутренние коллеги, отчасти из-за большого количества измеряемых активов и большого числа сотрудников, которые должны быть обучены сбору и представлению данных. Действительно, в 2018 г. PetroChina заявила, что она работает над улучшением своей системы учёта выбросов парниковых газов, отчётности и сбора данных со всех своих подразделений.

Как отмечалось, PetroChina и Sinopec Corp. занимают первое место по объёму выбросов парниковых газов по сравнению с другими ведущими нефтяными компаниями, акции которых обращаются на бирже. Высокие выбросы парниковых газов

двумя компаниями частично объясняются их крупными операциями в сфере добычи и переработки нефти [32]. В 2020 г. 84 % выбросов Sinopec Corp. пришлось на нефтепереработку и химическую промышленность [33]. (PetroChina не приводит аналогичную разбивку выбросов парниковых газов по направлениям деятельности). CNOOC Ltd., напротив, входит в число стран с наименьшими выбросами в мире как по выбросам на баррель произведённого нефтяного эквивалента, так и по валовым выбросам, отчасти потому, что не имеет нефтеперерабатывающих заводов.

Таблица 1

Выбросы парниковых газов ННК Китая, млн т CO₂-эквивалента

		2016	2017	2018	2019	2020
CNOOC Ltd.	Категория 1	6,735	7,736	7,345	8,597	9,123
	Категория 2	0,36	0,093	0,135	0,186	0,222
	Категория 1+2	7,095	7,829	7,48	8,783	9,345
PetroChina	Категория 1				132,17	127,57
	Категория 2				41,91	39,87
	Категория 1+2				174,08	167,44
Sinopec Corp.	Категория 1		123,05	128,57	125,68	128,58
	Категория 2		39,61	42,95	45,01	42,36
	Категория 1+2		162,66	171,52	170,69	170,94

Источник: составлено авторами на основе отчётов компаний [26; 27; 28; 29; 30; 31]

Китайские ННК не сообщают о выбросах категории 3, которые происходят при сжигании их нефти и природного газа конечными пользователями. Выбросы категории 3 составляют большую часть выбросов парниковых газов, связанных с нефтегазовой промышленностью. Например, в 2017 г. Shell сообщила, что выбросы категории 3 составили 77 % от общего объёма выбросов [34].

Как отмечалось, три ННК установили цели по сокращению выбросов до того, как Си объявил цели «30–60». Задача PetroChina по достижению почти нулевого уровня выбросов к 2050 г., вероятно, является самой амбициозной. Между тем, Sinopec Corp. стремится сократить свои выбросы парниковых газов на 12,6 млн тонн эквивалента CO₂ в период с 2018 г. по 2023 г. CNOOC Ltd. намеревается сократить свои выбросы парниковых газов на 3,2 млн тонн эквивалента CO₂ в период с 2015 г. по 2020 г.

Повышение энергоэффективности

Китайские ННК рассматривают повышение энергоэффективности как компонент своих климатических стратегий. Однако данные по энергосбережению, опубликованные китайскими ННК, показывают, что зрелые нефтяные месторождения Китая затрудняют их усилия по повышению энергоэффективности; количество энергии, потребляемой компаниями на каждую произведённую единицу нефтяного эквивалента, в последние годы увеличилось или оставалось относительно неизменным.

PetroChina и CNOOC Ltd. опубликовали данные о потреблении энергии на единицу добытой нефти и природного газа, начиная с 2015 г. и 2016 г. соответственно. Количество энергии, использованной CNOOC Ltd. на каждую тонну нефти и природного газа, увеличилось на 17 % с 2016 г. по 2019 г. Напротив, потребление энергии PetroChina на единицу добытой нефти и природного газа упало на 7 % с 2015 г. по 2016 г., а затем оставалось относительно неизменным до 2020 г. [35; 36; 37; 38].

Sinopec Corp. опубликовала данные о своём энергопотреблении на 10 000 юаней (1500 долларов США) от стоимости производства с 2017 г. [39; 40]. Однако эти цифры не дают никакого представления о том, использовала ли компания энергию в 2018 г. более эффективно, чем в 2017 г. Sinopec Corp. сообщила о такой же экономической энергоёмкости в 2017 г. и 2018 г., но не предоставила никакой информации о том, было ли это результатом увеличения стоимости её продуктов (включая нефть, природный газ, продукты нефтепереработки и нефтехимии) в той же степени, что и использование энергии, или результатом того, что стоимость её продукции снизилась в той же степени, в которой снизилось использование энергии.

Увеличение добычи природного газа

Китайские ННК описывают увеличение добычи природного газа как ключевой элемент своей стратегии декарбонизации. Во время телеконференции PetroChina по результатам полугодовой конференции в августе 2020 г. главный финансовый директор компании Чай Шоупин заявил, что природный газ займёт «незаменимую позицию» в процессе перехода PetroChina в области энергетики. В том же месяце во время телеконференции CNOOC Ltd., посвящённой среднегодовой прибыли, председатель компании Ван Дунцзинь сказал, что CNOOC Ltd. увеличит долю природного газа в своей добыче в рамках своей стратегии экологически чистого и низкоуглеродного развития. Двумя годами ранее представитель Sinopec Corp. Лю Дапенг сообщил китайским СМИ в 2018 г., что компания рассматривает «переход на природный газ» как один из важнейших компонентов своего движения к более низкоуглеродной структуре энергоснабжения.

Важность, которую руководители ННК придают природному газу как топливу переходного периода, отражена в производственных планах их компаний на 2025 г. Все три компании планируют увеличить долю природного газа в своей

структуре добычи. PetroChina и Sinopec Corp. также поставили цели по увеличению добычи нетрадиционного газа. Безусловно, увеличение добычи природного газа может сыграть роль в сокращении выбросов парниковых газов в Китае, если выбросы метана будут контролироваться. Исследования показывают, что переход с угля на газ в Китае, где на уголь приходилось 57 % энергопотребления Китая в 2021 г., может снизить выбросы парниковых газов в Китае. По данным Международного энергетического агентства, переход с угля на газ снижает выбросы CO₂ на 33 % при обеспечении тепла и на 50 % при производстве электроэнергии [41].

Однако выгоды от замены угля природным газом во время энергетического перехода за 20-летний период могут быть нивелированы в случае утечки метана во время производства, распределения или потребления природного газа. Это связано с тем, что метан является гораздо более мощным газом, чем углекислый газ; молекула метана примерно в 90 раз эффективнее задерживает тепло, чем молекула углекислого газа [42]. В частности, климатические преимущества замены угля природным газом сводятся на нет, если общее количество метана, просочившегося в цепочке поставок, превышает несколько процентов потребляемого природного газа.

Китайские ННК во многом делают то же самое, что и международные нефтяные компании для предотвращения выбросов метана, включая учёт выбросов (все три компании), извлечение метана (все три компании), предотвращение рутинного сжигания в факелах (CNPC, PetroChina и Sinopec Corp.) и реализацию программ обнаружения и устранения утечек (только CNPC).

CNPC снизила интенсивность использования метана в 2019 г. на 12,3 %, по сравнению с уровнем 2017 г., а в июле 2020 г. объявила о новой цели – сократить вдвое интенсивность использования метана к 2025 г. [43]. Компания не раскрывает свои выбросы метана. Sinopec Corp. поставила цель по сокращению выбросов метана, но не раскрыла её.

Инвестиции в низкоуглеродную энергетику

Китайские ННК осторожно инвестировали в низкоуглеродную энергию и технологии уже до того, как Си поставил цели «30–60». Компании наиболее активны в тех сферах, где у них есть сравнительные преимущества. Так, CNOOC инвестирует в быстрорастущую шельфовую ветроэнергетику Китая из-за своей долгой истории разработки и эксплуатации морских нефтегазовых проектов. (CNOOC начала свою деятельность на шельфе Китая в 1982 г.). Этот послужной список позволяет компании преодолеть самую большую проблему, с которой сталкиваются разработчики наземных ветроэнергетических установок при переходе на шельф: отсутствие опыта инжиниринга на шельфе. Sinopec Group стремится усилить свою роль крупнейшего нефтеперерабатывающего предприятия Китая и оператора крупнейшей в стране сети автозаправочных станций, чтобы стать ведущим поставщи-

ком водородного топлива на всей территории Китая. Компания уже является крупнейшим производителем водорода в Китае, который используется для нефтепереработки и нефтехимии. Производство водорода Sinopec Group составляет 3,5 млн тонн в год, что составляет 14 % от общенационального объёма производства, но в основном это серый водород¹ [44]. Sinopec Group также управляет более чем 30 000 розничных заправочных станций по всей стране.

Sinopec Corp. начала строительство водородных заправочных станций на своих существующих торговых площадках до того, как Си Цзиньпин объявил о достижении углеродной нейтральности к 2060 г. В июле 2019 г. компания открыла первую в Китае станцию технического обслуживания, которая сочетает в себе заправку водородом и розничную продажу дизельного топлива и бензина в городе Фошань в провинции Гуандун. К концу 2020 г. Sinopec Corp. построила 27 из примерно 100 водородных заправочных станций в Китае [32; 45]. Sinopec Corp. также согласилась поставлять водород для автомобилей на топливных элементах в Пекине и Чжанцзякоу, чтобы поддержать программу устойчивого развития зимних Олимпийских игр 2022 г., которую эти два города совместно организуют.

PetroChina и CNOOC также изучают водород. В апреле 2020 г. PetroChina согласилась построить водородные заправочные станции в Пекине в сотрудничестве с дочерней компанией автопроизводителя Beijing Automotive Industry Holding Co., Ltd. и разработчиком новых энергетических технологий Beijing SinoHytec Co., Ltd. В июле 2020 г. дочерняя компания CNOOC, CNOOC Energy and Technology Services, и Linde, мировой лидер в области водородных технологий, подписали меморандум о взаимопонимании по совместному развитию водородной энергетики Китая.

CNPC возглавляет китайские ННК по внедрению технологий улавливания, использования и хранения углерода (CCUS). В 2018 г. началась коммерческая эксплуатация технологий CCUS в рамках проекта по увеличению нефтеотдачи на нефтяном месторождении Цзилинь на северо-востоке Китая, что сделало его 18-м по счёту крупномасштабным проектом по CCUS в мире. Его мощность составляет 600 000 тонн CO₂ в год [46]. Для сравнения, по данным Global CCS Institute, из 28 коммерческих предприятий по улавливанию и хранению углерода, действующих во

¹ Классификация водорода по степени экологичности (для удобства обозначается цветом):

Зеленый водород – является самым экологичным, получают с помощью электролиза (от возобновляемых источников энергии (ВИЭ), таких как ветер, солнечная или гидроэнергия).

Желтый (оранжевый) водород – как и зелёный, получают путём электролиза (источником энергии являются атомные электростанции (АЭС)).

Бирюзовый водород – получают разложением метана на водород и твёрдый углерод путём пиролиза.

Серый водород – производится путём паровой конверсии метана. Исходным сырьём для такой реакции служит природный газ.

Голубой водород – получают путём паровой конверсии метана, но при условии улавливания и хранения углерода, что даёт примерно двукратное сокращение выбросов углерода.

Коричневый (бурый) водород – для получения используется бурый уголь.

всем мире в 2020 г., самая маленькая имеет мощность 100 000 тонн в год, а самая большая – 700 000 тонн в год¹ [47]. CNPC закачала более 1,5 млн тонн CO₂ в нефтяное месторождение Цзилинь за 11 лет работы по проекту Jilin CCUS-EOR в качестве демонстрационного проекта (2007–2018) [48].

CNPC также улавливает углерод от производства водорода на одном из своих нефтеперерабатывающих заводов в Синьцзяне для увеличения нефтеотдачи в рамках своего участия в инициативе CCUS KickStarter в рамках Инициативы по климату нефти и газа (OGCI; подробнее о OGCI ниже). Инициатива направлена на декарбонизацию пяти коммерческих центров для облегчения крупномасштабных коммерческих инвестиций в CCUS. Остальные четыре узла находятся в Нидерландах, Норвегии, Великобритании и США.

До того, как было объявлено о целевых показателях «30–60», китайские ННК продолжали деятельность в рамках своих новых программ энергетического перехода по множеству причин, помимо продвижения целей Пекина в области изменения климата. Безусловно, в течение периода 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) Китайское правительство поощряло китайские ННК увеличивать добычу природного газа для сокращения выбросов парниковых газов и начало требовать от ННК Китая измерения и управления выбросами парниковых газов. Однако за два десятилетия до того, как Си объявил цели «30–60», кампании Пекина по замедлению роста спроса на энергию и снижению загрязнения воздуха были гораздо более мощными двигателями усилий ННК по более эффективному использованию энергии и увеличению добычи природного газа. И то, и другое имеет дополнительное преимущество в виде замедления роста выбросов парниковых газов. Между тем давление со стороны иностранных инвесторов и регулирующих органов, а также воздействие практики управления выбросами углерода транснациональных корпораций также повлияли на зарождающуюся деятельность китайских ННК по переходу на энергоносители.

Стремление Китая достичь пика выбросов углерода к 2030 г. и достичь углеродной нейтральности к 2060 г. безусловно оказывает давление на ключевые государственные предприятия страны, особенно в отраслях с высоким уровнем выбросов углерода.

Соответствие целям «30–60» со стороны ННК исключает вероятность того, что добыча нефти и природного газа останется основной задачей китайских ННК, по крайней мере до 2030 г., как отмечалось ранее. Об этом заявили председатели трёх ННК, которые также отметили, что намерены увеличить долю природного газа в своих производственных структурах, и этот сдвиг они рассматривают как помощь Китаю в переходе к более низкоуглеродному будущему. При этом три ННК осознают, что им, в конечном итоге, возможно, потребуется расширить сферу своей

¹ PetroChina, 2019 Environmental, Social and Governance Report.

основной деятельности за пределы углеводородного сырья, они будут продолжать изучать способы декарбонизации своей деятельности и предоставлять потребителям альтернативы с более низким содержанием углерода, уделяя особое внимание областям, в которых они имеют сравнительные преимущества.

Тем не менее, нефть и природный газ почти наверняка останутся основным бизнесом китайских ННК, по крайней мере до 2030 г. Спрос Китая и импорт нефти и природного газа, вероятно, увеличатся в этот период. В результате основная ответственность трёх ННК, вероятно, по-прежнему будет заключаться в обеспечении безопасности поставок нефти и природного газа в Китай.

CNPC, крупнейший производитель нефти и природного газа в Китае, ожидает, что страна будет потреблять и импортировать большие объёмы нефти и природного газа. В апреле 2021 г. Научно-исследовательский институт экономики и технологий CNPC опубликовал версию Доклада о развитии отечественной и зарубежной нефтегазовой отрасли за 2020 г. В сводке прогнозов нефтяного баланса Китая на период до 2025 г., подготовленных газетой, принадлежащей CNPC, говорится, что спрос на нефть в Китае вырастет с 14 млн баррелей в сутки в 2020 г. до 14,6–15 млн баррелей в сутки в 2025 г., когда компания ожидает роста спроса на нефть в Китае до пика. Если внутренняя добыча нефти в Китае по-прежнему будет составлять около 4 млн баррелей в сутки (сводка не содержит данных о добыче), то импорт нефти в Китае составит 10,6–11 млн баррелей в сутки в 2025 г. В отчёте также ожидается, что в период с 2020 г. по 2025 г. на китайский природный газ спрос вырастет с 326 млрд кубометров до 420–500 млрд кубометров, а импорт природного газа увеличится со 133,6 млрд кубометров до 170–275 млрд кубометров [49].

Касательно энергетического перехода ННК Китая можно также отметить, что:

Во-первых, вероятно, будет значительная поддержка мероприятий по энергопереходу, которая также соответствует другим приоритетам руководства Китая. Примером может служить увеличение добычи природного газа, что также помогает улучшить качество воздуха и повысить надёжность энергоснабжения. Другой пример – получение синего или зелёного водорода. Это не только поможет снизить загрязнение воздуха и укрепить энергетическую безопасность, но и водород также является одной из шести будущих отраслей, перечисленных в 14-м пятилетнем плане, который Пекин намерен развивать.

Во-вторых, руководители ключевых государственных предприятий могут сыграть важную роль в формировании подготовки своих компаний к энергетическому переходу, поддерживая определенные инициативы. Трудно представить, что CNOOC инвестировала бы в возобновляемые источники энергии в 2000-х годах без Фу Чэньюй, с его международным опытом в качестве председателя.

В-третьих, внешние игроки могут в определённых пределах определять переходную деятельность китайских ННК. Действительно, некоторые из начальных ша-

гов, предпринятых ННК для подготовки к будущему с более низким уровнем выбросов углерода, стали результатом взаимодействия с иностранными компаниями и сотрудничества с ними. Решение CNOOC инвестировать в возобновляемые источники энергии в середине 2000-х, создание PetroChina того, что, возможно, было первой в Китае корпоративной командой по торговле выбросами углерода, и раскрытие Sinopec Corp. дополнительной информации о своей стратегии в области изменения климата и мерах по снижению рисков – всё это стало результатом участия компаний на международных рынках.

При этом внутренние силы играют гораздо более важную роль в определении деятельности китайских ННК в условиях энергетического перехода. Показательным примером являются цели «30–60» и тот эффект, который оказало их объявление на китайские ННК в том, что они заявляют и делают в области изменения климата.

Список источников

1. Rushton L. ESG: How it applies to the Oil & Gas industry and Why it matters. Womble Bond Dickinson (US). 2021. URL: <https://www.womblebond dickinson.com/us/insights/articles-and-briefings/esg-how-it-applies-oil-gas-industry-and-why-it-matters>.
2. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Xi Jinping delivers an important speech at the general debate of the 75th Session of the General Assembly of the United Nations. September 22, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1817766.shtml.
3. Motley Fool Transcribers. PetroChina Company Limited (PTR) Q3 2020 earnings call transcript. October 30, 2020. URL: <https://www.fool.com/earnings/call-transcripts/2020/10/30/petrochina-company-limited-ptr-q3-2020-earnings-ca/>.
4. Sinopec Corp., 2019 Communication on sustainable development, 18. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/2020032945.pdf>.
5. CNOOC Ltd., 2019 Environmental, social and governance report, 48. URL: <https://www.cnooc ltd.com/attach/0/1f327d785d4b4fb4bb704eda72ae190a.pdf>.
6. Chen Aizhu. PetroChina expects its carbon emissions to peak around 2025 // Reuters. 2021. March 25. URL: <https://www.reuters.com/article/us-petrochina-results/petrochina-expects-its-carbon-emissions-to-peak-around-2025-idUSKBN2BH1D4>.
7. Eric Ng. Chinese energy giant Sinopec bets future on hydrogen as it looks to reach decarbonisation goals ahead of time // South China Morning Post. 2021. March 29. URL: <https://sg.news.yahoo.com/chinese-energy-giant-sinopec-bets-054301643.html>.
8. Chen Aizhu. UPDATE 2-Sinopec for carbon neutrality by 2050, Plans Pivot to Hydrogen // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/sinopec-carbon-idCNL1N2LR04C>.
9. CNOOC Ltd., 2020 Environmental, social and governance report, 60. URL: <https://www.cnooc ltd.com/attach/0/bbfdd87698b542c38f0870d13e36bcd7.pdf>.

10. CNOOC Ltd. Environmental protection – response to climate change. URL: <https://www.cnoocld.com/col/col46301/index.html>.
11. Sinopec to launch first green Hydrogen Project in 2022 // Reuters. 2021. May 25. URL: <https://www.reuters.com/business/sustainable-business/sinopec-launch-first-green-hydrogen-project-2022-2021-05-25/>.
12. Ma Yongsheng, Member of the National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference: accelerate the construction of a clean, low-carbon, safe, and efficient energy system // Xinhua Finance. 2021. March 7. URL: <http://news.xinhua08.com/a/20210307/1977913.shtml>.
13. Outline for the 14th Five-Year Plan for the national economic and social development of the People's Republic of China and long-term goals for 2035, March 13, 2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm.
14. Meng Ying. Dual Carbon targets promote accelerating the transformation of the oil and gas industry; CNPC's economic and technology research report released the 2020 domestic and foreign oil and gas industry development report // Petroleum Business News. 2021. April 29. URL: <http://center.cnpc.com.cn/sysb/system/2021/04/22/030030794.shtml>.
15. PetroChina is listed on all three stock exchanges, Sinopec is listed in Hong Kong and New York, and CNOOC Ltd. is only listed in Hong Kong following the New York Stock Exchange's delisting of the company under an executive order signed by President Donald Trump in November 2020 // CNOOC Faces NYSE Delisting of American Depository Shares, Bloomberg, February 26, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-26/china-s-cnooc-faces-nyse-delisting-of-american-depository-shares>.
16. Federated Hermes International, EOS Engagement Plan 2021–2023, February 1, 2021. URL: <https://www.hermes-investment.com/us/eos-insight/eos/eos-engagement-plan-2021-2023>.
17. Savvy Investor. Climate Change and Institutional Investors, June 18, 2020, 22. URL: <https://www.savvyinvestor.net/blog/climate-change-institutional-investors>.
18. BS Bank. Regional Energy: China Refining & Petrochemical, March 3, 2020, 21. URL: https://www.dbs.id/id/corporate-id/aics/pdfController.page?pdfpath=/content/article/pdf/AIO/032020/200303_insights_reg_energy.pdf.
19. China oil refining profits plunge 42% in 2019 as overcapacity grows // Reuters. 2020. March 3. URL: <https://www.reuters.com/article/china-crude-profits/china-oil-refining-profits-plunge-42-in-2019-as-overcapacity-grows-industry-idUSL4N2AW107>.
20. CNPC, 2020 Annual report, 6. URL: <https://www.cnpc.com.cn/cnpc/ndbg/202104/4733d8af74c24a938b50607f75862ee6/files/d1faf5e2e6aa4d9aa479bf9c4c8f346a.pdf>.
21. PetroChina, 2020 Annual report, 19. URL: <http://www.petrochina.com.cn/ptr/ndbg/202104/eafc059543d2429ab3ad454d519cde56/files/a1e7963d63a9429d8226c56c19928dc8.pdf>.

22. Sinopec Group, 2020 Annual Report, 24. URL: <http://www.sinopecgroup.com/group/Resource/Pdf/GroupAnnualReport2020.pdf>
23. Sinopec Corp., 2020 Form 20-F, 27. URL: https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/0001123658/000110465921052188/tm2039442d3_20f.htm.
24. CNOOC, 2020 Annual report, 38. URL: <https://www.cnooc.com.cn/attach/0/2106111016114743.pdf>.
25. CNOOC Ltd., 2020 Annual report, 3. URL: <https://www.cnooc Ltd.com/attach/0/c63efe2e72b84001bf234fcc38d836ff.pdf>.
26. CNOOC Ltd., 2020 Environmental, social and governance report, 90. URL: <https://www.cnooc Ltd.com/attach/0/bbfdd87698b542c38f0870d13e36bcd7.pdf>.
27. CNOOC Ltd., 2019 Environmental, social and governance report, 92. URL: <https://www.cnooc Ltd.com/attach/0/1f327d785d4b4fb4bb704eda72ae190a.pdf>.
28. CNOOC Ltd., 2018 Environmental, social and governance report, 80. URL: <https://www.cnooc Ltd.com/attach/0/828e24614a4e44abac7c4cad98a1d7e9.pdf>.
29. PetroChina, 2020 Environmental, social and governance report, 73. <http://www.petrochina.com.cn/petrochina/xhtml/images/shyhj/2020kcxfzbgcn.pdf>.
30. Sinopec Corp., 2020 Sustainability report, 34. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/20210328011.pdf>.
31. Sinopec Corp., 2019 Communication on progress for sustainable development, 79. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/2020032945.pdf>.
32. Beveridge, N., Ho B., Ku J. Asia-Pac Oil Majors and E&Ps: how do APAC Companies Score on ESG and which ones are the best? // Bernstein Asia-Pacific Oil & Gas. 2020. January 16. Art. no. 5.
33. Sinopec Corp., 2020 Sustainability report, 34. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/20210328011.pdf>.
34. Carbon Performance in Oil and Gas: Discussion Paper / S. Dietz [et al.]. November 2018, 10. URL: <https://www.transitionpathwayinitiative.org/publications/27.pdf?type=Publication>.
35. CNOOC Ltd., 2020 Environmental, social and governance report, 90. URL: <https://www.cnooc Ltd.com/attach/0/bbfdd87698b542c38f0870d13e36bcd7.pdf>.
36. CNOOC Ltd., 2018 Environmental, social and governance report, 47–48. URL: <https://www.cnooc Ltd.com/attach/0/828e24614a4e44abac7c4cad98a1d7e9.pdf>.
37. PetroChina, 2020 Environmental, social and governance report, 73. URL: <http://www.petrochina.com.cn/petrochina/xhtml/images/shyhj/2020kcxfzbgcn.pdf>.
38. PetroChina, 2017 Sustainability report, 77. URL: <http://www.petrochina.com.cn/petrochina/xhtml/images/shyhj/2017kcxfzbgcn.pdf>.
39. Sinopec Corp., 2020 Sustainability Report, 84. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/20210328011.pdf>.

40. Sinopec Corp., Communication on Sustainable Development 2017, 57. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/20180325016.pdf>.
41. International Energy Agency. The Role of Gas, 4. URL: <https://www.iea.org>.
42. Borunda A. Natural gas is a much 'dirtier' energy source than we thought // National Geographic. 2020. February 19. URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/super-potent-methane-in-atmosphere-oil-gas-drilling-ice-cores>.
43. China's CNPC Targets 50% Slash in Methane Emission Intensity by 2025 // Reuters. 2020. July 2. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-cnpc-carbon/chinas-cnpc-targets-50-slash-in-methane-emission-intensity-by-2025-idUSKBN2430P7/>
44. Zhou Liang, Cindy Liang. Sinopec to Leverage Hydrogen // S&P Global Platts. 2021. March 29. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/electric-power/032921-sinopec-to-leverage-hydrogen-to-meet-carbon-neutrality-by-2050>.
45. Chia K. Sinopec throws itself into hydrogen for China's Green Car Goals. Bloomberg, February 21, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-22/sinopec-throws-itself-into-hydrogen-for-china-s-green-car-goals>.
46. Global CCS Institute. Setting the Pace' – China establishes the world's 18th Large-Scale CCS Facility. IEA Clean Coal Centre, August 13, 2018. URL: <https://www.globalccsinstitute.com/news-media/press-room/media-releases/setting-the-pace-china-establishes-worlds-18th-large-scale-ccs-facility/>.
47. Global CCS Institute. Global Status of CCS 2020, 70–71. URL: <https://www.globalccsinstitute.com/wp-content/uploads/2021/03/Global-Status-of-CCS-Report-English.pdf>.
48. PetroChina, 2019 Environmental, social and governance report, 35. URL: <http://www.petrochina.com.cn/ptr/xhtml/images/2019kcxfzbgen.pdf>.
49. Meng Ying. Dual-Carbon goals. April 29, 2021 [Cit.]. URL: <https://www.energypolicy.columbia.edu/research/report/green-giants-china-s-national-oil-companies-prepare-energy-transition>.

Информация об авторах

А. О. Хубаева – ведущий аналитик Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия.

Ю. В. Соловова – ведущий аналитик Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия.

References

1. Rushton L. *ESG: How it applies to the Oil & Gas industry and Why it matters*. Womble Bond Dickinson (US). 2021. URL: <https://www.womblebond dickinson.com/us/insights/articles-and-briefings/esg-how-it-applies-oil-gas-industry-and-why-it-matters>.
2. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. *Xi Jinping delivers an important speech at the general debate of the 75th Session of the General Assembly of the United Nations*. September 22, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1817766.shtml.
3. Motley Fool Transcribers. *PetroChina Company Limited (PTR) Q3 2020 earnings call transcript*. October 30, 2020. URL: <https://www.fool.com/earnings/call-transcripts/2020/10/30/petrochina-company-limited-ptr-q3-2020-earnings-ca/>.
4. Sinopec Corp., 2019 Communication on sustainable development, 18. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/2020032945.pdf>.
5. CNOOC Ltd., 2019 *Environmental, social and governance report*, 48. URL: <https://www.cnooc ltd.com/attach/0/1f327d785d4b4fb4bb704eda72ae190a.pdf>.
6. Chen Aizhu. PetroChina expects its carbon emissions to peak around 2025. *Reuters*, 2021, March 25. URL: <https://www.reuters.com/article/us-petrochina-results/petrochina-expects-its-carbon-emissions-to-peak-around-2025-idUSKBN2BH1D4>.
7. Eric Ng. Chinese energy giant Sinopec bets future on hydrogen as it looks to reach decarbonisation goals ahead of time. *South China Morning Post*, 2021, March 29. URL: <https://sg.news.yahoo.com/chinese-energy-giant-sinopec-bets-054301643.html>.
8. Chen Aizhu. UPDATE 2-Sinopec for carbon neutrality by 2050, Plans Pivot to Hydrogen. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/sinopec-carbon-idCNL1N2LR04C>.
9. CNOOC Ltd., 2020 *Environmental, social and governance report*, 60. URL: <https://www.cnooc ltd.com/attach/0/bbfdd87698b542c38f0870d13e36bcd7.pdf>.
10. CNOOC Ltd. *Environmental protection – response to climate change*. URL: <https://www.cnooc ltd.com/col/col46301/index.html>.
11. Sinopec to launch first green Hydrogen Project in 2022. *Reuters*, 2021, May 25. URL: <https://www.reuters.com/business/sustainable-business/sinopec-launch-first-green-hydrogen-project-2022-2021-05-25/>.
12. Ma Yongsheng, Member of the National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference: accelerate the construction of a clean, low-carbon, safe, and efficient energy system. *Xinhua Finance*, 2021, March 7. URL: <http://news.xinhua08.com/a/20210307/1977913.shtml>.
13. *Outline for the 14th Five-Year Plan for the national economic and social development of the People's Republic of China and long-term goals for 2035*, March 13, 2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm.

14. Meng Ying. Dual Carbon targets promote accelerating the transformation of the oil and gas industry; CNPC's economic and technology research report released the 2020 domestic and foreign oil and gas industry development report. *Petroleum Business News*, 2021, April 29. URL: <http://center.cnpc.com.cn/sysb/system/2021/04/22/030030794.shtml>.

15. PetroChina is listed on all three stock exchanges, Sinopec is listed in Hong Kong and New York, and CNOOC Ltd. is only listed in Hong Kong following the New York Stock Exchange's delisting of the company under an executive order signed by President Donald Trump in November 2020. *CNOOC Faces NYSE Delisting of American Depositary Shares, Bloomberg, February 26, 2021*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-26/china-s-cnooc-faces-nyse-delisting-of-american-depository-shares>.

16. *Federated Hermes International, EOS Engagement Plan 2021–2023*, February 1, 2021. URL: <https://www.hermes-investment.com/us/eos-insight/eos/eos-engagement-plan-2021-2023>.

17. *Savvy Investor. Climate Change and Institutional Investors*, June 18, 2020, 22. URL: <https://www.savvyinvestor.net/blog/climate-change-institutional-investors>.

18. *BS Bank. Regional Energy: China Refining & Petrochemical*, March 3, 2020, 21. URL: https://www.dbs.id/id/corporate-id/aics/pdfController.page?pdfpath=/content/article/pdf/AIO/032020/200303_insights_reg_energy.pdf.

19. China oil refining profits plunge 42% in 2019 as overcapacity grows. *Reuters*, 2020, March 3. URL: <https://www.reuters.com/article/china-crude-profits/china-oil-refining-profits-plunge-42-in-2019-as-overcapacity-grows-industry-idUSL4N2AW107>.

20. *CNPC, 2020 Annual report*, 6. URL: <https://www.cnpc.com.cn/cnpc/ndbg/202104/4733d8af74c24a938b50607f75862ee6/files/d1faf5e2e6aa4d9aa479bf9c4c8f346a.pdf>.

21. *PetroChina, 2020 Annual report*, 19. URL: <http://www.petrochina.com.cn/ptr/ndbg/202104/eafc059543d2429ab3ad454d519cde56/files/a1e7963d63a9429d8226c56c19928dc8.pdf>.

22. *Sinopec Group, 2020 Annual Report*, 24. URL: <http://www.sinopecgroup.com/group/Resource/Pdf/GroupAnnualReport2020.pdf>

23. *Sinopec Corp., 2020 Form 20-F*, 27. URL: https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/0001123658/000110465921052188/tm2039442d3_20f.htm.

24. *CNOOC, 2020 Annual report*, 38. URL: <https://www.cnooc.com.cn/attach/0/2106111016114743.pdf>.

25. *CNOOC Ltd., 2020 Annual report*, 3. URL: <https://www.cnoocLtd.com/attach/0/c63efe2e72b84001bf234fcc38d836ff.pdf>.

26. *CNOOC Ltd., 2020 Environmental, social and governance report*, 90. URL: <https://www.cnoocLtd.com/attach/0/bbfdd87698b542c38f0870d13e36bcd7.pdf>.

27. *CNOOC Ltd., 2019 Environmental, social and governance report*, 92. URL: <https://www.cnoocld.com/attach/0/1f327d785d4b4fb4bb704eda72ae190a.pdf>.
28. *CNOOC Ltd., 2018 Environmental, social and governance report*, 80. URL: <https://www.cnoocld.com/attach/0/828e24614a4e44abac7c4cad98a1d7e9.pdf>.
29. *PetroChina, 2020 Environmental, social and governance report*, 73. <http://www.petrochina.com.cn/petrochina/xhtml/images/shyhj/2020kcxfzbggen.pdf>.
30. *Sinopec Corp., 2020 Sustainability report*, 34. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/20210328011.pdf>.
31. *Sinopec Corp., 2019 Communication on progress for sustainable development*, 79. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/2020032945.pdf>.
32. Beveridge, N., Ho B., Ku J. Asia-Pac Oil Majors and E&Ps: how do APAC Companies Score on ESG and which ones are the best? *Bernstein Asia-Pacific Oil & Gas*, 2020, January 16, art. no. 5.
33. *Sinopec Corp., 2020 Sustainability report*, 34. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/20210328011.pdf>.
34. *Carbon Performance in Oil and Gas: discussion paper* / S. Dietz [et al.]. November 2018, 10. URL: <https://www.transitionpathwayinitiative.org/publications/27.pdf?type=Publication>.
35. *CNOOC Ltd., 2020 Environmental, social and governance report*, 90. URL: <https://www.cnoocld.com/attach/0/bbfdd87698b542c38f0870d13e36bcd7.pdf>.
36. *CNOOC Ltd., 2018 Environmental, social and governance report*, 47–48. URL: <https://www.cnoocld.com/attach/0/828e24614a4e44abac7c4cad98a1d7e9.pdf>.
37. *PetroChina, 2020 Environmental, social and governance report*, 73. URL: <http://www.petrochina.com.cn/petrochina/xhtml/images/shyhj/2020kcxfzbggen.pdf>.
38. *PetroChina, 2017 Sustainability report*, 77. URL: <http://www.petrochina.com.cn/petrochina/xhtml/images/shyhj/2017kcxfzbggen.pdf>.
39. *Sinopec Corp., 2020 Sustainability Report*, 84. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/20210328011.pdf>.
40. *Sinopec Corp., Communication on Sustainable Development 2017*, 57. URL: <http://www.sinopec.com/listco/en/Resource/Pdf/20180325016.pdf>.
41. *International Energy Agency. The Role of Gas*, 4. URL: <https://www.iea.org>.
42. Borunda A. Natural gas is a much ‘dirtier’ energy source than we thought. *National Geographic*, 2020, February 19. URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/super-potent-methane-in-atmosphere-oil-gas-drilling-ice-cores>.
43. China’s CNPC Targets 50% Slash in Methane Emission Intensity by 2025. *Reuters*, 2020, July 2. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-cnpc-carbon/chinas-cnpc-targets-50-slash-in-methane-emission-intensity-by-2025-idUSKBN2430P7/>
44. Zhou Liang, Cindy Liang. Sinopec to Leverage Hydrogen. *S&P Global Platts*, 2021, March 29. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest->

news/electric-power/032921-sinopec-to-leverage-hydrogen-to-meet-carbon-neutrality-by-2050.

45. Chia K. *Sinopec throws itself into hydrogen for China's Green Car Goals*. Bloomberg, February 21, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-22/sinopec-throws-itself-into-hydrogen-for-china-s-green-car-goals>.

46. *Global CCS Institute. Setting the Pace' – China establishes the world's 18th Large-Scale CCS Facility*. IEA Clean Coal Centre, August 13, 2018. URL: <https://www.globalccsinstitute.com/news-media/press-room/media-releases/setting-the-pace-china-establishes-worlds-18th-large-scale-ccs-facility/>.

47. *Global CCS Institute. Global Status of CCS 2020*, 70–71. URL: <https://www.globalccsinstitute.com/wp-content/uploads/2021/03/Global-Status-of-CCS-Report-English.pdf>.

48. *PetroChina, 2019 Environmental, social and governance report*, 35. URL: <http://www.petrochina.com.cn/ptr/xhtml/images/2019kcxfzbggen.pdf>.

49. Meng Ying. *Dual-Carbon goals*. April 29, 2021. Cit. URL: <https://www.energypolicy.columbia.edu/research/report/green-giants-china-s-national-oil-companies-prepare-energy-transition>.

Information about authors

A. O. Khubaeva – Lead Analyst, Center for Strategic Research in Energy and Digital Economy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Yu. V. Solovova – Lead Analyst, Center for Strategic Research in Energy and Digital Economy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 85–98.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 85–98.

Научная статья

УДК 338.23:614.4(517.3)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/85-98>

МОНГОЛИЯ В УСЛОВИЯХ COVID-19: ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ И МЕРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Юлия Геннадьевна Григорьева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук, 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
grigoreva-yulia23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4267-2465>,
Researcher ID: AAQ-5938-2020

Аннотация. Пандемия COVID-19 оказывает значительное влияние на экономическое развитие, образ жизни населения и систему здравоохранения во всех странах мира. В данной статье мы попытались представить анализ ситуации с COVID-19 в Монголии в 2020–2021 гг. и ответные меры со стороны правительства по снижению негативных тенденций. Монгольский кейс представляет большой интерес с точки зрения того, что за указанный временной отрезок в стране наблюдаются два кардинально разных пути развития ситуации, связанных с распространением коронавирусной инфекции: от признания успеха в борьбе – до лидирующих позиций по количеству заболевших в Восточной Азии. Основное внимание в работе уделено мерам правительства по борьбе с коронавирусом, последствиям для экономики Монголии, мероприятиям по восстановлению социальной и экономической жизни в стране. В работе представлены статистические материалы, аналитические отчёты и исследования, которые позволяют наиболее полно раскрыть представленную проблематику.

Ключевые слова: Монголия, COVID-19, коронавирусная инфекция, борьба с пандемией, общество, экономика, международная помощь, вызовы, ответные меры, Восточная Азия, дистанцирование, система здравоохранения, вакцинация, обязательные общественные меры, чрезвычайная ситуация, экономические последствия, влияние, экономическое воздействие, профилактика.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

Для цитирования: Григорьева Ю. Г. Монголия в условиях COVID-19: основные вызовы и меры социально-экономического реагирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 85–98. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/85-98>.

Original article

MONGOLIA UNDER COVID-19: KEY CHALLENGES AND SOCIO-ECONOMIC RESPONSE

Yulia G. Grigoreva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS,
670047, Russia, Ulan-Ude, 6, Sakhyanova St.

grigoreva-yulia23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4267-2465>,

Researcher ID: AAQ-5938-2020

Abstract. The COVID-19 pandemic is having a significant impact on economic development, lifestyle and health care in all countries of the world. In this article, we tried to present an analysis of the COVID-19 situation in Mongolia in 2020–2021 and the government response to mitigate negative trends. Mongolia is of great interest as a country in which there have been several radically different developments in situations associated with the spread of coronavirus infection, ranging from recognition of success in the fight to the leading positions in the number of cases in East Asia. The main attention in the work is paid to the government's measures to combat coronavirus, the consequences for the economy of Mongolia, the measures to restore social and economic life in the country. The work presents statistical materials, analytical reports and studies that allow the most complete disclosure of the presented problems.

Keywords: Mongolia, COVID-19, coronavirus infection, pandemic control, society, economy, international aid, challenges, response, East Asia, distancing, health system, vaccination, compulsory public action, emergency, economic impact, impact, economic impact, prevention.

Financial Support: The work was carried out within the framework of the state task (project "Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states", no. 121031000241-1).

For citation: Grigoreva Yu. G. Mongolia under COVID-19: key challenges and socio-economic response // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no 1. P. 85–98. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/85-98>.

Введение

30 января 2020 г. Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения объявил вспышку COVID-19 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а 11 марта 2020 г. объявил её пандемией. По состоянию на 6 ноября 2021 г. пандемия COVID-19 имела более 249 млн подтверждённых случаев и 5 млн 053 тыс. 878 случаев смерти в более чем 223 странах [12]. В ответ на чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение, ВОЗ выпустила рекомендательные меры, разработанные с учётом предыдущих вспышек инфекционных заболеваний, включая тяжёлый острый респираторный синдром в 2002 г. и вспышки респираторного синдрома на Ближнем Востоке в 2012 г. Некоторые страны самостоятельно реализовали ряд мер после информации о вспышке болезни в Китае. Масштабы этих мер были различными из-за отличий в национальных системах здравоохранения, лежащих в их основе социокультурных ценностей, а также технических и финансовых возможностей. Соседние с Китаем страны и территории с высоким уровнем дохода, такие как Сингапур, Гонконг, Тайвань и Япония, были одними из первых, кто ввёл ограничения на поездки и карантин для тех, кто был в тесном контакте с инфицированными людьми или возвращался из зоны риска. Монголия, страна с уровнем дохода ниже среднего, имеющая самую протяжённую общую границу с Китаем, разработала одобренные ВОЗ меры раннего вмешательства для недопущения проникновения COVID-19 на свою территорию. К началу января 2020 г. Монголия инициировала общенациональные меры контроля в соответствии со своей правовой базой по обеспечению готовности к стихийным бедствиям при поддержке регионального офиса ВОЗ в Монголии, прежде чем в том же месяце COVID-19 был объявлен как чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение.

Исследований о мерах борьбы с COVID-19 в странах с низким и средним доходом на душу населения представлено мало, поэтому в данной работе мы хотели подробнее рассмотреть социально-экономические механизмы реагирования Монголии на эту ситуацию, а также эффективность этих мер на сегодняшний день.

COVID-19 в Монголии: предпосылки и особенности

Монголия имеет самую протяжённую сухопутную границу с Китаем, более того, КНР является её основным торгово-экономическим партнёром. Всё это создавало предпосылки для проникновения в Монголию и масштабного распространения вируса нового типа.

Вместе с тем, Монголии удавалось на протяжении почти 10 месяцев с момента начала распространения вируса поддерживать благоприятную эпидемиологическую обстановку. Всё это благодаря таким радикальным мерам, как закрытие гра-

ниц, отмена международных рейсов, закрытие всех образовательных учреждений и даже запрет национального праздника Цагаан Сар (Новый год по лунному календарю). Однако принятые меры не смогли остановить «волну» заболеваний, и ежедневный прирост впервые превысил отметку в 100 зарегистрированных случаев в начале марта 2021 г. 20 июня 2021 г. Монголия обогнала Китай по количеству случаев COVID-19, став третьей наиболее пострадавшей страной в Восточной Азии. Спустя несколько дней количество заболевших COVID-19 в стране превысило 100-тысячную отметку. 26 августа 2021 г. количество случаев COVID-19 в Монголии превысило 200 000 человек [5].

На сегодня (6 ноября 2021 г.) в Монголии всего зарегистрировано 344 353 случая заболевания, 1 797 смертельных случаев от коронавируса, 313 526 человек выздоровели. Полностью вакцинировано 65,3% населения. Летальность в Монголии на текущий момент составляет 0,52% [5].

Население Монголии составляет приблизительно 3,3 миллиона человек, живущих на площади, сопоставимой с территорией Западной Европы. Почти половина всего населения проживает в столице страны городе Улан-Батор, в сельских районах монгольские семьи проживают в юртах (гэр) – традиционных войлочных палатках, состоящих из одной большой комнаты, в которой проживает большая семья. Высокая плотность в столице и отсутствие дистанцирования в сельских районах ставят под угрозу стратегии сдерживания и борьбы с распространением инфекционного заболевания.

Высокий риск смертности от COVID-19 представляет угрозу для людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями и людей пожилого возраста. Хронические неинфекционные заболевания являются основной причиной заболеваемости и смертности в Монголии, на сердечно-сосудистые заболевания приходится почти 1/3 всех смертельных случаев. Почти половина взрослого населения имеет избыточный вес (31,9%) или ожирение (11,9%), 16,2% страдают ишемической болезнью сердца, а распространённость хронической обструктивной болезни лёгких оценивается примерно в 10% [13].

К другой группе риска относятся люди старше 70 лет, но данная категория граждан составляет всего 2,5 % от общей численности населения Монголии [9]. Ещё одним фактором риска является ежедневный рацион питания: большое потребление красного мяса, много жирной пищи, употребляется мало фруктов и овощей. Наряду с этим, у большого количества населения малоподвижный образ жизни, и всё это отрицательно сказывается на способностях организма противостоять инфекции нового типа.

Эффективность реагирования при заболевании во многом зависит от того, как система здравоохранения справляется с масштабной вспышкой. Основные факторы, влияющие на эффективность и способность системы здравоохранения опера-

тивно ответить на вызовы, заключаются в достаточной численности врачей и медицинского персонала, уровне их профессиональной компетентности, количестве и доступности коек в отделениях интенсивной терапии, качестве оборудования, а также демографических данных населения.

В настоящее время в Монголии проводится реформа системы здравоохранения на национальном уровне, созданы центры первичной и вторичной медико-санитарной помощи. По всей стране насчитывается около 12 000 врачей (на одного врача приходится 283 пациента) и более 20 000 работников здравоохранения среднего звена, из которых более 12 000 – медсёстры [13]. Относительно высокое отношение количества врачей к количеству пациентов является результатом созданной системы здравоохранения во времена советско-монгольского сотрудничества. Оснащённость больниц и их общее состояние является удовлетворительным, вместимость отделений интенсивной терапии в Монголии значительно выше, чем в большинстве стран с низким и средним доходом (СНСД). На сегодняшний день в 70 отделениях интенсивной терапии оснащено 349 коек и имеется 443 аппарата искусственной вентиляции легких по всей стране, что составляет примерно 11 коек отделений интенсивной терапии на 100 тыс. жителей. Для сравнения данный показатель сопоставим с Францией (11,6 мест на 100 тыс. населения) [13].

Превентивные меры правительства по борьбе с коронавирусом

Монголия разработала одобренные ВОЗ меры раннего вмешательства для отсрочки начала вспышки и её последствий. К началу января 2020 г. правительство инициировало общенациональные меры контроля в соответствии со своей правовой базой по обеспечению борьбы с чрезвычайными ситуациями при поддержке регионального офиса ВОЗ в Монголии. Эти меры были предприняты прежде, чем несколькими днями позже COVID-19 был придан статус особой угрозы для общественного здравоохранения, в том числе и на международном уровне. Хотя в начале 2020 г. ВОЗ не рекомендовала никаких немедленных ограничений на поездки, власти Монголии организовали поэтапный запрет на перемещение. Опыт, накопленный в борьбе с аналогичными вспышками болезни, подтолкнул власти страны к этим оперативным действиям, которые включали в том числе закрытие учебных заведений и активное распространение информации в области новой болезни и мер по профилактике заражения.

Монголия – одна из первых стран, которая закрыла границу с Китаем и приостановила торговлю. Это коснулось в том числе и экспорта угля, который является одним из основных источников пополнения бюджета. В стране сразу были закрыты школы и детские сады. Эти меры затронули практически треть населения – 900 тыс. детей в возрасте до 18 лет.

Правительство ввело в действие «Закон о чрезвычайных ситуациях» в январе 2020 г. и одобрило Закон о борьбе с пандемией COVID-19 в мае 2020 г. Эти законы

устанавливают правовую основу для защиты от инфекции населения страны. Соответственно, самый значимый и массовый праздник Монголии Цагаан сар – празднование Нового года по лунному календарю – был отменён, как и подобные мероприятия с февраля 2020 г. Пабы и ночные клубы в столице работали только до 22:00, и все жители по закону должны были носить маски. Рекомендации ВОЗ по личной гигиене и мерам индивидуальной защиты, таким как мытьё рук и социальное дистанцирование, широко пропагандировались через социальные сети. Кроме того, к концу февраля были отменены международные рейсы в Республику Корея, Японию, а в начале марта были отменены рейсы в Россию и Европу. Было выполнено лишь несколько специальных чартерных рейсов, которые выполнялись под строгим санитарным контролем. Всем пассажирам рекомендовалось по прибытии соблюдать домашнюю изоляцию, а перед этим с ними проводилась разъяснительная работа. Граждане с наличием первичных симптомов или пассажиры с историей поездок в страны высокого риска изолировались в ближайшей больнице. Эти первоначальные и своевременные ответные меры, а также обязательные общественные и превентивные меры, налагающие ограничения на внутреннее перемещение, способствовали относительно небольшому количеству подтверждённых случаев заболевания в Монголии после вспышки COVID-19.

Монголия является одной из стран с низкой плотностью населения. Процессы урбанизации в последние десятилетия существенно изменили ситуацию. В настоящее время почти половина из 3-миллионного населения Монголии проживает в столице, а остальная часть – в сельской местности. Сегодня кочевники составляют треть всего населения Монголии. Особенности ведения хозяйства вынуждают их жить в изолированных районах, что также существенно снижает вероятность передачи COVID-19 внутри страны.

Правительство Монголии через Государственную комиссию по чрезвычайным ситуациям (SEC), которой поручено реагировать на чрезвычайные ситуации на национальном уровне, ввело в течение 2020 г. ряд ограничений для сдерживания риска COVID-19.

Ниже приведём основные меры:

- **Закрытие границ:** все поездки (воздушные, автомобильные и железнодорожные) из Китая или через Китай были запрещены с 1 февраля 2020 г. Трансграничные пассажирские перевозки всех форм прекратились с 10 марта. Границы Монголии остались закрытыми для пассажиров, за исключением граждан Монголии, прибывающих специальными чартерными рейсами. По прибытии пассажиры проходят 21-дневный обязательный строгий карантин.

- **Ограничения экспортных поставок:** экспорт угля и сырой нефти был приостановлен с 10 февраля по 2 марта с целью минимизировать риск заражения водителей грузовиков, пересекавших монгольско-китайскую границу. Стоит отметить, что официально экспорт был приостановлен в соответствии с графиком, но он не

вернулся к обычным темпам вплоть до августа, когда правительство представило программу Green Gate, направленную на ускорение грузовых перевозок за счёт оптимизации работы таможни.

- Отказ от реализации образовательной деятельности в очном формате: вся деятельность школ, детских садов, университетов, профессиональных центров была переведена на дистанционный режим.

- Ограничение услуг и общественной деятельности: бары, кафе и рестораны в период с середины февраля по июль 2020 г. ограничили свою работу до 22:00.

- Введение строгой изоляции, когда 11 ноября 2020 г. было зарегистрировано первое внутреннее заражение.

Представленные выше ранние меры реагирования помогли на протяжении длительного времени сдерживать распространение инфекции. Жёсткие ограничительные меры, однако, лишь отсрочили вспышку заболевания на территории Монголии. Меры правительства неоднозначно воспринимаются со стороны граждан и мировой общественности. С одной стороны, Монголия более подготовленной «встретила» всплеск заболеваний, с другой – за 10 месяцев монгольские граждане стали менее восприимчивы к соблюдению профилактических мер.

Последствия COVID-19 для экономики Монголии

Экономика Монголии переживает тяжёлый период, вызванный вспышкой коронавирусной инфекции и связанными с ней ограничительными мерами. Удар от COVID-19 пришёлся на период, когда экономика Монголии уже столкнулась с замедлением, особенно во второй половине 2019 г. Это произошло в основном за счёт снижения цен на сырьевые товары и ухудшения качества меди местного производства, ключевой статьи экспорта полезных ископаемых. За первые девять месяцев 2020 г. реальный ВВП сократился на 7,3%, что стало одним из худших показателей со времён переходного периода начала 1990-х. Хотя снижение темпов роста распространилось на многие отрасли экономики, значительное сокращение ощущалось в горнодобывающем секторе (-20,7%), объёмы производства в недобывающей промышленности упали на 3,7%, а объём сектора услуг сократился на 7% за аналогичный период. Между тем, сектор сельского хозяйства стал ключевым драйвером роста, показав рост на 11,3% [14].

На горнодобывающий сектор существенно повлияли резкое снижение спроса на основные товары и закрытие границы с Китаем. Сфера услуг также пострадала из-за ограничений и падающих доходов населения. Наиболее пострадавшими от COVID-19 являются малый бизнес, а также предприятия в сфере производства, туризма, торговли, транспорта, строительства и сектора образования.

За первые девять месяцев 2020 г. экспорт товаров и услуг сократился на 8%, что являлось наибольшим снижением со времен мирового финансового кризиса

2008 г. Сокращение было наиболее значительным по углю и сырой нефти (на которые приходится 45% от общего экспорта в 2019 г.) ввиду слабого спроса со стороны Китая и временного запрета на экспорт в феврале – марте 2020 г. [9]. Кроме того, экспорт меди (24% от общего экспорта в 2019 г.) значительно сократился, особенно в первом квартале из-за резкого падения цен, вызванного снижением мирового спроса [8]. Однако экспорт довольно быстро восстановился, особенно в третьем квартале, в основном за счёт увеличения цен на сырьевые товары, постепенного ослабления COVID-19 и превентивных и инициативных мер со стороны правительства. По итогам 2020 г. падение экспорта составило 1% (табл. 1).

Импорт также значительно сократился на фоне более слабого внутреннего спроса и снижения цен на нефть. Реальный импорт товаров и услуг упал на 14%, или сократился на 833, 6 млн долларов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика роста реального ВВП Монголии

Dynamics of Real Gross Domestic Product Growth in Mongolia

Год	ВВП (%)	ВВП (тыс.)	ВВП на душу населения	Импорт (тыс. долл.)	Экспорт (тыс. долл.)	Уровень безработицы (%)	Инфляция (%)
2010	6,4	9,756	3697	2,908	3,200	9,9	10,1
2011	17,3	13,173	4917	4,817	6,598	7,7	9,2
2012	12,3	16,688	6107	4,384	6,738	8,2	14,3
2013	11,6	19,174	6867	4,269	6,357	7,9	10,5
2014	7,9	22,227	7716	5,774	5,236	7,9	12,8
2015	2,4	23,150	7810	4,669	3,797	7,5	6,6
2016	1,2	23,942	7910	4,916	3,358	10	0,7
2017	5,3	27,876	8999	6,200	4,337	8,8	4,3
2018	7,2	32,411	10259	7,011	5,874	7,8	6,8
2019	5,1	37,392	11680	7,619	6,127	10	7,3
2020	-5,3	37,329	11459,5	7,576	5,2939	1.	3,7

Источник: Национальное статистическое управление Монголии (Source: National Statistical Office of Mongolia) (<https://www.1212.mn/>)

Из-за пандемии COVID-19 экономика Монголии сократилась на 5,3 % в 2020 г., что стало одним из самых сильных спадов с начала 1990-х гг. (табл. 1). Резкое падение мирового спроса на ключевые сырьевые товары и закрытие границы с Китаем были одними из ключевых внешних факторов, нанесших серьёзный ущерб экономике, основанной на добыче полезных ископаемых. Внутри страны сектор

услуг сильно пострадал от мер сдерживания, которые помогли Монголии сдержать распространение вируса в начале 2020 г. Хотя ряд государственных мер в виде налоговых льгот и стимулирующих выплат помогли смягчить воздействие COVID-19 на бизнес и население, это серьёзно сказалось на государственном бюджете. Бюджетные доходы последних трёх лет быстро пошли на убыль, и общий дефицит вырос до 9,5% ВВП [8]. Как следствие, государственный долг снова увеличился в 2020 г., хотя до этого времени наблюдалась тенденция к снижению. Инфляционное давление в 2020 г. оставалось низким, главным образом из-за слабого внутреннего спроса и более низких цен на нефть.

Прогнозируется, что в 2021 г. экономика восстановится, поскольку власти продолжают усилия по борьбе с пандемией, меры стимулирования поддерживают внутренний спрос, негативное влияние мировой экономики уменьшается, а предприятия и потребители приспосабливаются к новой норме жизни. Однако восстановление подвержено рискам, включая новые волны COVID-19 внутри страны и в мире, финансовую нестабильность и другие факторы.

Меры правительства и международная помощь по восстановлению социальной и экономической жизни в Монголии

Правительство Монголии приняло ряд законов в связи с распространением COVID-19 в 2020–2021 гг. Эти законы устанавливают правовые нормы защиты и предотвращения распространения инфекции, а также пакет мер по восстановлению социально-экономического положения в стране. Согласно постановлению, компании освобождаются от выплат социального страхования на шесть месяцев – с 1 апреля 2020 г. по 1 октября 2020 г. Компании с выручкой менее 1,5 млрд тугриков имеют право на освобождение от уплаты корпоративного налога (налог на прибыль) на шесть месяцев с 1 апреля 2020 г. по 1 октября 2020 г. Более того, в течение трёх месяцев правительство ежемесячно выплачивало 200 000 тугриков на каждого сотрудника частных компаний для предотвращения массового сокращения. Для жителей, занимающихся животноводством, были предоставлены ссуды в размере 300 млрд тугриков под ставку 3% годовых [14].

Для поддержки социально незащищенных категорий граждан правительство Монголии объявило о списании кредитов у монгольских пенсионеров. По данным Национального статистического комитета Монголии, по состоянию на 31 декабря 2019 г. в Монголии суммарная задолженность 229,4 тыс. пенсионеров составляла 763,3 млрд тугриков [9].

Монголия запустила пакет мер по борьбе с COVID-19 на сумму около 9 % ВВП в 2020 г. для ликвидации задолженности у населения и бизнеса, поддержки ключевых экспорто-ориентированных секторов промышленности и большей доступности к системе здравоохранения и обеспечения продуктами питания.

Пакет в сумме 10 трлн тугриков (5 % ВВП) будет реализован в 2021–2023 гг., в основном финансируем Центральным банком Монголии [8]. Он включает меры по расширению доступа к кредитам, сохранению рабочих мест, обеспечению жильём, поддержке сельскохозяйственного производства и развитию экспортной продукции, не связанной с добычей полезных ископаемых.

Правительство Монголии решило освободить домохозяйства и некоторые предприятия от оплаты за электричество, теплоэнергию и воду с 1 декабря 2020 г. по 1 июля 2021 г. Предполагается, что на эти расходы будет потрачено в общей сложности более 650 млрд тугриков. Данной помощью могут воспользоваться 729 тыс. потребителей, из них 678 тыс. – домохозяйства, 51 тыс. коммерческих субъектов и организаций. Согласно проведённому исследованию, 61% опрошенных компаний воспользовались услугой, что говорит о реальной поддержке бизнеса [10].

Монголия получила финансовую помощь в размере 99 млн долларов США от Международного Валютного фонда для поддержки наиболее пострадавших секторов экономики и уязвимых групп населения, пострадавших от COVID-19. Европейский Союз также поддерживает усилия Монголии по увеличению занятости и повышению прозрачности государственных финансов, предоставив грант в размере 50,8 млн евро. Это первая программа бюджетной поддержки в Монголии, которая также направлена на устранение социальных и экономических последствий пандемии COVID-19. Соединенные Штаты выдели более 3,7 млн долларов (10,5 млрд тугриков) на борьбу с коронавирусом и развитие здравоохранения в Монголии. Япония подписала соглашение с Монголией о предоставлении грантовой помощи в размере 883 млн иен (8 млн долларов) на борьбу с коронавирусом [6].

Азиатский банк развития в октябре 2020 г. выделил грант в размере 410 тыс. долларов США для создания запасов продовольствия на случай чрезвычайной ситуации [14].

Всемирный банк предоставил грант в размере 1 млн долларов США из Фонда экстренной помощи в борьбе с пандемией. Финансирование направлено на закупку необходимого медицинского оборудования и средств индивидуальной защиты [3].

Особенности вакцинации в Монголии

Массовая вакцинация в Монголии началась 23 февраля 2021 г. В первую очередь привились медики и работники, которые участвуют в борьбе с коронавирусной инфекцией. В марте началась вакцинация людей старше 55 лет, а с 23 апреля вакцинация стала доступна всем жителям от 18 лет. На сегодняшний день 2 254 780 жителей Монголии получили первую дозу вакцин против коронавируса Verocell, Sinopharm, Sputnik-V, AstraZeneca и Pfizer BioNTech. Из них 2 141 174 человек получили вторые прививки, в результате чего показатель полной вакцинации в стране достиг более 65 % [5].

В столице Монголии работает более 120 пунктов вакцинации. Если судить по сообщениям различных СМИ, жители активно вакцинируются. По состоянию на 30 октября 2021 г. ведётся активная работа по вакцинации силами 28 мобильных и 23 стационарных пунктов, задействовано 59 бригад, состоящих из 230 медицинских работников (табл. 2).

Таблица 2

Пункты вакцинации (по районам)
Vaccination points (by district)

Район	Количество бригад	Количество медработников	Количество посетителей (на 30 октября 2021 г.)
Багануур	1	8	106
Багахангай	1	6	72
Баянгол	9	27	408
Баянзурх	3	22	446
Сонгинохайрхан	3	9	452
Сухбаатар	3	20	438
Налайх	1	6	120
Чингэлтэй	8	36	464
Хан-Уул	2	12	472
Мобильные пункты	25	84	1260
Всего	59	230	4238

Источник: Министерство здравоохранения Монголии (Source: Ministry of Health of Mongolia) (<https://covid19.mohs.mn/>)

Правительство Монголии подготовило Национальный план по реализации вакцинации, который был утверждён приказом премьер-министра в январе 2021 г. План вакцинации является неотъемлемой частью национальной системы профилактики и стратегического плана реагирования против COVID-19. Программа разработана совместно с международными партнёрами, в том числе Азиатским банком развития (АзБР), Детским фондом Организации Объединённых Наций (ЮНИСЕФ), Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), Всемирным банком и другими организациями.

Монголия присоединилась к программе глобального доступа к вакцинам COVID-19 (COVAX) 16 июня 2020 г. и была признана как участник предварительных рыночных обязательств. В декабре 2020 г. Монголия подала заявку для участия в программе COVAX для получения вакцины. 12 мая 2021 г. Монголия полу-

чила первые 64 800 доз препарата AstraZeneca, произведенных компанией SK Bioscience Co. Ltd. в Республике Корея и 25 740 доз вакцины Pfizer, произведенной в Германии. Активную роль в поставках вакцин оказывают соседи Монголии – Китай и Россия. В феврале 2021 г. КНР доставила в Монголию 300 000 доз вакцины Sinopharm в качестве помощи, две страны также достигли соглашения о поставке ещё 900 000 доз. В апреле этого года Монголия получила 1 760 540 доз, в том числе 214 800 доз AstraZeneca в рамках договорённости с правительством Индии и фонда COVAX, 1 500 000 доз вакцины Sinopharm из Китая посредством пожертвований и закупок, а также 20 000 доз вакцины Sputnik-V, приобретённых в России, 25 740 доз вакцины Pfizer-BioNTech через программу COVAX [6].

Монголия занимает одно из лидирующих мест по вакцинации населения от COVID-19. По данным Министерства иностранных дел Монголии, более 65% населения были вакцинированы. Большие успехи в вакцинации были достигнуты благодаря многосторонней внешней политике Монголии. Стратегическое партнёрство Монголии со своими соседями, Россией и Китаем, позволило получить вакцины быстрее, по сравнению с другими странами, многие из которых сталкиваются с различными сложностями. Большую помощь страна получила от международных организаций и так называемых «третьих соседей».

Заключение

В результате проведённого исследования можно условно выделить два этапа реализации стратегии со стороны руководства Монголии. Первый этап связан с началом распространения вируса в Китае, России и других странах. Тотальные ограничения на передвижение внутри страны и изоляция от внешнего мира оказались на тот момент весьма эффективными, поскольку Монголия смогла локализовать и приостановить процесс развития эпидемии. Второй этап связан со стремительным распространением вируса внутри страны и оперативными мерами со стороны руководства. Примечательно, что так называемая вакцинная дипломатия сыграла на руку правительству страны, которое смогло в короткие сроки наладить поставки вакцин, а также получить финансовую поддержку со стороны своих соседей и международных организаций. Это позволило снизить негативные социально-экономические тенденции, поддержать население и бизнес. Более того, ситуация с коронавирусом стала инструментом в политической борьбе перед выборами президента страны. Бывший премьер-министр страны Ухнаагийн Хурэлсух подал в отставку из-за ситуации с транспортировкой беременной пациентки, заражённой COVID-19. 19 января 2021 г. в социальных сетях появилось видео, на котором перевозили роженицу с ребёнком из корпуса в корпус из-за подтвердившегося диагноза на коронавирус. Это вызвало бурю протеста среди населения Улан-Батора [11]. Поступок премьер-министра был оценен населением страны. Возможно, это в

том числе и повлияло на исход президентских выборов, по результатам которых бывший премьер-министр Хурэлсух набрал более 70% голосов избирателей.

Глобальная пандемия подчеркнула важность внешней политики страны и усилий со стороны руководства Монголии. Данный пример можно рассматривать как продолжение внешнеполитического курса страны, который складывался на протяжении последних десяти лет. Руководство Монголии не раз подчеркивало, что позиционирует свою страну как «Азиатскую Швейцарию» – государство, отстаивающее принципы демократии и нейтралитета. Данный курс в условиях пандемии позволил стабилизировать социально-экономические показатели в стране, а также на определенном этапе являться примером построения эффективной стратегии на международном уровне.

Список источников

1. The World Health Organization. URL: <https://www.who.int/>.
2. The World Trade Organization. URL: <https://www.wto.org/>.
3. The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/>.
4. International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/>.
5. Министерство здравоохранения Монголии. URL: <https://covid19.mohs.mn/>. (На монг. яз.).
6. Министерство иностранных дел Монголии. URL: <http://www.mfa.gov.mn>. (На монг. яз.).
7. Монгол Улсын хөгжлийн 2022 оны төлөвлөгөө. Улаанбаатар хот. 2021 он. 167 х. План развития Монголии на 2022 год. Улан-Батор, 2021. 167 с.
8. Монгольский национальный банк. URL: <https://www.mongolbank.mn/>. (На монг. яз.).
9. Национальное статистическое управление Монголии. URL: <https://www.1212.mn/>. (На монг. яз.).
10. Портал государственных услуг Монголии. URL: <https://e-mongolia.mn/>. (На монг. яз.).
11. Премьер Монголии ушел в отставку после протестов из-за женщины с COVID-19 // Сайт медиахолдинга РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60095fab9a7947fe3b776844>.
12. WORLDOMETERS. URL: <https://www.worldometers.info/>.
13. Early policy actions and emergency response to the COVID-19 pandemic in Mongolia: experiences and challenges / R. Erkhembayar, E. Dickinson [et al.] // The Lancet Global Health. URL: [https://www.thelancet.com/journals/langlo/article/PIIS2214109X\(20\)30295-3/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/langlo/article/PIIS2214109X(20)30295-3/fulltext).
14. Munkhzul A. Economy of Mongolia in 2020: Impact of coronavirus and other risks // MONTSAME News Agency. URL: <https://montsame.mn/en/read/222864>.

Информация об авторе

Ю. Г. Григорьева – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия.

References

1. The World Health Organization. URL: <https://www.who.int/>.
2. The World Trade Organization. URL: <https://www.wto.org/>.
3. The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/>.
4. International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/>.
5. Ministry of Health of Mongolia. URL: <https://covid19.mohs.mn/>. (In Mongolian).
6. Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. URL: <http://www.mfa.gov.mn>. (In Mongolian).
7. Mongolia Development Plan for 2022. Ulaanbaatar, 2021. 167 p. (In Mongolian).
8. Mongolian National Bank. URL: <https://www.mongolbank.mn/>. (In Mongolian).
9. National Statistical Office of Mongolia. URL: <https://www.1212.mn/>. (In Mongolian).
10. Portal of public services of Mongolia. URL: <https://e-mongolia.mn/>. (In Mongolian).
11. Prime Minister of Mongolia resigns after protests over a woman with COVID-19. RBC media holding website. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60095fab9a7947fe3b776844>. (In Russian).
12. WORLDOMETERS. URL: <https://www.worldometers.info/>.
13. Erkhembayar R., Dickinson E. et al. Early policy actions and emergency response to the COVID-19 pan-demic in Mongolia: experiences and challenges. *The Lancet Global Health*. URL: [https://www.thelancet.com/journals/langlo/article/PIIS2214109X\(20\)30295-3/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/langlo/article/PIIS2214109X(20)30295-3/fulltext).
14. Munkhzul A. Economy of Mongolia in 2020: Impact of coronavirus and other risks. *MONTSAME News Agency*. URL: <https://montsame.mn/en/read/222864>.

Information about the author

Yu. G. Grigorieva – Candidate of Historical Sciences, junior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Russia, Ulan-Ude.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 99–108.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 99–108.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 321:316.7(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/99-108>

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Александр Альбертович Казаков¹, Ксения Александровна Сухачева²

^{1, 2} Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, Россия, Барнаул,
Чкалова, 49

¹ kaa-2862@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>

² kseniaalexsandrovna7@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4317-0005>

Аннотация. Проведённый в статье краткий исторический анализ возникновения и развития первых институтов гражданского общества в России указывает на несформированность этого социального института. Для решения данной проблемы предлагается рассмотреть национальную идею как основополагающий элемент процесса формирования гражданского общества. Рассматривая сущность таких понятий, как «национальная идея», «идеология», «правосознание», отмечаем их значение для развития общества и государства. Наш анализ идеологических основ, существовавших в разные исторические периоды нашей страны, указывает на отсутствие в настоящее время национальной идеи, которая может быть основой для построения гражданского общества. Одним из путей решения вопроса авторы предлагают построение гражданского общества в такой форме, при которой бы учитывалась ментальность русского народа, его самобытное российское правосознание. Посредством проведения сравнительного анализа российского правосознания с западным и восточным выявляется специфика правового менталитета в России, который предопределён географическим положением страны, способствующим принятию социальных ценностей как Запада, так и Востока. Авторы приходят к выводу о необходимости формулирования такой национальной идеи, которая бы лежала в основе процесса консолидации общества и способствовала формированию гражданского общества в России.

Ключевые слова: национальная идея, идеология, правосознание, гражданское общество, национальная идентичность, история, менталитет.

Для цитирования: Казаков А. А., Сухачева К. А. Национальная идея как основа формирования гражданского общества в России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 99–108. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/99-108>.

POLITICS

Original article

NATIONAL IDEA AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

Alexander Albertovich Kazakov¹, Kseniya Alexandrovna Sukhacheva²

^{1, 2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 656038, Russia, Barnaul, 49 Chkalova Street

¹ kaa-2862@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>

² kseniaalexsandrovna7@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4317-0005>

Abstract. The article carries out historical analysis of the emergence and development of the first civil society institutions in Russia and indicates their insufficient formation at the present moment. To solve this problem, it is proposed to consider national idea as the fundamental element in forming a civil society in Russia. Revealing the essence of such concepts as «national idea», «ideology», «sense of justice», indicates their importance for the development of society and state. However, the carried out analysis of the ideological foundations that existed in different historical periods of the country indicates the current absence of a national idea that could be the basis for building a civil society in Russia. In this regard, it is proposed to carry out the construction of the civil society in such a way that would take into account the mentality of the Russian people, its original Russian legal consciousness. A comparative analysis of the Russian legal consciousness with the Western and Eastern ones has revealed the special features of legal mentality in Russia, which were determined by the country's geographic location that led to the adoption of social values of both the West and the East. The authors have come to the conclusion that it is necessary to formulate such a national idea that would be a foundation for the process of forming a civil society in Russia.

Key words: national idea, ideology, legal consciousness, civil society, national identity, history, mentality.

For citation: Kazakov A. A., Sukhacheva K. A. National idea as the basis for formation of civil society in Russia // Pacific RIM. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 99–108. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/99-108>.

Идея как форма постижения в мысли бытия, содержащая в себе сознание цели и практического преобразования мира, играет большую роль в жизни человека и всего общества, потому что без неё невозможен процесс мышления индивида, а также воплощение результатов его умственной работы на практике. Так, идеи являются побудительными мотивами действий человека, поэтому идеология, представляющая собой совокупность идей, мнений, взглядов, выступает в роли той силы, которая способна определить направленность деятельности социума, а как следствие – и вектор развития самого общества. Ещё в XVIII в. французский мыслитель Дестю де Траси дал определение «идеологии» как науки о всеобщих законах образования идей [1, с. 148]. Однако данное изначальное определение понятия «идеологии» как науки приобрело утопическую и схоластическую направленность. В настоящее время под идеологией понимается объединённая в систему совокупность идей, представлений и взглядов, которая отражает интересы различных социальных классов, групп и их отношение к действительности. В данном понимании идеология выступает в качестве своеобразной морально-нравственной основы развития общества, которая способна оказывать влияние на формирование у индивида духовно-нравственной системы ценностей, в рамках которой он и реализует свою деятельность, направленную на достижение той или иной цели. Как отмечает Р. Першиц, «казалось бы столь эфемерная вещь, как идеология, не должна влиять на ментальность, однако на самом деле это не так...» [2, с. 47]. Идеология выполняет ряд таких социально-значимых функций, как познавательная, оценочная, интегративная и ряд других.

Одной из немаловажных функций идеологии является сохранение национальной идентичности при перемене исторических обстоятельств. Учёный О. Арин говорил: «Идеология возникает в момент превращения народа в нацию, т. е. как раз в тот момент, когда возникает потребность в идентификации себя среди других, т. е. осознания себя как некой целостности, отличающейся от других целостностей» [3, с. 93]. Идеология в поддержании духовно-исторического единства нации опирается на национальную идею как на идеологический стержень, обеспечивающий преемственность национальной истории.

Национальная идея – это систематизированное обобщение национального самосознания. Философ В. Соловьёв дал следующее определение данному понятию: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [4, с. 187]. Так, национальная идея определяет смысл су-

ществования того или иного народа, этноса или нации, поэтому так важен вопрос о наличии национальной идеи как основы формирования гражданского общества, в том числе и в России. При этом необходимо учитывать идеологические составляющие, которые оказали доминирующее влияние на развитие российского общества, а также особенности исторического развития России и становления в нашей стране институтов гражданского общества.

Анализ идеологических основ современного российского общества в контексте всего исторического пути нашей страны указывает на изменение идеологии в зависимости от государственного строя, существующего в тот или иной исторический период нашего государства. Российская идеология формировалась на протяжении многих лет, и направление её развития определила теологическая и политическая концепция «Москва – третий Рим», сформировавшаяся в первой половине XVI в. Автором данной теории является монах Псковского Елеазарова монастыря Филофей, который утверждал в своих посланиях 1523–1524 гг. дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину и великому князю Московскому Василию III следующее: «Москва – третий Рим, четвертому не быти», что означает преемственность Москвы в роли хранителя и опоры христианской веры на земле. Данная идея в той или иной мере повлияла на формирование в XIX веке в Российской Империи идеологии, сформулированной министром народного просвещения в правительстве императора Николая I графом Сергеем Семёновичем Уваровым в виде единства трех элементов: «Православие – Самодержавие – Народность». Данный тезис означает единство духовного, политического и национального начал в жизни России. В начале XX в. идеологическая триада, выраженная в форме «Православие – Самодержавие – Народность» перестаёт быть актуальной, потому что происходит трансформация правосознания народа и формирование новой национальной идеи, что связано с системной ломкой старых идеологических построений и заменой их новыми в результате Октябрьской революции 1917 г.

Новая идеология, определённая в советский период, имела схожее содержание с идеологической основой XIX в., но обладала другой понятийной формой, потому что православие заменилось на идею построения коммунизма, самодержавие сменилось диктатурой пролетариата, а народность выразилась в формуле: «Народ и партия едины», которая стала политическим лозунгом. Новый идеологический слом происходит в период «перестройки» СССР с 1985 г. по 1991 г., в процессе которого был запущен механизм демократизации советского общества. Однако проведение данной политики проходило путём слепого копирования образцов западной демократии, что в результате привело к отсутствию в настоящее время национальной идеи, которая бы смогла быть основой для построения гражданского общества в России.

Становление гражданского общества в России является длительным и сложным процессом. Первые зачатки институтов гражданского общества можно наблю-

дать во второй половине XIX в. в период реализации Александром II своих реформ. Следующий период в развитии институтов гражданского общества приходится на начало XX в., где уже присутствовали некоторые его элементы, главной целью которых было создание в государстве общественно-идейной атмосферы, которая принуждала бы власть к воплощению реформ в жизнь [5, с. 126]. Однако после прихода к власти партии большевиков различные организации, относительно независимые от государства, утратили своё значение, так как находились под строгим идеологическим и политическим партийно-государственным контролем. Позже, только в 80-е гг. XX в., вновь начинают формироваться предпосылки к зарождению гражданского общества в России. Качественно новый период создания институтов гражданского общества начинается только после распада СССР в 1991 г. За несколько лет реформирования в нашей стране возникли многочисленные политические партии, народные фронты, организации, объединения и т. д. Однако до сих пор нельзя утверждать о становлении гражданского общества в России.

Подобное положение дел, на наш взгляд, связано с нежеланием политической элиты осознанно, целенаправленно, на основе глубокого научного анализа реформировать социальную систему России. Стремление к построению демократических институтов гражданского общества ограничивается провозглашением лозунгов и копированием таковых с образцов западной демократии. Современное состояние политической культуры России не даёт оснований отнести её к числу демократических, потому что государство неизменно занимает в общественной жизни россиянина доминирующее положение. Как отмечает в своей работе Е. Ясинин: «Если в России, как и в большинстве других стран, действует эволюционная парадигма – закономерность развития культуры от простого к сложному, которая в мире до сих пор работает безотказно, для нас демократия только начинается» [6, с. 153].

Действительно, в настоящее время Россия находится на этапе формирования первоосновы демократической политической системы, институтов гражданского общества, где остро встает вопрос о выборе путей осуществления данного правового явления. Данную проблему возможно решить посредством определения такой формы построения гражданского общества, при которой бы учитывалась ментальность русского народа, сложившаяся на протяжении многих сотен лет на основе традиций и обычаев, формировавшихся под влиянием как западной, так и восточной цивилизаций, что привело к сложению абсолютно самобытного, чисто российского правосознания, которое и выступает связующим звеном между властью и гражданским обществом.

Для выявления характерных особенностей российского правосознания необходимо раскрыть понятие правосознания. Правосознание можно определить как объективно существующий набор взаимосвязанных идей, эмоций, выражающих отношение общества, групп, индивидов к праву, его системе, закону, работе право-

охранительных органов и т. д. В работе И. А. Ильина «О сущности правосознания» отмечается: «Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить – значит для человека жить правосознанием, в его функции и в терминах: ибо оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни» [7, с. 19]. Из данного понимания правосознания следует, что правосознание выступает в роли специфической формы сознания. Таким образом, правосознание – это отражение правовой действительности, её познание и отношение к ней.

Российское правосознание имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой правового менталитета в России, который предопределён географическим положением страны, способствующим принятию социальных ценностей и Запада, и Востока. Для обществ и государств Запада преобладающей является культура, которой присущи следующие общие черты: индивидуализм; примат личности перед государством; отделение власти от собственности; отношение к государству как инструменту реализации интересов гражданского общества; признание политического и идеологического плюрализма в качестве нормы политической жизни.

Для обществ Востока характерны следующие общие черты: признание Божественного происхождения власти; приоритет государства над личностью; слабо выраженная ценность прав и свобод личности; значительная роль древнейших традиционных форм правления и др. Россия, не относясь ни к западной, ни к восточной цивилизации, воспринимает черты как западной, так и восточной культуры. Однако в данной преемственности Россия усваивает правовые и культурные ценности, учитывая собственные интересы и традиции. Российское правосознание складывается на основе всего исторического, духовного и культурного опыта русского народа, благодаря чему оно и имеет определённые отличительные черты.

Так, характерной чертой российского правосознания выступает высокий уровень правовой моральности. Российскому правосознанию свойственна форма морального осознания права, то есть признание духовного, идейного, нравственного начала права, которое воплощает в себе правду, справедливость, свободу и т. д. Как отмечал П. И. Новгородцев: «Не раскол между правом, с одной стороны, и нравственностью, с другой, как-то провозгласила новая философия права, а новая непосредственная связанность права и нравственности, и подчинение их более высокому религиозному закону образует норму социальной жизни» [8, с. 184].

В России право понимается как правда, справедливость, т. е. для человека ведения совести и выступают законом, который является правовой формой нравственности. Право воспринимается как общественное явление, необходимое для установления в обществе справедливости и формального равенства. Основы такого понимания права были отмечены ещё в XI веке. Митрополит Иларион в своей работе «Слово о законе и благодати» не отождествляет «закон» и «истину», закон

лишь подготавливает к принятию истины: «Истина воспринимается человечеством благодаря Закону, а не вопреки ему, ибо и Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы нарушить закон, а, напротив, исполнить его» [9, с. 21]. Если же закон не соответствует нормам морали, он может не восприниматься людьми. Тогда это может привести к тому, что «противопоставление разума и чувств при известных условиях неизбежно оборачивается противопоставлением машиноподобной бюрократической упорядоченности стихиями народной жизни» [10, с. 4]. Российскому правосознанию присуще моральное определение права.

Другой отличительной чертой российского правосознания является общинность. Формирующийся в России принцип коллективного ведения хозяйства устанавливал общность интересов членов общины. В России на протяжении многих лет община играла большую роль в формировании социально-бытового уклада жизни русского народа. Община распределяла земельные наделы среди своих членов, решала вопросы, касающиеся обложения податями и их уравнительным перераспределением. Также община разрешала судебные споры, расследовала преступления и устанавливала наказание за них. В результате этого в России право, которое отстаивало интересы всего коллектива, народа, государства в целом, имело особую ценность, нежели право, защищающее интересы отдельного человека.

Ещё одной отличительной чертой российского правосознания является слияние власти и права. Воздействие российского государства на развитие права способствовало установлению у русского народа легистского правопонимания, исходящего от отождествления власти и права. Право воспринимается как приказ, принудительные установления и предписания государства. Властная трактовка права, которая характерна для российского правосознания, заключается и в том, что правовая сила закона состоит только в том, что он является приказанием суверена. В российском правосознании закон не отграничивается от государства.

Таким образом, российское правосознание самобытно, оно определяется наследием вековых традиций русского народа и выражается в его нравственно-религиозном восприятии права, принятии властной природы закона и общности сознания, поэтому так важно учитывать данные особенности российского правосознания при построении гражданского общества в России, а не слепо опираться на западную модель формирования основ демократического государства, потому что западное правосознание значительно отличается от российского.

Своеобразие западного правосознания определяется правовым менталитетом людей, проживающих в странах Запада. Для западного правового менталитета характерно признание исключительной ценности позитивного права как социального института. Закон воспринимается как то, что должно быть превыше всего, т. е. признается верховенство права. Концепция верховенства права известна ещё с давних времён, когда древнегреческий философ Аристотель писал: «Править должен за-

кон». Отсюда вытекает характерная особенность западного правосознания, которая выражается в разграничении закона и нравственности. Право стоит выше моральных ценностей и требует, чтобы различные правовые явления были подчинены защите справедливости, свободы и естественных прав человека, т. е. закон формирует этику поведения человека, а не мораль определяет право. Также следует отметить, что неотъемлемой частью современного западного правосознания являются либеральные идеи, которые провозглашают незыблемость прав и личных свобод человека. Эта характерная особенность, возможно, обусловливается многовековым существованием в странах Запада рабства, которое приводило человека в абсолютно бесправное и зависимое состояние. После отмены рабства идея признания неотъемлемости прав и свобод человека твёрдо укрепляется в западном правосознании. Ещё одной характерной чертой западного правосознания выступает развитое гражданское самосознание, которое выражается в осознании индивида себя как гражданина, своих прав и обязанностей. Гражданское самосознание определяет включённость человека в правовую действительность, активность взаимодействия с различными правовыми явлениями. Таким образом, для западного правосознания характерен принцип верховенства права, гражданственности как основополагающий элемент развитого гражданского самосознания, а также ему присущи черты индивидуализма, который обращается к индивидуальной свободе, главенствующему значению личности.

Из приведённого анализа характерных особенностей российского и западного правосознания следует, что для российского правосознания характерно определение права моралью, отождествление власти и права, коллективизм, а для западного правосознания – формальное установление права, верховенство закона и индивидуализм.

Данные отличия указывают на то, что российская и западная правовые традиции имеют разные цивилизационно-ценностные основания, что находит отражение в формировании принципиально различных культурных идентичностей этих цивилизаций. Вследствие этого формирование гражданского общества в России возможно путём сложного процесса трансформации демократической модели Запада под условия российской действительности. Кроме того, для построения гражданского общества необходима и формулировка национальной идеи, которая и является основным побудительным мотивом деятельности человека. Ведь, разрушив старую, коммунистическую идеологию, к сожалению, пока никто не может предложить новой национальной идеи, которая послужит ядром для консолидации российского общества.

Необходимо сформировать такую национальную идею, которая бы с учётом особенностей исторического развития нашей страны послужила основой формирования гражданского общества в России. При этом необходимо не допустить признание глобальных ценностей западной цивилизации универсальными и в силу это-

го их приоритет над ценностями национального порядка, так как это может повлечь за собой негативные последствия и, в частности, отказ от собственной национальной идентичности.

Список источников

1. Иванова А. С. Начала «Идеологии». Антуан Дестю де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 146–148.
2. Першиц Р. Я. Анатомия ментальности: человек и общество. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2003. 143 с.
3. Арин О. А. Россия в стратегическом капкане. Москва : Флинта, 2003. 350 с.
4. Маслин М. А. «Велико незнание России» // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. Москва : Республика, 1992. С. 3–17.
5. Гражданское общество: истоки и современность / И. И. Кальная [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург, 2006. 490 с.
6. Ясин Е. Г. Приживётся ли демократия в России? Москва : Новое издательство, 2006. 381 с.
7. Ильин И. А. О сущности правосознания. Москва, 1993. 234 с.
8. Новгородцев П. И. Сочинения. Москва, 2003. 448 с.
9. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Повести Древней Руси / под ред. О. В. Творогова. Санкт-Петербург, 2001. С. 21–31.
10. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. Москва : Логос, 1998. 389 с.

Информация об авторах

А. А. Казаков – доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент, Барнаульский юридический институт МВД России, Россия, Барнаул.

К. А. Сухачева – курсант Барнаульского юридического института МВД России, Барнаульский юридический институт МВД России, Россия, Барнаул.

References

1. Ivanova A. S. Beginning of "Ideology". Antoine Destu de Tracy and his science of ideas. *Problems of Philosophy*, 2013, no. 8, pp. 146–148. (In Russian).
2. Pershits R. Ya. *Anatomy of mentality: man and society*. St. Petersburg: Symposium, 2003. 143 p. (In Russian).
3. Arin O. A. *Russia in a strategic trap*. Moscow: Flinta Publ., 2003. 350 p. (In Russian).

4. Maslin M. A. "Ignorance of Russia is great". In: Maslin M. A. (comp. and ed. intro. art.). *Russian idea*. Moscow: Respublika Publ., 1992, pp. 3–17. (In Russian).
5. Kalnaya I. I. et al. *Civil society: origins and modernity*. 3rd ed., revised. and additional. St. Petersburg, 2006. 490 p. (In Russian).
6. Yasin E. G. *Will democracy take root in Russia?* Moscow: New publishing house, 2006. 381 p. (In Russian).
7. Ilyin I. A. *On the essence of legal consciousness*. Moscow, 1993. 234 p. (In Russian).
8. Novgorodtsev P. I. *Works*. Moscow, 2003. 448 p. (In Russian).
9. Word about the Law and Grace of Metropolitan Hilarion. In: Tvorogov O. V. (ed.). *Tale of Ancient Russia*. St. Petersburg, 2001, pp. 21–31.
10. Panarin A. S. *Revenge of history: the Russian strategic initiative in the XXI century*. Moscow: Logos Publ., 1998. 389 p. (In Russian).

Information about the authors

A. A. Kazakov – Assistant Professor of the Department of History and Philosophy of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Historical Science, Associate Professor, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Barnaul.

K. A. Sukhacheva – Cadet of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Barnaul.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 109–134.

Научная статья

УДК 352/354:004

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/109-134>

«ЦИФРОВОЙ ТРАНЗИТ» ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОБЩИЕ И ЭЛИТАРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

**Александр Павлович Кочетков¹, Алексей Юрьевич Мамычев²,
Андрей Юрьевич Мордовцев³**

^{1, 2} Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, 24к7

³ Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, 344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

¹ apkoch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-0526>

² mamychev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-7967>

³ aum.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4755-9947>

Аннотация. В предлагаемой научной статье рассматриваются и содержательно анализируются процессы цифровой трансформации публично-властных отношений. При этом данные процессы анализируются в качестве многоуровневой модели, включающей: инструментальное и институционально-нормативное, уровень цифровых кодов и алгоритмических решений, выступающих основополагающим каркасом, на котором осуществляется машинное обучение, реализуется внедрение цифровых технологий в общественно-политическую жизнедеятельность. В рамках последних выделяются и исследуются основные траектории развития политического процесса и публично-властных отношений, а также ключевые модели и акторы. Кроме того, в работе анализируется ключевой тренд трансформации общественно-политической организации и властных отношений – формирование цифровых властных элит. Авторы доказывают, что с наступлением цифровой эпохи появился запрос на смену правящей элиты, которая бы соответствовала требованиям нового времени, стала бы драйвером цифровых преобразований.

Ключевые слова: государство, власть, виртуальная коммуникация, модели ориентированного машинного обучения, политический процесс, политическая система, ценностно-нормативная система, цифровая элита, цифровизация, роботизация.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21–011–31175 «Цифровизация властной коммуникации и политических отношений в современной России: основные траектории, акторы и модели».

Для цитирования: Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/109-134>.

Original article

"DIGITAL TRANSIT" OF PUBLIC-POWER RELATIONS: GENERAL AND ELITE CHARACTERISTICS

**Alexander Pavlovich Kochetkov¹, Alexey Yurievich Mamych²,
Andrey Yurievich Mordovtsev³**

^{1, 2} Lomonosov Moscow State University, 119991, Russia, Moscow,
Lomonosovskiy Prospekt, 24k7

³ Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov Branch of the Russian State University of Justice, 344038, Russia, Rostov-on-Don, Lenin. Ave., 66

¹ apkoch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-0526>

² mamych@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-7967>

³ aum.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4755-9947>

Abstract. The proposed scientific article examines and meaningfully analyzes the processes of digital transformation of public-power relations. At the same time, these processes are analyzed as a multi-level model, including: the instrumental and institutional-normative, the level of digital codes and algorithmic solutions, acting as the fundamental framework on which machine learning is carried out, the introduction of digital technologies into socio-political life. Within the framework of the latter, the main trajectories of the development of the political process and public-power relations, as well as the key models and actors are identified and investigated. In addition, the paper analyzes the key trend of transformation of socio-political organization and power relations – the formation of digital power elites. The authors prove that with the advent of the digital age, there was a request for a change of the ruling elite, which would meet the requirements of the new times and become a driver of digital transformations.

Keywords: state, government, virtual communication, models of oriented machine learning, political process, political system, value-normative system, digital elite, digitalization, robotization.

Finansical Support. The research was carried out with the financial support of the RFBR and EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-31175 "Digitalization of power communication and political relations in modern Russia: main trajectories, actors and models".

For citation: Kochetkov A. P., Mamychyev A. Yu., Mordovtsev A. Yu. "Digital transit" of public-power relations: general and elite characteristics // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 109–134. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/109-134>.

«О дивный новый мир»: вместо введения

Проблематика цифровизации в настоящее время является приоритетной как в качестве основного тренда развития современной общественно-политической организации и её инновационно-технологического «обновления», так и в качестве модного и популярного большого нарратива массового и профессионального социально-политического сознания. И в первом, и во втором случаях ежедневно производится целое многообразие мифов, научных метафор, образов и фантастических сюжетов. Авторитет в этой сфере и главный идеолог цифровой трансформации общества, политики и экономики Клаус Шваб открыто заявляет, что мы вошли безвозвратно в принципиально новую эпоху общественно-политического и социально-экономического развития, которая радикально изменит всё [1]. Действительно, «мир преобразуется на наших глазах. Новые технологии меняют жизнь, убеждения и ценности» [2, с. 10]. Запущенные процессы (сам К. Шваб их называет «*принудительной промышленной революцией*») [2, с. 13–14] ведут к совершенно новой форме человеческой организации. Следуя этой мысли, можно сказать, что цифровизация запустила процессы, схожие с «неолитической революцией», которая привела к смене форм социальной и экономической организации (переход от кочевого образа жизни к оседлому, от присевающей экономики к производящей, к появлению первых политических сообществ и т. д. [3]). Сегодня мы переживаем нечто схожее, и, как нас убеждает Дж. Урри, это будущее уже здесь, хоть и распределено оно неравномерно в разных сферах жизнедеятельности общества [4].

Но меняются не только формы организации и модели взаимодействия, меняется сам человек, или более корректно – трансформируется классический «человеческий стандарт узнаваемости», поскольку, как нас убеждают современные учения «пост» и «транс» (постгуманизм, постмодернизм, тансгуманизми т. д. [5]), человек – это всего лишь конкретно-историческая «нормативная конвенция» или временной

«обобщённый стандарт» [6, с. 53]. Сегодня обсуждаемые изменения формируют новый временной стандарт и новую ценностно-нормативную конвенцию общественно-политической организации, в которой «сливается человеческое сознание с электронной сетью», и мы с полным правом можем заявить, что таким новым стандартом выступают «киборги». Именно они «являются господствующей социокультурной формой, целиком включенной в социальное производство, что влечёт массу экономических и политических следствий. Витрувианский человек стал кибернетическим» [6, с. 174].

Работа посвящена содержательному анализу данных процессов цифровизации и синтезу радикальных изменений, а именно выделению ключевых (доминирующих) траекторий развития политического процесса и публично-властных отношений в эпоху *цифрового транзита общественно-политической организации общества*.

Кроме того, ещё одной исследовательской задачей настоящей научной статьи является комплексное, многофакторное и междисциплинарное рассмотрение процессов (множественное число ориентирует как раз на многофакторность и многоуровневость феномена цифровизации) цифрового транзита публично-властных отношений и более широкого явления – цифровизации общественно-политической организации.

I. Оптика «цифрового транзита»: идейно-концептуальные и теоретико-методологические рамки исследования

Вначале следует сделать одно небольшое теоретическое пояснение: использование формулировки «цифровой транзит» вместе с понятием «цифровизация» – неслучайно, поскольку это делается для противопоставления процессов изменений и разворачивающихся новых явлений. Так, если обратиться к научно-исследовательской и научно-популярной литературе, различным аналитическим отчётам, а также доктринально-программным актам, разнообразным международным и внутринациональным правовым документам, то можно резюмировать, что в подавляющем своём большинстве концепт «цифровизация» содержательно поясняется как процесс перехода от одного качественного состояния общественно-политической организации к принципиально иному, который разворачивается в довольно длительной временной перспективе, в ходе которой происходит сочетание, а затем смешиваются и конвертируются старые и новые формы, способы и технологии. При этом в институциональной организации возникают эффекты «параллельного действия», т. е. действия новых и старых институциональных оснований общественной системы, а также эффекты институциональных искажений, т. е. под воздействием новых условий развития традиционные институты либо перестают адекватно реализовывать свои функции, либо трансформируются их структурно-

функциональные характеристики. В этом дискурсе феномен «цифровизации» интерпретируется в качестве новой теории транзитивности, т. е. в аспекте относительно нового теоретико-аналитического инструментария, позволяющего описать переходный характер современной общественно-политической организации, временность и специфичность данного процесса, ведущего к совершенно новому качественному состоянию общества, политики, права, экономики, культуры (digital society, digital politics, digital law, digital economy, digital culture).

Такая трактовка, с нашей точки зрения, весьма сужает феномен цифровизации. Поэтому «цифровой транзит» и «цифровизация» в рамках настоящей статьи аналитически разводятся. Конечно, это различие достаточно условно, но важно в теоретико-методологическом плане для нашего исследования, поскольку феномен «цифровизации» рассматривается ниже и как процесс, и как явление современной общественно-политической действительности.

Итак, интенсивное развитие цифровых технологий и, прежде всего, инновационных средств публично-властной виртуальной коммуникации существенно расширило и усложнило общественно-политическое пространство. Уже отчётливо можно проследить количественные и качественные изменения в системе и иерархии властных отношений:

- *во-первых*, появляются инновационные формы и новые модели властного взаимодействия в системе личность – общество – государство (цифровое правительство, виртуальные чиновники, государственные сервисные платформы и т. д.);

- *во-вторых*, возникают принципиально новые акторы (онлайн сообщества, гибридные политические субъективности – виртуальные аватары, цифровые копии, виртуальные агенты и проч.) и актанты (автоматизированные цифровые алгоритмы, системы искусственного интеллекта, самообучающиеся нейронные сети, алгоритмические экспертные системы и т. п.);

- *в-третьих*, кардинально меняются структура и характер политического процесса, а также формы социально-политической мобилизации и идентификации, возникают новые формы политического управления, техники «мягкого» цифрового давления и таргетированного манипулирования;

- *в-четвёртых*, трансформируется ценностно-нормативная иерархия общества, а потребности цифровых систем и требования их развития становятся важнейшими элементами современной повестки дня и стратегических доктрин общественного развития и т. д.

Однако и сам процесс цифровизации многогранен, интенсивность его проявления в разных сферах общественно-политической жизнедеятельности неоднородна. В целом сам феномен цифровизации имеет многоуровневый и неоднозначный характер, тем не менее от того, как мы понимаем данный процесс, как мы его со-держательно интерпретируем, во многом зависит моделирование трансформации

общественно-политической организации, а также прогнозирование изменений в структуре и характере властных отношений в обществе.

В этом аспекте мы исходим из того, что любые формы и сценарии «предвосхищения будущего оказывают *большое влияние на природу любого общества*, особенно в вопросах структуры и течения властных отношений», поскольку ключевой ресурс власти, особенно в современную эпоху, это «способность определять, как именно будет выглядеть будущее, выбирая из множества возможных вариантов» [4, с. 33].

Цифровые технологии открывают и целое ранее «не видимое» (не учитываемое в силу отсутствия необходимых цифровых инструментов, мощностей и программных комплексов) пространство эмпирических данных, которые пользователи виртуального (цифрового) пространства порождают ежесекундно в огромном количестве. Поэтому с интенсивным «развитием сетевых коммуникаций политологи получили в своё распоряжение огромный объём качественно новых эмпирических данных об индивидуальном поведении людей. Принципиальным преимуществом таких данных является то, что они возникают в ходе естественного поведения (в отличие от опросных или экспертных техник)» [7, с. 15].

Само понятие данных и инструменты их сбора и обработки существенно расширились – фотографии, поисковые запросы, клики сетевых страниц, время просмотра контента, биометрические данные и т. д. становятся важнейшими эмпирическим материалом для формирования агентно и объектно-ориентированных моделей и прогнозов [8; 9]. Всё это ведет к эпохе системных и качественных изменений в прогнозировании, моделировании и реконструкции ключевых трендов развёртывания разнообразных процессов и практик [10; 11].

Важно понимать, что «цифрование – не только процесс шифровки содержания, но и обозначение ранга, степени, уровня, т. е. иерархии структуры. И если исчисление предполагает выявление реальных отношений и сущностей, скрытых в природе, и только затем установление их числового аналога, то цифрование уверенно идёт по пути наложения собственного количественного порядка на качественную реальность существующих отношений и связей» [12, с. 5]. Следовательно, сам процесс цифровизации кардинально изменяет структуру властных отношений, характер и арсенал форм и способов реализации властно-управленческой деятельности.

Возникают новые режимы осуществления власти, например, такие, как «проекционный режим», позволяющий транслировать властное господство и принуждение на достаточно большие расстояния, вне суверенной юрисдикции государства или конкретного властного института [13]; или режимы «политической виртуализации», «аватаризации», «гибридизации» (социально-технологические ресурсы современной власти), «интерфейсизации» и др. [14; 15].

Тотальный характер цифровизации очевидным образом ведёт и к фундаментальным изменениям во властных отношениях и в целом в общественно-политической организации¹. Конечно, тотальность цифровых технологий не во всех сферах сегодня ощущается одинаково. В каких-то сферах мы наблюдаем полную перестройку всей социальной жизнедеятельности под «цифровой лад», в других это воздействие ещё мало ощутимо, но «сквозной» и «текущий» характер данных технологий позволяет говорить о мобильном переносе цифровых форм и сервисов из одной сферы в другую.

Следует также обратить внимание на постепенное «переустройство» публичного дискурса, особенно в лингвистических и смысловых формах легитимации тех или иных властно-управленческих решений. Так, если раньше конкретная инновация, например, в избирательных технологиях, легитимировалась через апелляцию к идейно-концептуальным основаниям демократического режима, т. е. как адекватное институциональное воплощение демократической идеи, то в современной политической риторике достаточно часто то или иное решение обосновывается удобством пользователей, интерактивностью, продвинутой и другим арсеналом из социально-технического словаря. Например, «электронное голосование – это удобный и адекватный времени цифровой сервис» или «электронное голосование на выборах – такая же удобная модель коммуникации современного человека, как и использование других дистанционных услуг и сервисов» [21].

Теоретической основой исследования также является сочетание междисциплинарного подхода к анализу политического процесса и акторно-сетевой теории. Политико-правовой подход необходим для нормативного и ценностного анализа существующих формальных публично-властных институтов. Его использование позволит исследовать актуальное законодательство стран, использующих цифровые формы во властно-управленческой деятельности, а также выявить общемировые тенденции. Акторно-сетевая теория открывает возможности для выявления влияния технологических изменений на направленность и характер развития политических отношений [22; 23]. В частности, речь идёт об усилении тенденций «цифрового неравенства», отсутствия возможности использовать цифровые технологии в равной степени людьми с ограниченными возможностями здоровья и т. д., или кардинальное изменение режимов при применении традиционных культурных форм и цифровых технологий.

¹ Заметим здесь, что понятие «тотальный» (всепроникающий, всеохватывающий, всеобъемлющий) используется не случайно, а призвано *акцентировать внимание* на направленности наиболее полного и всеохватного внедрения цифровых технологий в публично-властное взаимодействие, а также на всепроницающем или сквозном характере данных технологий, перестраивающих практически все общественные взаимодействия в духовной [16], политической [17], правовой [18], экономической [19], культурной [20] и другой жизнедеятельности общества.

Авторы опираются также на инструментально-политический реализм, что предполагает познание факторов и доминант, влияющих на развитие общества в цифровую эпоху, специфических форм и способов социально-политической коммуникации, что необходимо не только для формирования доктринальных основ опережающего политического моделирования, но и для управления реально существующими социально-технологическими явлениями и процессами. Значимым для настоящего исследования является и методологический принцип, согласно которому люди, вещи, машины, цифровые технологии совместно формируют особые, специфические отношения, в рамках которых складывается, опредмечивается и определяется каждое из них [24].

II. Цифровизация общества и цифровой транзит общественно-политической организации: уровни и направления

В настоящее время ключевым драйвером развития общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизнедеятельности современных обществ выступает цифровизация. Цифровизация является весьма сложным и многоуровневым феноменом современной эпохи, затрагивает практически все сферы институциональной организации и виды социальных практик, трансформирует публичную и частную жизнедеятельность человека, существенно влияя на изменения в мировоззренческих и ценностно-нормативных основаниях общественных систем. В этом комплексном ракурсе цифровизация предстаёт в качестве и целой серии процессов, которые разворачиваются в современной общественно-политической действительности [25], и траекторий развития цифровой трансформации общества [26]. Разнообразие этих процессов и траекторий не только раскрывает комплексный характер воздействия цифровизации на современные общественные системы, но и позволяет представить данный феномен в его антонимичном единстве, а также аналитически смоделировать траектории развития и трансформации общественно-политической организации современных обществ. Выделим наиболее значимые для настоящего исследования процессы.

Ключевые направления цифровой трансформации общественно-политической организации и публично-властных отношений.

1. Сегодня цифровизация рассматривается преимущественно в **инструментальном** аспекте в качестве процесса смены аналоговых технологий на сквозные цифровые инструменты. Процесс вполне «традиционный» для промышленных революций, предполагающий вытеснение новыми технологиями «старых» инструментов, используемых в общественно-политической или социально-экономической жизнедеятельности. Каждая промышленная революция создаёт всё более совершенные и эффективные инструменты производства, коммуникации, сбора и обработки данных, расширяет сенсорные, телесные, умственные и другие способности

и навыки человека. И современный этап не особо отличается по своей направленности от предшествующих, поскольку сориентирован на техническое преобразование человеческих инструментов, где человек «совершенствует свои органы – как моторные, так и сенсорные – или расширяет рамки их деятельности» [27]. Это новый виток изменения человека «не столько биологически, сколько технически» [28, с. 46], совершенствования технологий, улучшающих или функционально замещающих последнего.

2. Другой ракурс описания процессов цифровизации содержательно представлен в контексте *институционально-нормативных* изменений в обществе. Здесь, с одной стороны, происходит формирование, развитие и становление нового институционального каркаса общественно-политического порядка, адекватного уровню развития современных сквозных цифровых технологий и перспективам их дальнейшего совершенствования, с другой – изменения нормативных оснований общественно-политического порядка (правовые, моральные, этические, технические и другие нормы и стандарты), инициированные возникновением новых форм и видов отношений, технологий и сетей коммуникаций, способов властно-управленческого воздействия и т. д.

В первом случае речь идёт как о развитии уже действующих политических доктрин, «обновлённых» с учётом цифровой трансформации публично-властной организации общества, так и оформлении новых идейно-концептуальных и программных оснований политико-правовой и социально-экономической эволюции общественных систем в цифровую эпоху. В качестве примера можно привести ряд наиболее известных политических доктрин: сервисная парадигма, доктрина платформенных решений, цифровой этатизм.

Сервисная парадигма предполагает интенсивное развитие сервисной модели оказания публичных и частных (реализуемые в рамках аутсорсинга, где цифровые форматы всё больше стирают границы различия публичных и частных интеракций) услуг, тотальное внедрение электронных форм публично-властной коммуникации (например, в избирательном процессе, в обращениях граждан, общественном контроле процессов принятия и реализации управленческих решений, презентации и легитимации результатов властно-управленческой деятельности и т. д.).

Сервисная доктрина государственно-правовой организации ориентирована на создание эффективных цифровых платформенных решений с преобладанием интерактивных систем и виртуальных технологий во властно-управленческой деятельности (e-democracy, e-government, e-public services и т. п.). Ключевая траектория развития – это индивидуализация цифровых сервисов, формирование индивидуальных цифровых профилей, субъективно ориентированных электронных услуг, онлайн консультирования и проч. В рамках практики организации и функционирования публично-властных институций также реализуются цифровые формы интер-

активного и транспарентного (прозрачного, открытого) функционирования последних (e-public network, e-public administration и т. п.).

Доктрина платформенных решений, которая воплощается в двух противоположных направлениях, с одной стороны – это так называемый «цифровой корпоративизм», ориентированный на цифровую глобализацию и единую сетевую киберреальность, а с другой – «цифровой этатизм», отстаивающий цифровую суверенность и национально-культурные траектории развития киберсистем.

В первом случае мы видим, что сегодня цифровые платформы становятся новым «институциональным каркасом», который интегрирует различные среды общественно-го взаимодействия (экономическая, политическая, правовая, культурная, духовная и т. д.). Здесь платформенные решения, связанные со сбором, обработкой и использованием данных, выступают ключевыми драйверами социально-экономического и общественно-политического развития¹, а также ключевой технологией структурирования взаимодействий между различными акторами (реальными или виртуальными).

В отличие от сервисной парадигмы цифровизации общественной системы, платформенные решения – это не просто удобная и мобильная площадка для разнообразных интеракций, но, главным образом, искусственная глобальная среда (виртуальная экосистема) со своей ценностно-нормативной системой, символикой, цифровой идентификацией, которая постепенно вытесняет социально-культурную идентификацию личности. Справедливо по этому поводу замечает Нил Срничек, что современные платформенные решения «предлагают вроде бы свободное, пустое пространство для взаимодействия других людей, на самом деле платформы продвигают определённую политику. Правила разработки продукта или услуги, правила взаимодействия на данной площадке – всё это устанавливается собственником платформ» [29, с. 45].

В этом плане каждая из глобальных платформ, представляемая сегодня несколькими ведущими ИТ-корпорациями (Amazon, Google, Apple, Facebook и др.), предлагает и собственный проект будущего развития человечества или, как мы его обозначаем, – «проектируемое будущее» [24]. Последнее выступает в качестве аттрактора (от лат. стягивать, притягивать), служащего не конкретной причиной, вследствие которой наступают те или иные изменения, а некоторой динамичной областью (цифровая платформенная экосистема), стягивающей различные траектории цифрового развития (экономическая, политическая, правовая, транспортная, энергетическая и т. д.), моделирующей определённый «цифровой образ будущего» и конструирующей адекватную этому будущему символическую, ценностно-

¹ Для этого достаточно открыть официальные рейтинги наиболее влиятельных организаций современности, рейтинги капитализации и квартальные отчеты фондовых рынков или статистику финансовых трат на лоббистскую деятельность (с недавнего времени именно ИТ становятся основными субъектами не только экономической, но и политической и правовой деятельности).

нормативную, институциональную основу [24]. Последнее формирует также специфическую оценочную матрицу разворачивающихся в обществе тех или иных событий и процессов, которая опредмечивается во внутренней политике, правилах, требованиях, стандартах той или иной цифровой экосистемы, а также поддерживается различными алгоритмическими решениями и системами спроектированного искусственного интеллекта¹.

Цифровой этатизм, напротив, обосновывает, что процессы цифровизации разворачиваются в рамках определённой национально-культурной среды, а сложные алгоритмические системы, проектируемые в обществе, должны служить целям данной среды, обеспечивать её безопасность и целостность. В данном случае происходит развитие национальных цифровых платформ, использующих информационные сети для мониторинга, предотвращения и противодействия различным рискам, вызовам, угрозам.

В отличие от глобального проекта цифровизации, здесь обосновывается, что формируемые национальные сети должны контролироваться и регулироваться в рамках суверенной юрисдикции конкретного государства, поскольку последнее обеспечивает, с одной стороны, защищённость данных граждан и организаций от их свободного использования, с другой – защиту национально-культурной специфики общества и адекватность развития сквозных цифровых технологий уникальным траекториям развития тех или иных цивилизационных систем. Например, китайский исследователь Чжао Хунжуй по этому поводу отмечает, что «виртуальные сетевые технологии необходимо охранять, направлять и контролировать, и эта охрана будет служить цели защиты сетевой информации на основе закона с принудительным характером... только суверенная принудительная сила может осуществлять обязательную юрисдикцию, и обычные договорные действия, отличные от суверенитета, не могут устанавливать универсальный порядок» [30, с. 36].

В рамках цифрового этатизма акцентируется внимание на процессах, связанных с обеспечением государственной состоятельности (stateness) в контексте цифровых вызовов и угроз. Последнее предполагает не столько внимание к суверенным качествам государственной власти (независимо определить и осуществлять приоритеты и направления внешней и внутренней политики государства), сколько внимание к возможностям и способностям «системного противодействия процессам

¹ Арсенал данных технических решений достаточно широк, представить полное описание последнего в рамках одной статьи невозможно, обратим внимание лишь на самые известные и часто применяемые: алгоритмическое выстраивание определённым образом новостной ленты, поднимая в рейтинге поддерживаемую позицию (например, посредством сгенерированных комментариев, «лайков», сетевых ссылок и проч.), занижение или скрывание освещения событий, противоречащих политике интернет-ресурса; исключение альтернативных версий событий, фактов, свидетельств, комментариев или их размывание фейковыми комментариями; применение ограничения или запрета на доступ к платформе (например, блокировка всех публичных аккаунтов Д. Трампа) и т.д.

проникновения в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества со стороны внешних субъектов геополитического противоборства» [31]. Цифровая безопасность и цифровой суверенитет в этом контексте становятся ключевыми для обеспечения стабильности функционирования разнообразных процессов в обществе (экономических, политических, правовых, культурных и т. д.).

Кроме того, другой аспект связан с трансформацией традиционных доктринальных политико-правовых оснований института государства; прежде всего речь идёт о базовых категориях, описывающих сущность данного института и его отличия от других форм общественной организаций и политических субъектов. Так, сегодня существенно трансформируются такие базовые категории, как «аппарат публичной власти», «территория», «население», «суверенитет», «легитимность», «легальность» и другие. Сквозные цифровые технологии проникают и меняют принципы и режимы реализации публичной власти, изменяют формы и способы публично-властной коммуникации в системе личность – общество – государство, разрушают традиционные и порождают новые форматы общественно-политической идентификации, обеспечения социально-культурной целостности и ценностно-нормативного единства общественной системы и т. д.

В рамках активного и тотального внедрения сквозных цифровых технологий, а также в контексте формирования глобальной цифровой реальности ещё одним важным аспектом в трансформации властно-управленческой деятельности выступает возрастающая роль внеправовой деятельности государства. Появление новых социальных интеракций, форм взаимодействия и способов властной коммуникации существенно расширяет область отношений, не урегулированных правом.

Более того, возникновение нестандартных ситуаций, экстраординарных событий вынуждает властно-управленческую элиту реагировать на вызовы цифровизации или иные угрозы (например, глобальная пандемия) в кратчайшие сроки, мобильно принимая решения и реализуя деятельность, прямо не регламентированную действующими нормативно-правовыми актами. Конечно, последние могут в последующем получить законодательную фиксацию, тем не менее, объём и интенсивность развития внеправовых форм активности публично-властных органов в современной политической реальности инициирует целый спектр рисков и угроз.

Здесь важно подчеркнуть, что последние формы властно-управленческой деятельности не следует трактовать в качестве противоправных, нарушающих действующий правовой порядок в целом, напротив, внеправовые имеют позитивный эффект, поскольку ориентированы на решения кризисной ситуации, в рамках правового пространства, в целях обеспечения его стабильного и устойчивого функционирования. Однако их распространение может в стратегической перспективе вести к негативным эффектам, к развитию теневых и неправовых практик.

В этом плане всё больше специалистов и экспертов обращают внимание на необходимость формирования адекватных, современных цифровым реалиям развития общества правовых форм и режимов, совершенствованию юридической техники и опережающего правового моделирования общественных отношений [32; 33]. Последнее особо значимо в аспекте появления глобального киберпространства и виртуальных форм коммуникации. Поэтому сегодня «реальный вопрос заключается не столько в существовании киберпространства или применении принципа суверенитета к киберпространству, сколько в необходимости изучить конкретные способы реализации законодательных технологий и информационного порядка, обеспечивающих суверенитет в киберпространстве» [30, с. 53].

3. Далее можно выделить достаточно специфическое и вместе с тем базовое измерение процессов цифровизации – **цифровые коды и алгоритмические решения**. Специфичность заключается в особом технологическом и математическом дискурсе данного измерения. Базовым последнее является потому, что коды и алгоритмы выступают основополагающим каркасом, на котором осуществляется машинное обучение, реализуется внедрение цифровых технологий в общественную жизнедеятельность, выстраивается взаимодействие в киберпространстве, кодируются параметры и характер виртуальной коммуникации и т. д. Именно цифровые коды, алгоритмические решения, а также методы обработки данных и формируемые на их основе нейронные сети выступают «строительным материалом» новой цифровой реальности общества. В данном измерении процессы цифровизации общественно-политических институтов можно условно разделить на три основных направления: технологическое, конвергационное и трансгуманистическое.

В первом случае процессы цифровизации трактуются как новый этап *технологической эволюции* общества, который ведёт к принципиально новому социальному укладу и режиму функционирования политических, экономических, правовых и других социальных институтов. В основании этого нового уклада лежит особая технологическая рациональность, «без которой не обходилась ни одна техническая революция, [которая] с необходимостью меняла существовавшие ранее когнитивные и институциональные структуры общества... техника предлагала общественному и индивидуальному сознанию собственную логику и свой язык общения» [12, с. 4].

Здесь данные и модели машинного обучения, а не социально-культурные коды и общественно-политические паттерны становятся доминирующими в развитии общественных систем. Именно они – «основной актив и основная смазка для шестерёнок механизма не только экономических моделей, построенных вокруг вертикалей разных сфер промышленности, но и социоэкономических моделей... Если данные – это нефть, то машинное обучение – это очистительный завод больших наборов данных» [34, с. 232].

Второе, *конвергенционное направление* обосновывает поэтапное формирование новой социотехнологической реальности. Здесь отмечается, что в современном обществе уже наблюдаются процессы конвергенции (смещения, сплавления) социально-культурных, технологических и цифровых форм организации и практик взаимодействия. При этом сквозные цифровые технологии (интернет вещей, модели машинного обучения, виртуальная и дополненная реальность) не «вытесняют» и не «замещают» социокультурные образы, представления, символы, устойчивые формы и практики, а, напротив, переплетаются с ними, в результате и первые, и вторые адаптируются и используют ресурсы друг друга.

В качестве яркого примера последнего может служить китайская система социального рейтинга, которая «сплавляет» как прорывные сквозные цифровые технологии, так и традиционные культурные основания общества. Система социального рейтинга – это достаточно узкое определение и понимание созданного в КНР крупномасштабного проекта развития социалистического устройства общества и организации публично-властных отношений, отвечающих новым вызовам и цифровым трендам развития.

В первом, узком случае, как правило, обсуждаются процессы, связанные со сбором данных, онлайн мониторингом различных форм взаимодействия, индивидуального поведения и т. д. На основании полученных данных определяется рейтинг юридических и физических лиц, уровень доверия к ним, степень благонадёжности и т. д. [35]. Важным здесь является то, что параметры и критерии последнего сформированы на основании традиционной ценностно-нормативной системы китайского общества, прежде всего моральных норм и духовных стандартов конфуцианской этики, а также требований «построения социалистического гармоничного общества».

Более широкое понимание данной системы связано с обеспечением социальной целостности в меняющейся реальности, которая обеспечивается на различных уровнях организации:

1) цифровизация социально-экономических отношений, т. е. внедрение технологических достижений в повседневную жизнедеятельность общества (цифровая идентификация, цифровые платежные системы, цифровые логистические и транспортные системы, перевод бизнес-процессов на цифровые платформы и т. д.);

2) цифровая трансформация политической и правовой системы (системы цифрового мониторинга, интерактивной коммуникации, режима транспарентной или цифровой открытости), развитие инновационных форм публичного управления (цифровое правительство и цифровая администрация) и стратегического планирования (технологии больших данных, распределенных реестров, ориентированных моделей машинного обучения) на основе современных технологий;

3) цифровая организация и управление общественной средой («умный дом», «умные города», «умный публичный и частный сервис», «умный транспорт» и т. д.).

Важным в этом реализуемом крупномасштабном проекте является обеспечение: *во-первых*, целостности и устойчивости социальной системы в новых условиях цифровой трансформации общественных систем; *во-вторых*, адаптации процессов интенсивного развития сквозных цифровых технологий к традиционным социально-культурным процессам, что ориентирует технологическое и социально-экономическое «развитие с учётом китайской специфики и требований времени» [36]; *в-третьих*, гармонизации социокультурных и технологических оснований общественной системы, а также обеспечения их безопасности. При всей негативной критике данной системы, которая в основном представлена в англоязычных публикациях и аналитических записках, последняя представляет собой первый крупномасштабный опыт по гармонизации цифровой и социокультурной реальностей общественной жизнедеятельности, конвергенции инновационных и традиционных доминант развития общества.

Третье, *трансгуманистическое направление* рассматривает процессы цифровизации как переходный период к принципиально новой технологической реальности, в рамках которой социокультурные основания общества и сами традиционные общественные системы рассматриваются как исторический реликт, а социально-гуманитарные ценности трактуются в качестве устаревших нормативно-регулятивных оснований, которым нет больше места в цифровую эпоху [37]. Ключевыми доминантами развития становятся потребности и требования технологических систем, именно последние станут основаниями устойчивого развития новой цифровой реальности. Следовательно, «в долгосрочной эволюционной перспективе люди и всё, о чём они когда-то думали, станут всего лишь примитивной переходной формой, предшествующей более глубокому мышлению новой машиноориентированной культуры, простирающейся в отдалённое будущее» [38]. Ключевая из прогнозируемых перспектив развития – это формирование кардинально иной техно-цифровой цивилизации, «когда машины разовьют способность чувствовать, – а они это сделают, – то начнут по-дарвински конкурировать с нами за доступ к ресурсам, выживание и возможность к воспроизводству» [38]. При этом главное противостояние человека и цифро-роботизированных технологий завершается присоединением первого к системе искусственного интеллекта посредством оцифровки его сознания и «вгрузки» в искусственную цифровую среду¹.

¹ Здесь предполагается появление цифровых субъектов и цифровых копий, которые станут новым вызовом для упорядочивания и нормирования системы, что приведёт естественным образом к созданию принципиально новых нормативных систем (наподобие правовой системы в традиционной общественной организации). Например, Джордж Чёрч, специалист в генетике Гарвардской школы медицины, по этому поводу отмечает, что «если я скопирую свой мозг (или тело), получит ли он право голосовать или его следует считать дубликатом? Примем к сведению, что даже точные дубликаты личности с первых секунд существования начинают отличаться от оригинала, а кроме того, копия может содержать преднамеренно внесённые несоответствия» [38].

III. Цифровой транзит и цифровые элиты

Кроме того, ключевой проблематикой в рамках цифровизация властных отношений выступают процессы *формирования цифровой элиты*. С наступлением цифровой эпохи появился запрос на смену правящей элиты, которая бы соответствовала требованиям нового времени, стала бы драйвером цифровых преобразований. Поэтому формирование цифровой элиты является закономерным этапом, отвечающим современным условиям развития мировой цивилизации. Цифровое общество – это технократическое общество, в котором наиболее важным становятся не только собственность, деньги, но и обладание технологиями, умение их создавать, осуществлять с их помощью контроль за развитием экономики и общества.

В цифровом обществе чрезвычайно возрастает роль субъекта передачи и контроля информации, что даёт этому субъекту, по существу, огромную власть в мировом социуме и объективно способствует формированию новой правящей элиты. Это – цифровая элита, т. е. социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом сообществе, обладающая креативными способностями, контролирующая информационные потоки и банки данных, которая может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях.

Как соотносится цифровая элита с иными видами элит? Во-первых, она не будет носить региональный характер. Её влияние будет распространяться как минимум на национальный уровень, но во многом станет носить транснациональный характер. Во-вторых, современная транснациональная элита, которая стоит во главе транснациональных бизнес-сообществ и стремится создать наднациональные структуры экономической и политической власти, постепенно переходит на новые цифровые формы и методы управления, т. е. становится цифровой элитой.

По мнению некоторых исследователей, одной из наиболее важных составляющих в цифровом обществе станет умение генерировать новые цифровые технологии, что создаст условия для расширения правящей элиты за счёт включения в её состав тех, у кого есть креативные способности создания новых технологий. Такие новые представители правящей элиты, как эксперты и менеджеры, получают более широкие возможности участия в государственном управлении [39].

Концепция возрастания роли управляющего менеджмента в экономике и государственном управлении появилась еще в 40-х гг. прошлого века. Впервые её сформулировал Джеймс Бэрнхем в 1941 г. в своей книге «Управленческая революция. Что происходит в мире» [40]. Его основная мысль заключалась в том, что капитализм постепенно трансформируется в менеджериальный строй, реальная власть в котором в экономике и политике сосредоточится в руках управленцев предприятий, а не их юридических собственников. Конечно, в цифровом обществе значение креативных работников, создающих новые технологии, значительно воз-

растает. В последние десятилетия в IT корпорациях появились такие фигуры, претендующие на то, чтобы их называть цифровыми элитами, как Эрик Шмидт, топ-менеджер Google, Джон Томпсон, топ-менеджер Microsoft, Аркадий Волож, один из основателей Yandex, и другие. Но они не являются основными владельцами своих компаний и не принимают главные решения по важнейшим вопросам их деятельности, а значит, не оказывают определяющее влияние на управление социально-экономическими процессами. Эти функции остаются у основных владельцев СМК, которые могут считаться или не считаться с мнением любого креативного эксперта, а при необходимости применять различные рычаги воздействия на него, даже могут его заменить.

Поэтому, на наш взгляд, под дефиницией «цифровые элиты» необходимо понимать прежде всего владельцев транснациональных IT компаний, которые господствуют на мировом IT пространстве и стремятся на основе новейших цифровых технологий создать систему глобального управления. Отдельные представители креативных топ-менеджеров крупнейших мировых IT корпораций могут войти в состав формирующейся цифровой элиты. Однако её основу составят, прежде всего, хозяева этих корпораций. Кто эти люди? Это Ларри Пэйж, основатель Google, личное состояние которого составляет около 50 млрд долларов; Марк Цукерберг, основатель Facebook, состояние которого оценивалось в 62,3 млрд долларов; Ларри Эллисон, основатель компании Oracle, лидера в сфере разработки ПО, стоимость компании на 2019 г. оценивается почти в 190 млрд долларов, а личное состояние Ларри Эллисона в 62,5 млрд; Билл Гейтс, основатель Microsoft, состояние Билла Гейтса на сегодняшний день составляет 96,5 млрд долларов; наконец, это Джеф Безос, основатель Amazon, крупнейшего в мире онлайн-магазина книг. Личное же состояние Безоса оценивается в 131 млрд долларов. Amazon предлагает также услуги в сфере облачных технологий, производит бытовую электронику, снимает сериалы, занимается публицистической деятельностью [41]. По подсчётам экспертов The Wall Street Journal, совокупный доход пяти крупнейших IT-компаний мира (Apple, Microsoft, Alphabet, Amazon и Facebook), обусловленный массовым переходом людей на удалёнку и онлайн-покупками на фоне пандемии коронавируса, увеличился в 2020 г. до 1,1 трлн долл., совокупная выручка выросла на 20%, а прибыль за тот же период увеличилась на 24%. Общая рыночная капитализация пяти крупнейших IT-компаний за время пандемии и вовсе подскочила до 8 трлн долларов [42].

Современный анализ пользовательской активности в социальных сетях говорит о том, что интернет-пользователи в основном используют продукцию этих IT гигантов, что устанавливает их гегемонию и позволяет крупнейшим IT компаниям монопольно определять всю политику на информационном рынке. При этом особый интерес вызывает тот факт, что указанные выше формальные владельцы ведущих мировых IT гигантов не являются основными их собственниками. В действительно-

сти они принадлежат узкой группе собственников, имена которых порою не известны. Так, например, крупнейший американский инвестиционный фонд Vanguard Group сконцентрировал в своём портфеле крупные пакеты акций Amazon, Microsoft, Apple, Facebook, Google, Visa и др. Активы компании достигли отметки в 4,5 трлн долл. Под её контролем находятся 370 фондов по всему миру, при этом имена конечных бенефициаров этого фонда официально не разглашаются [43; 44; 45].

Всё это ставит серьёзную проблему формирования цифровой элиты, которая будет носить особый характер. Её высокий статус станет определяться не прежними критериями – достатком, образованностью, близостью к власти, а монополией на обладание основными ИТ ресурсами, технологиям и наличием опыта пользования и управления с их помощью экономикой и обществом. Эта цифровая нетократическая элита выходит из-под контроля граждан, т. к. ей никто не делегирует полномочия управлять на основе признаваемых в обществе процедур.

Россия имеет свои ИТ компании, такие как Mail.Ru Group, Cognitive Technologies (разработки систем искусственного интеллекта для беспилотного транспорта), Grabr (интернет-сервис любых доставок) и др. [46]. Но есть ли в современной России крупные ИТ корпорации, которые, кроме государства, контролируют или способны контролировать основные информационные потоки? Скорее всего, нет, ибо по своему информационно-техническому развитию Россия находится на более низком технологическом уровне, чем наиболее развитые страны мира, не имеет, например, отечественного интернета. Даже Яндекс, созданный российскими гражданами, с 2012 г., фактически, перешёл под иностранный контроль [47].

В современной России только формируются условия для появления отечественной цифровой элиты, способной обеспечить технологическое и политическое обновление страны в соответствии с вызовами глобально-информационного общества и способными конкурировать с транснациональными цифровыми элитами. В отличие от развитых западных стран, процесс становления в нашей стране цифрового общества находится в основном под контролем государства. В 2018 г. в России было создано Министерство цифрового развития, которое координирует деятельность всех субъектов государственной власти и общества в этом направлении. Выступая на Валдайском форуме в октябре 2020 г., Председатель Правительства Российской Федерации М. Мишустин определил цифровую трансформацию как базовое условие для прорывного развития страны [48].

В то же время в России начался эксперимент по передаче основных цифровых баз данных Сбер – одной из крупнейших российских государственных корпораций. В 2020 г. Сбер по конкурсу Минцифры РФ стал оператором единой цифровой платформы «Гостех», на которой будут представлены различные сервисы, такие как оформление аренды госимущества, постановка недвижимости на кадастровый учёт, выдача цифрового полиса обязательного медицинского страхования [49].

Таким образом, в процессе развития цифрового общества в России разворачивается борьба между международными ИТ гигантами и российскими государственными корпорациями за контроль над его формированием, а сама российская цифровая элита может вырасти, прежде всего, из современных российских правящих элит.

Выводы

В настоящем исследовании обосновывалось, что цифровизация предстаёт в качестве и целой серии процессов, которые разворачиваются в современной общественно-политической действительности, и траекторий цифровой трансформации властных отношений. Сам процесс цифровизации следует рассматривать как многоуровневую модель, которая включает:

- инструментальный уровень, т. е. смену аналоговых технологий на сквозные цифровые инструменты;

- институционально-нормативный уровень, в рамках которого, с одной стороны, происходит формирование, развитие и становление нового институционального каркаса общественно-политического порядка, а с другой – протекают изменения нормативных оснований общественно-политического порядка, инициированные возникновением новых форм и видов отношений. Ключевыми общественно-политическими проектами являются: сервисная парадигма, доктрина платформенных решений, цифровой этатизм;

- уровень цифровых кодов и алгоритмических решений (последние выступают основополагающим каркасом, на котором осуществляется машинное обучение), реализуется внедрение цифровых технологий в общественную жизнедеятельность, выстраивается взаимодействие в киберпространстве, кодируются параметры и характер виртуальной коммуникации и т. д. В данном измерении процессы цифровизации общественно-политических институтов условно следует разделить на три основных направления: технологическое, конвергационное и трансгуманистическое.

Кроме того, ключевым трендом трансформации общественно-политической организации и властных отношений, по мнению авторов, сегодня выступает формирование цифровых властных элит, поскольку с наступлением цифровой эпохи появился запрос на смену правящей элиты, которая бы соответствовала требованиям нового времени, стала бы драйвером цифровых преобразований. Поэтому формирование цифровой элиты является закономерным этапом, отвечающим современным условиям развития мировой цивилизации. Под цифровыми элитами следует понимать сегодня владельцев транснациональных ИТ компаний, которые господствуют на мировом ИТ пространстве и стремятся на основе новейших цифровых технологий создать систему глобального управления. В процессе развития цифрового общества разворачивается острая борьба между международными ИТ гигантами и государственными корпорациями за контроль над его формированием.

Список источников

1. Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка. Женева : Форум Издательство, 2020. Всемирный экономический форум. URL: <https://pravda.red/download/covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf>.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва : ЭКСМО, 2016. 288 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3-х т. Т. 3. Москва : Политиздат, 1986. 639 с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Глава IX. Варварство и цивилизация.
4. Урри Дж. Как выглядит будущее. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 320 с.
5. Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. Москва : Книжный мир, 2021. 320 с.
6. Брайдотти Р. Постчеловек. Москва : Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
7. Ахременко А. С., Петров А. П., Жеглов С. А. Как информационно-коммуникативные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов // Политическая наука. 2021. № 1. С. 12–45.
8. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». Москва : Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
9. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальные науки. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
10. Реймонд М. Исследование трендов. Практическое руководство. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 240 с.
11. Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все. Москва : ЭКСМО, 2020. 480 с.
12. Исаев И. А. «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа) : монография. Москва : Прогресс, 2021. 384 с.
13. Шамаю Г. Теория дрона. Москва : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 280 с.
14. Федорченко С. Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. № 2. С. 34–57.
15. Androutsopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36, iss. 2. P. 358–367.
16. Ахмедов Р. М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов) : монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 167 с.

17. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Москва : Издательство Московского университета; Проспект, 2015. 272 с.
18. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. Москва : Российская академия наук; институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ИНФРА-М, 2020. 176 с.
19. Перзановский А., Шульц Дж. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 352 с.
20. Кутырев В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Человечество и Технос: философия коэволюции. Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. 260 с.
21. «Эра электронной демократии»: как устроено онлайн-голосование. URL: <https://www.ridus.ru/news/336071>.
22. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 500 с.
23. Коллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приучение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // Логос. 2017. № 2 (117). С. 49–94.
24. Мамычев А. Ю., Ким А. А., Фролова Е. Е. «Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов // *Advances in Law studies*. 2020. Vol. 8, s. 5. p. 3–17.
25. Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества. Экспертный круглый стол на факультете политологии МГУ / А. П. Кочетков, И. А. Василенко, С. В. Володенков, К. С. Гаджиев, В. И. Коваленко, А. И. Соловьев, Е. Г. Кирсанова // *Власть*. 2018. № 1. С. 317–331.
26. Баранов П. П., Мамычев А. Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020. № 1 (30). С. 357–361.
27. Фрейд З. Неудобство культуры. URL: https://librebook.me/civilization_and_its_discontents/vol1/1.
28. Мазин В. Машина влияния. Москва : Издательство института Гайдара, 2018. 256 с.
29. Срничек Н. Капитализм платформ. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
30. Чжао Хунжуй. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. 304 с.
31. Цифровой суверенитет современного государства в условиях технологической трансформации: содержание и особенности / С. В. Володенков, А. С. Воронов, Л. С. Леонтьева, М. Сухарева // *Полилог = Polylogos*. 2021. Т. 5, № 1. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/357578773/>.

32. Теория правового регулирования искусственного интеллекта и объектов робототехники в Российской Федерации : монография / под ред. Г. Ф. Ручкиной. Москва : Прометей, 2020. 296 с.
33. Братко А. Г. Искусственный разум, правовая система и функции государства: монография. Москва : ИНФРА-М, 2021. 282 с.
34. Уолш Т. 2062: время машин. Москва : Издательство АСТ, 2019. 320 с.
35. State Council Notice concerning issuance of the planning outline for the construction of a social credit system (2014–2020). URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/>.
36. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
37. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.
38. Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. Москва : Альпина-Нон-фикшн, 2017. 552 с.
39. Чапурко Т. М., Волошин И. И., Чапурко Я. Я. Зарождение «цифровой элиты» в процессе модернизации России // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2018. № 1. С. 144–151.
40. Burnham J. The Managerial Revolution. What is happening in the world. New York : Day, Cop., 1941. 285 p.
41. 5 самых богатых IT-предпринимателей мира. URL: <https://zen.yandex.ru/media/coffeeipi/5-samyh-bogatyh-itpredprinimatelei-mira-5d1a045335d3d600ad5d13c2>.
42. Доходы пяти крупнейших IT-компаний мира выросли до \$1,1 трлн на фоне пандемии. URL: <https://secretmag.ru/news/dokhody-pyati-krupneishikh-it-kompanii-mira-vyrosli-do-usd1-1-trln-na-fone-pandemii.htm>.
43. Катасонов В. Кто в Америке хозяин – президент или компании Силиконовой долины? URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/07/kto-v-amerike-hozjain-prezident-ili-kompanii-silikonovoj-doliny-51566.html>.
44. Кошельник Д. От одного из первых индексных фондов до компании с активами в триллионы долларов. URL: <https://vc.ru/story/25085-vanguard-group-story>.
45. Теневые хозяева Google, Microsoft, Facebook, Apple ... Кому служат мировые IT-гиганты? URL: <http://xn----8sbeyxgbych3e.ru-an.info/>.
46. Знай своих миллиардеров. Российские IT гиганты, которых Вы, скорей всего, не замечали за «Яндексом» и «Mail.ru». URL: <https://life.ru/p/1331826>.
47. Оппенгеймеры самые большие владельцы Yandex. URL: <https://panzer038.livejournal.com/1009495.html>.
48. Михаил Мишустин принял участие в работе специальной сессии XVII Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://government.ru/news/40649/>.

49. «Сбер» выиграл конкурс Минцифры по определению оператора «Гостеха». URL: https://finance.rambler.ru/money/45396750/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Информация об авторах

А. П. Кочетков – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

А. Ю. Мамычев – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета.

А. Ю. Мордовцев – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

References

1. Schwab K., Mallere T. *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: Forum Publishing House, 2020. World Economic Forum. URL: <https://pravda.red/download/covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf>. (In Russian).
2. Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: EKSMO, 2016. 288 p. (In Russian).
3. Marx K., Engels F. *Selected works: in 3 volumes*. Vol. 3. Moscow: Politizdat, 1986. 639 p. The origin of the family, private property and the state. Chapter IX. Barbarism and civilization. (In Russian).
4. Urri J. *What the future looks like*. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa, 2018. 320 p. (In Russian).
5. *Transhumanism: digital leviathan and golem civilization*. Moscow: Knizhny Mir, 2021. 320 p. (In Russian).
6. Bridotti R. *Posthuman*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2021. 408 p. (In Russian).
7. Akhremenko A. S., Petrov A. P., Zheglov S. A. How information and communication technologies change trends in modeling political processes. *Politicheskaya nauka*, 2021, no. 1, pp. 12–45. (In Russian).
8. Harman G. *Object-oriented ontology: a new "theory of everything"*. Moscow: Ad Marginem Press, 2021. 272 p. (In Russian).

9. Lo J. *After the method: disorder and the social sciences*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2015. 352 p. (In Russian).
10. Raymond M. *Trend research. Practical guide*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2020. 240 p. (In Russian).
11. Stevens-Davidovitz S. *Everyone lies. Search engines, Big Data and the Internet know everything about you*. Moscow: EKSMO, 2020. 480 p. (In Russian).
12. Isaev I. A. *"Machine of power" in the virtual space (image formation): monograph*. Moscow: Progress, 2021. 384 p. (In Russian).
13. Shamayu G. *Drone theory*. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art, 2020. 280 p. (In Russian).
14. Fedorchenko S. N. The phenomenon of artificial intelligence: a citizen between a digital avatar and a political interface. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 2020, no. 2, pp. 34–57. (In Russian).
15. Androutsopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, iss. 2, pp. 358–367.
16. Akhmedov R. M. *Digital religion and traditional religious values. Peculiarities of correlation (according to materials of electronic resources): monograph*. Moscow: UNITI-DANA, 2021. 167 p. (In Russian).
17. Volodenkov S. V. *Internet communications in the global space of modern political management*. Moscow: Moscow University Press; Prospect, 2015. 272 p. (In Russian).
18. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. *The future of law. The legacy of Academician V. S. Stepin and legal science*. Moscow: Russian Academy of Sciences; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; IN-FRA-M, 2020. 176 p. (In Russian).
19. Perzanovsky A., Schultz J. *End of ownership: personal property in the digital economy*. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa, 2019. 352 p. (In Russian).
20. Kutyrev V. A., Slyusarev V. V., Khusyainov T. M. *Mankind and Technos: philosophy of co-evolution*. St. Petersburg: Aleteyya, 2020. 260 p. (In Russian).
21. *"Era of e-democracy": how online voting works*. URL: <https://www.ridus.ru/news/336071>. (In Russian).
22. Latour B. *Reassembly of the social. Introduction to actor-network theory*. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2014. 500 p. (In Russian).
23. Collon M. Some elements of the sociology of translation: the habituation of scallops and fishermen of the bay of Saint-Brieuc. *Logos*, 2017, no. 2 (117), pp. 49–94. (In Russian).
24. Mamychyev A. Yu., Kim A. A., Frolova E. E. "Future" as an attractor of modern political, legal and socio-economic transformations: a review of the main problems and approaches. *Advances in Law studies*, 2020, vol. 8, s. 5, pp. 3–17. (In Russian).

25. The concept of digital government as a political project for Russia: prospects for implementation in the face of challenges and risks of digitalization of society. Expert round table at the Faculty of Political Science of Moscow State University / A. P. Kochetkov, I. A. Vasilenko, S. V. Volodenkov, K. S. Gadzhiev, V. I. Kovalenko, A. I. Soloviev, E. G. Kirsanova. *Vlast'*, 2018, No. 1, pp. 317–331. (In Russian).

26. Baranov P. P., Mamychyev A. Yu. Digital transformation of law and political relations: main trends and guidelines. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2020, no. 1 (30), pp. 357–361. (In Russian).

27. Freud Z. *The inconvenience of culture*. URL: https://librebook.me/civilization_and_its_discontents/vol1/1 (In Russian).

28. Mazin V. *The machine of influence*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2018. 256 p. (In Russian).

29. Srnicek N. *Platform capitalism*. Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics, 2019. 128 p. (In Russian).

30. Zhao Hongrui. *Cyberspace and sovereignty. An introduction to cybersecurity legislation*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 304 p. (In Russian).

31. Volodenkov S. V., Voronov A. S., Leontieva L. S., Sukhareva M. Digital sovereignty of the modern state in the context of technological transformation: content and features. *Polylog*, 2021, vol. 5, no. 1. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/357578773/>. (In Russian).

32. *The theory of legal regulation of artificial intelligence and robotics objects in the Russian Federation*: monograph / ed. G. F. Ruchkina. Moscow: Prometheus, 2020. 296 p. (In Russian).

33. Bratko A. G. *Artificial intelligence, legal system and functions of the state: monograph*. Moscow: INFRA-M, 2021. 282 p. (In Russian).

34. Walsh T. *2062: time of machines*. Moscow: AST Publishing House, 2019. 320 p. (In Russian).

35. *State Council Notice concerning issue of the planning outline for the construction of a social credit system (2014–2020)*. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/>.

36. *Full text of the report delivered by Xi Jinping at the 19th CPC Congress*. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm. (In Russian).

37. Greenfield A. *Radical technologies: the device of everyday life*. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa, 2018. 424 p. (In Russian).

38. Brockman J. *What do we think about machines that think: The world's leading scientists on artificial intelligence*. Moscow: Alpina-Non-fikshin, 2017. 552 p. (In Russian).

39. Chapurko T. M., Voloshin I. I., Chapurko Ya. Ya. The emergence of the “digital elite” in the process of modernization of Russia. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2018, no. 1, pp. 144–151. (In Russian).

40. Burnham J. *The Managerial Revolution. What is happening in the world*. New York: Day, Cop., 1941. 285 p.
41. 5 richest IT entrepreneurs in the world. URL: <https://zen.yandex.ru/media/coffeepiu/5-samyh-bogatyh-itpredprinimatelei-mira-5d1a045335d3d600ad5d13c2>. (In Russian).
42. Revenues of the five largest IT companies in the world grew to \$1.1 trillion. against the backdrop of a pandemic. URL: <https://secretmag.ru/news/dokhody-pyati-krupneishikh-it-kompanii-mira-vyrosli-do-usd1-1-trln-na-fone-pandemii.htm>. (In Russian).
43. Katasonov V. Who is the boss in America - the president or the Silicon Valley companies? URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/07/kto-v-amerike-hozjain-prezident-ili-kompanii-silikonovoj-doliny-51566.html>. (In Russian).
44. Wallet D. *From Early ETF to Trillion Dollar Asset Company*. URL: <https://vc.ru/story/25085-vanguard-group-story>. (In Russian).
45. Shadow masters of Google, Microsoft, Facebook, Apple... Whom do the world's IT giants serve? URL: <http://xn----8sbeyxgbych3e.ru-an.info/>. (In Russian).
46. Know your billionaires. Russian IT giants that you most likely did not notice behind Yandex and Mail.ru. URL: <https://life.ru/p/1331826>. (In Russian).
47. Oppenheimers are the biggest owners of Yandex. URL: <https://panzer038.livejournal.com/1009495.html>. (In Russian).
48. Mikhail Mishustin took part in the work of the special session of the XVII Annual Meeting of the Valdai Discussion Club. URL: <http://government.ru/news/40649/>. (In Russian).
49. Sberbank won the competition of the Ministry of Digital Transformation to determine the Gostekh operator. URL: https://finance.rambler.ru/money/45396750/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (In Russian).

Information about the authors

A. P. Kochetkov – Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

A. Yu. Mamychev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University.

A. Yu. Mordovtsev – Doctor of Law, Professor; Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia; Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 135–143.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 135–143.

Научная статья

УДК 323:614.4:004.77(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/135-143>

КЛЮЧЕВЫЕ АКТОРЫ КРИТИКИ «КОВИДНОЙ ПОЛИТИКИ» ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЛАТФОРМЕ YOUTUBE

Сергей Игоревич Белов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, belov2006s@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1464-040X>

Аннотация. Представленное исследование посвящено проблеме выявления ключевых акторов, продвигающих критику «ковидной политики» властей Российской Федерации на платформе социальных медиа (на примере видеохостинга YouTube). Методология исследования основана на комбинации элементов киберметрии и сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что ключевую роль в формировании у аудитории YouTube в России негативных представлений о противоэпидемической политике государства играют быстрорастущие ресурсы, созданные не ранее 2017 г. Они уступают «старым» каналам по количеству подписчиков, но в то же время демонстрируют более высокие либо сопоставимые показатели по числу просмотров. Эти каналы характеризует гетерогенность в плане политической ориентации. В то же время их объединяет гиперкритический подход к оценке действующей власти. Упомянутые ресурсы роднит также сходство моделей стигматизации политики государства. Их спикеры в большинстве своём придерживаются мягкой вариации ковид-диссидентства, не отрицая существования коронавируса, и не обращаются к конспирологическим теориям. Они заостряют внимание на социально-экономических последствиях действий власти и элементах «театра безопасности» в политике государства. Данные каналы не связаны напрямую с традиционными лидерами оппозиции или её организованными структурами. Их авторы в большинстве своём являются представителями контрэлиты внутри политической оппозиции.

Следует подчеркнуть, что автор статьи не разделяет тезисы критики «ковидной политики» и не пропагандирует их, а упоминает исключительно в научных и образовательных целях.

Ключевые слова: ковид, коронавирус, COVID-19, ковид-диссидентство, Российская Федерация, государственная политика, противоэпидемические меры, социальные медиа, YouTube, рейтинг, оппозиция, критика, киберметрический анализ, сравнительный анализ.

Финансирование. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований – гранта №21-011-31175 опн «Цифровизация властной коммуникации и политических отношений в современной России: основные траектории, акторы и модели».

Для цитирования: Белов С. И. Ключевые акторы критики «ковидной политики» властей Российской Федерации на платформе YouTube // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 135–143. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/135-143>.

Original article

KEY YOUTUBE ACTORS OF CRITICISM OF THE "COVIDATE POLICY" CONDUCTED BY THE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey Igorevich Belov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia, belov2006s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-040X>

Abstract. The presented research is devoted to the problem of identifying the key actors promoting criticism of the "covid policy" of the Russian authorities on the social media platform (for example, the YouTube video hosting). The research methodology is based on a combination of cybermetry and comparative analysis elements. The author comes to the conclusion that the key role in the formation of negative perceptions of the state's anti-epidemic policy among the YouTube audience in Russia is played by fast-growing resources created no earlier than 2017. They are inferior to channels in terms of the number of subscribers, but at the same time they demonstrate higher or comparable indicators by the number of views. These channels are characterized by heterogeneity in terms of political orientation. At the same time, they are united by a hypercritical approach to assessing the current government. Also, the mentioned resources are related by the similarity of models of stigmatizing the state policy. For the most part their speakers adhere to a mild variation of COVID dissidence without denying the existence of the coronavirus or turning to conspiracy theories. They focus on the socio-economic consequences of government actions and the elements of the "theater of security" in govern-

ment policy. These channels are not directly related to the traditional leaders of the opposition or its organized structures. Most of their authors are representatives of the counter-elite within the political opposition.

It should be emphasized that the author of the article does not share the theses of criticism of the "COVID policy" and does not propagandize them; he mentions them exclusively for scientific and educational purposes.

Keywords: COVID, coronavirus, COVID-19, COVID dissidence, Russian Federation, state policy, anti-epidemic measures, social media, YouTube, rating, opposition, criticism, cybermetric analysis, comparative analysis.

Financial Support. The publication was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research – grant No. 21-011-31175 opn "Digitalization of power communication and political relations in modern Russia: main trajectories, actors and models".

For citation: Belov S. I. Key YouTube actors of criticism of the "covidate policy" conducted by the authorities of the Russian Federation // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 135–143. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/135-143>.

Тема противоэпидемических мер, предпринятых властями России в связи с пандемией коронавируса, начала активно политизироваться ещё в самом начале распространения COVID-19 в глобальных масштабах. Этот эффект был вполне ожидаемым, поскольку жёсткие меры по борьбе с эпидемией предполагали возникновение негативного экономического эффекта как для представителей бизнеса, так и для широких слоёв населения. Помимо того, сложный характер противоэпидемических мер закономерно вскрыл уязвимые места в системе государственного и муниципального управления. Проблемы, возникшие при реализации противоэпидемических мероприятий, вполне ожидаемо были использованы оппозицией в качестве повода для критики в адрес действующей власти. Негативную роль также сыграли долгосрочные последствия политики оптимизации системы здравоохранения, проявившиеся в сокращении её резервов.

Ситуацию усугубили высокий уровень проникновения Интернета в Российской Федерации и широкие масштабы распространения социальных медиа, включая зарубежные ресурсы, находящиеся преимущественно вне российской юрисдикции. Как следствие, доступ к перспективным каналам политической коммуникации оказался открыт для представителей контрэлиты и внешних акторов. Их дискурсивные рамки стали намного шире, чем в случае традиционных СМИ. На практике это проявилось в сокращении масштабов контроля истеблишмента за ходом дискуссии вокруг темы противоэпидемических ограничений в информационном пространстве.

За период пандемии был опубликован ряд исследований, посвященных феномену ковид-диссидентства. Однако вопрос о ключевых акторах соответствующих коммуникационных процессов и связанных с ними лидерах общественного мнения исследовался по остаточному принципу [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Целью данной работы является выявление ключевых акторов, продвигающих критику «ковидной политики» властей Российской Федерации на платформе социальных медиа.

В качестве исследовательского кейса нами выбран видеохостинг YouTube. Обращение к соответствующей эмпирике обусловлено как широкой популярностью данного ресурса, так и его релевантностью задачам политической пропаганды с точки зрения репрезентативности аудитории и форм транслируемого контента. По данным компании «Медиаскоп» за август 2021 г., ежемесячная аудитория YouTube в России достигала 43,6 млн человек. В структуре пользователей отсутствовали принципиально значимые диспропорции в плане репрезентации половозрастных групп, и в целом её пропорции соответствовали модели генеральной совокупности, т. е. аудитории российских интернет-пользователей. Использование видеοформата также облегчает распространение контента среди пользователей [8].

Методология исследования основана на сочетании элементов киберметрии и сравнительного анализа.

Нами был составлен рейтинг из 20 YouTube-каналов, продвигающих критику «ковидной политики» властей. Основание для включения в рейтинг – высокая частота выступлений спикера (не реже 1 раза в неделю) с критикой противоэпидемической политики властей с позиций ковид-диссидентства. Таким образом, в рейтинг не вошли каналы, авторы которых обращаются к теме на непостоянной основе либо обвиняют политическое руководство в излишней мягкости, настаивают на обязательной вакцинации, критикуют её противников, отстаивают тезис о безопасности российских вакцин против коронавируса, занимают лояльную позицию по отношению к официальной оценке пандемии со стороны Всемирной организации здравоохранения и т. д. Основанием для присвоения каналу конкретного места в рейтинге, в соответствии с устоявшимися исследовательскими традициями, является количество его подписчиков. Однако степень влияния ресурса на аудиторию YouTube в рамках исследования оценивается с учётом факультативных показателей – даты регистрации канала и количества просмотров размещённых на нём видеороликов.

Следует отметить, что большинство (19 из 20) YouTube-каналов, играющих ключевую роль в распространении критики в адрес противоэпидемической политики властей Российской Федерации, были созданы ещё до начала пандемии. Последнее позволяет опровергнуть гипотезу, согласно которой данные ресурсы целенаправленно создавались в рамках единого проекта подрыва доверия к «ковидной»

политике властей. Также необходимо отметить, что большинство включённых в рейтинг каналов (13 из 20) существуют менее 5 лет. За счёт этого их можно условно отнести к группе «молодых» оппозиционных ресурсов, возникших после начала периода крупномасштабной активизации противников действующей власти весной 2017 г. (связанной с волной протестов с требованиями отставки Д. А. Медведева с поста премьер-министра).

Таблица 1

**Рейтинг российских YouTube-каналов,
продвигающих критику «ковидной политики» властей**

№	Название	Ссылка	Дата регистрации	Количество подписчиков (на 12.11.2021)	Количество просмотров (на 12.11.2021)
1	kamikadzedead	https://www.youtube.com/user/kamikadzedead/featured	20 дек. 2007 г.	На январь 2018 г. – 1,69 млн*	84 905 537
2	Новости СВЕРХДЕРЖАВЫ	https://www.youtube.com/c/pwtru/about	9 июн. 2017 г.	1,08 млн	416 369 716
3	Аудио статьи	https://www.youtube.com/c/Аудиостатьи/about	13 дек. 2017 г.	793 тыс.	321 145 313
4	Телеканал Сталинград	https://www.youtube.com/c/ТелеканалСталинград/channels	4 сент. 2018 г.	715 тыс.	90 534 352
5	ХВАТИТ МОЛЧАТЬ!	https://www.youtube.com/c/ХВАТИТМОЛЧАТЬРОССИЯ/about	19 янв. 2019 г.	732 тыс.	162 268 473
6	Дмитрий ПОТАПЕН-КО	https://www.youtube.com/channel/UC54SBo5_usXGEoybX1ZVETQ/about	16 мар. 2015 г.	659 тыс.	119 687 523
7	СПЕЦ	https://www.youtube.com/c/СПЕЦТВ/about	26 февр. 2018 г.	577 тыс.	161 096 799
8	Обманутый Россиянин	https://www.youtube.com/channel/UCb64k6yqn3s4DlayVkbJ2qw	1 мая 2018 г.	527 тыс.	155 850 468
9	Pravda GlazaRezhnet	https://www.youtube.com/c/pravdaglazarezhet/featured	2 авг. 2014 г.	513 тыс.	72 544 184
10	Студия Рубеж	https://www.youtube.com/channel/UCICgrvDQuH62O_S6CM_GWPA	13 мая 2017 г.	497 тыс.	44 440 097

* В настоящий момент число подписчиков скрыто в настройках канала.

№	Название	Ссылка	Дата регистрации	Количество подписчиков (на 12.11.2021)	Количество просмотров (на 12.11.2021)
11	Андрей Угланов	https://www.youtube.com/c/АндрейУгланов-зауглом/about	19 нояб. 2017 г.	455 тыс.	88 341 230
12	Белая Рысь	https://www.youtube.com/c/БелаяРысь2000/about	11 сент. 2014 г.	427 тыс.	43 962 994
13	Александр Балу	https://www.youtube.com/c/АлександрБалу/about	3 мар. 2017 г.	425 тыс.	154 279 243
14	Pravda	https://www.youtube.com/user/pravda	19 нояб. 2017 г.	398 тыс.	88 341 230
15	Реальная журналистика	https://www.youtube.com/c/Реальнаяжурналистика/about	2 янв. 2016 г.	363 тыс.	99 093 595
16	ГлавТема Народ	https://www.youtube.com/channel/UCtrolX0qkI3ya3y24RqXL6w/about	24 мар. 2018 г.	303 тыс.	77 806 707
17	Радио АВРОРА	https://www.youtube.com/channel/UCTJR_NKy4a_7d0evcjFiqPA	21 окт. 2019 г.	293 тыс.	81 869 296
18	МОЛЬ	https://www.youtube.com/channel/UCefpNStAosRpMm76c32A0fw/about	25 янв. 2020 г.	272 тыс.	34 353 755
19	РОЙ ТВ	https://www.youtube.com/c/РОЙТВ/about	31 мая 2013 г.	219 тыс.	83 556 184
20	РЕАЛЬНЫЕ БУДНИ	https://www.youtube.com/watch?v=5BMnT8pVC04	11 дек. 2016 г.	50 тыс.	10 267 189

При этом лишь один из них аффилирован с человеком, которого можно отнести к числу лидеров общественного мнения внутри протестных кругов «болотного периода» (с Дмитрием Ивановым, известным как «Камикадзе Ди»). Также упомянутые ресурсы не связаны с организованными структурами неконвенциональной оппозиции.

И в первую очередь обращает на себя внимание отсутствие аффилиации с представителями условно либерального фланга оппозиционного движения. Среди владельцев упомянутых каналов присутствуют носители соответствующих взглядов, но они не связаны с руководством формализованных групп оппозиции. Также необходимо отметить, что общая доля ЛЮМов-либералов в рейтинге в целом относительно невелика.

Состав спикеров и многие элементы используемого ими дискурса в случае многих каналов указывают на наличие симпатий к левой политической парадигме (хотя эпизодически к ним примешиваются элементы правой политической риторики).

Важно подчеркнуть, что включённые в рейтинг ресурсы не обладают единой целевой аудиторией в силу наличия политических и экономических расхождений. Более того, между отдельными каналами периодически возникают информационные конфликты. Примером может служить обмен претензиями между владельцами каналов «Pravda GlazaRezhet» и «Аудио статьи» в ноябре-декабре 2020 г., связанный с обвинениями в распространении фейков в адрес автора второго канала.

Отдельно необходимо отметить аномально высокие темпы роста просмотров «молодых каналов». В качестве примера можно привести ресурсы, занимающие в рейтинге 3-ю – 5-ю и 7-ю – 8-ю позиции. По числу подписчиков они, как минимум, в 2-3 раза уступают каналу «kamikadzedead», который существует уже 14 лет («срок жизни» его конкурентов – от 2-х до 4-х лет) и ведётся автором, обладающим высокой узнаваемостью за счёт причастности к широко известным развлекательным проектам. Ещё 5 «молодых каналов» обладают числом просмотров, сопоставимым с показателями «kamikadzedead».

Большинство каналов, включённых в рейтинг, не концентрируются сугубо на освещении «ковидной» тематики. Их спикеры затрагивают широкий круг социально-экономических вопросов, используя тактику обсуждения актуальных инфоповодов в контексте падения качества жизни и формирования фантомных угроз для широких слоев населения.

Важно отметить, что подавляющее большинство включённых в рейтинг ресурсов не занимаются пропагандой радикальных вариаций «ковид-диссидентства» (исключением в данном случае является «Телеканал Сталинград»). Они не отрицают опасность коронавируса и не используют в рамках своих месседжей тезис о наличии у пандемии политической подоплеки, в том числе – в рамках конспирологических теорий. Однако их спикеры выстраивают свою риторику вокруг следующих тезисов:

- сомнения в эффективности и безопасности вакцин российского производства;
- неэффективность и недостаточность мер поддержки граждан и бизнеса со стороны государства;
- наличие элементов «театра безопасности» в системе противоэпидемических мер государства (т. е. формализм, использование заведомо неэффективных или даже опасных методов);
- отрицательное влияние на способность системы здравоохранения реагировать на угрозу пандемии государственной политики оптимизации медицины.

Следует подчеркнуть, что автор статьи не разделяет данные тезисы и не пропагандирует их, а упоминает исключительно в научных и образовательных целях.

Все включённые в рейтинг ресурсы объединяет радикальный характер дискурса в отношении действующей власти. Последнее проявляется посредством тотального характера критики. Спикеры не пытаются ограничиться критикой систе-

мы власти в целом, фигур губернаторов или членов правительства. Негативные оценки даются в том числе президенту и иным популярным политикам среди представителей высшего политического руководства (С. К. Шойгу, С. В. Лавров).

В целом можно заключить, что определяющую роль в формировании у аудитории YouTube в России негативных представлений о противоэпидемической политике властей играют «молодые» быстро растущие каналы, созданные не ранее 2017 г. Они уступают более старым ресурсам по количеству подписчиков, но в то же время демонстрируют более высокие либо сопоставимые показатели с точки зрения числа просмотров. Эти каналы гетерогенны в плане политической ориентации, однако их авторов объединяет гиперкритический подход к оценке действующей власти. Также их роднит сходство моделей стигматизации политики государства: большинство авторов придерживаются мягкой вариации ковид-диссидентства (т. е. не отрицают существования коронавируса и не обращаются к конспирологическим теориям), акцентируя внимание на социально-экономических последствиях действий власти и элементах «театра безопасности» в политике государства. Включённые в рейтинг каналы не связаны напрямую с традиционными лидерами оппозиции или её организованными структурами. Их авторы в большинстве своем являются представителями контрэлиты внутри политической оппозиции.

Список источников

1. Воронов В. М. Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6, № 1 (21). С. 41–68.
2. Ефремов В. А. Язык вражды в Интернете: эпоха пандемии // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей V Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 27–35.
3. Иванов Р. В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
4. Изияева Л. О. Ковид-диссидентство – социально-политический феномен современности // Экономика и управление. 2021. № 4 (160). С. 153–157.
5. Кирзюк А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 484–509.
6. Меркулов П. А., Кустова А. В. Социальные трансформации системы взаимодействия «общество и государство» в условиях пандемии COVID-19 // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16, № 2. С. 32–44.
7. Струк Е. Н. Феномен социальной компетентности в условиях режима самоизоляции в период пандемии COVID-19 // Социальная компетентность. 2020. Т. 5, № 2 (16). С. 271–280.

8. Youtube.com. URL: <https://webindex.mediascope.net/report/sex-and-age?byDevice=3&byDevice=1&byDevice=2&byGeo=1&byMonth=202108&id=88155>.

Сведения об авторе

С. И. Белов – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

References

1. Voronov V. M. The COVID-19 pandemic as an existential and cultural event: groups, cultural boundaries and the phenomenon of mood (on the example of Russian society). *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 2021, vol. 6, no. 1 (21), pp. 41–68. (In Russian).
2. Efremov V. A. Hate speech on the Internet: the era of the pandemic. In: *Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura : sbornik statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moscow, 2021. pp. 27–35. (In Russian).
3. Ivanov R. V. Mobilization solidarity during a pandemic. *Sotsiologiya*. 2021, no. 4, pp. 92–105. (In Russian).
4. Izilyaeva L. O. Covid dissidence is a socio-political phenomenon of our time. *Ekonomika i upravlenie*, 2021, no. 4 (160), pp. 153–157. (In Russian).
5. Kirzyuk A. A. “I Have No Fear”: Covid dissidents in search of agency and truth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2021, no. 2 (162), pp. 484–509. (In Russian).
6. Merkulov P. A., Kustova A. V. Social transformations of the system of interaction between "society and the state" in the context of the COVID-19 pandemic. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 32–44. (In Russian).
7. Struk E. N. The phenomenon of social competence in a self-isolation regime during the COVID-19 pandemic. *Sotsial'naya kompetentnost'*, 2020, vol. 5, no. 2 (16), pp. 271–280. (In Russian).
8. Youtube.com. URL: <https://webindex.mediascope.net/report/sex-and-age?byDevice=3&byDevice=1&byDevice=2&byGeo=1&byMonth=202108&id=88155>. (In Russian).

Information about the author

S. I. Belov – Candidate of Historical Science, Associate Professor of Russian Politics Program, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 144–158.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 144–158.

Научная статья

УДК 327.8(73)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/144-158>

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США: МЕЖДУ РАДИКАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ И КРИЗИСНОЙ СТАГНАЦИЕЙ

Никита Максимович Кузнецов

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия,

Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, nmkuznetsov@list.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9196-9578>

Аннотация. Победа Джозефа Байдена на президентских выборах в 2020 г. породила дискурс о необходимости коренных изменений внешней политики США. Возвращение опытного политика и специалиста по международным отношениям в Белый Дом ассоциировалось с грядущим прорывом американской публичной дипломатии, стагнация которой наступила при президенте Дональде Трампе в 2017–2021 гг. Цифровая пропаганда, аналитика цифровых данных об интернет-аудитории и интеграция новых технологий в информационную политику стали ведущими направлениями современного внешнеполитического влияния и требуют тщательного внимания со стороны американского руководства. Эксперты, наиболее приближенные к реальному процессу принятия внешнеполитических решений, подготовили ряд аналитических отчетов со своими рекомендациями новому президенту. Подобные предложения по развитию публичной дипломатии США могут быть разделены на три сценария: активный, пассивный и промежуточный. Активный сценарий предполагает «радикальную революцию» институтов управления, векторов и парадигм американской публичной дипломатии. Пассивный сценарий подразумевает дальнейшую стагнацию американских стратегических коммуникаций, при которой определение новых целей и создание новых проектов будут и далее происходить в рамках существующей экосистемы без коренных изменений. Наконец, промежуточный или умеренный сценарий направлен на коллаборацию активного и пассивного вариантов развития публичной дипломатии, при котором теоретико-практические аспекты могут быть коренным образом изменены, а институциональный уровень их реализации, при этом, останется без существенной реформации. Опираясь на комплекс официальных документов, публичных вы-

ступлений членов новой президентской администрации и статей американского экспертного сообщества, автор оценивает тенденции развития публичной дипломатии США во время президентства Дж. Байдена, выявляет новые направления американских стратегических коммуникаций, анализирует существенный рывок в развитии дипломатии данных (data diplomacy), а также подчёркивает необходимость дальнейшего изучения данной темы. Выводы статьи могут быть полезны всем исследователям внешней политики США и цифровизации международных отношений.

Ключевые слова: публичная дипломатия, цифровая дипломатия, стратегические коммуникации, дипломатия данных, мягкая сила, пропаганда, каналы зарубежного вещания, киберпространство, внешняя политика, эксперты, США, Россия, Китай, Дж. Байден, Д. Трамп.

Для цитирования: Кузнецов Н. М. Публичная дипломатия США: между радикальной революцией и кризисной стагнацией // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 144–158. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/144-158>.

Original article

U.S. PUBLIC DIPLOMACY: BETWEEN RADICAL REVOLUTION AND CRISIS STAGNATION

Nikita M. Kuznetsov

St. Petersburg State University, 199034, Russia, St. Petersburg, 7-9 Universitetskaya
Emb, nmkuznetsov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9196-9578>

Abstract. The victory of Joseph Biden in the 2020 presidential election sparked discourse about the upcoming changes in U.S. foreign policy. The return of an experienced politician and specialist in international relations to the White House was inevitably associated with a breakthrough in American public diplomacy, which had stagnated under President Donald Trump in 2017–2021. Digital propaganda, analytics of Big Data and integration of new technologies into information policy have become the leading areas of modern foreign policy influence and require careful attention from the American leadership. Political scientists who are closest to the real process of making foreign policy decisions have prepared a number of analytical reports with recommendations for the new president. Such development paths can be conditionally divided into three scenarios: active, passive and intermediate. The active scenario presupposes a “radical revolution” of the institutions of governance, vectors and paradigms of American public diplomacy. The passive scenario implies further stagnation of American strategic communications without fundamental

changes. Finally, an intermediate or moderate scenario is aimed at the collaboration of active and passive tracks in the development of public diplomacy, in which the paradigms of U.S. public diplomacy can be radically changed, and the institutional level of their implementation, at the same time, will remain without significant reformation. Based on a set of official documents, public statements by members of the new presidential administration and articles of the American expert community, the author assesses the new directions of American strategic communications and data diplomacy, and also emphasizes the need for further study of modern public diplomacy, taking into account new trends in its implementation. The conclusions of the article will be useful to all researchers of U.S. foreign policy and the digitalization of international relations.

Key words: public diplomacy, digital diplomacy, strategic communications, data diplomacy, soft power, propaganda, international broadcasting channels, cyberspace, foreign policy, experts, USA, Russia, China, J. Biden, D. Trump.

For citation: Kuznetsov N. M. U.S. public diplomacy: between radical revolution and crisis stagnation // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 144–158. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/144-158>.

Введение

Публичная дипломатия как инструмент внешней политики США охватывает ряд проектов в области распространения образования, культуры, цифровой пропаганды и дипломатии данных (*data diplomacy*) как независимого направления по интеграции аналитики интернет-данных и новых технологий во внешнеполитическую деятельность [7]. За последнее десятилетие публичная дипломатия вывела международные дискуссии об информационном внешнеполитическом влиянии государств на междисциплинарный уровень, характерной чертой которого остаётся отсутствие чёткой концептуализации его форм и направлений [2]. Особый импульс становлению публичной дипломатии в качестве мирового феномена международных отношений придал 44-й президент США Барак Обама (2009–2017 гг.). Именно на протяжении двух его президентских сроков публичная дипломатия сменила теоретико-философские концепции реализации (мягкая сила, стратегическая коммуникация), приобрела новые направления (цифровая дипломатия, дипломатия данных) и вернула в современный дискурс такое понятие времён Холодной войны, как «внешнеполитическая пропаганда» [6].

Стагнацией в развитии американской публичной дипломатии эксперты охарактеризовали период президентства Дональда Трампа (2017–2021 гг.) [19; 24]. Незаинтересованность американского лидера в популяризации имиджа своей страны, непонимание важности публичной дипломатии, кадровые проблемы, скандалы и многие другие факторы снизили международный имидж США и оставили популя-

ризующие образ США проекты мягкой силы на задворках внешней политики, выдвинув цифровую дипломатию и информационные войны против Китая, Ирана, России и других оппонентов на передовую позицию американской внешней политики [7].

Поэтому дискуссии о необходимости радикальных изменений в публичной дипломатии не угасали в Вашингтоне с 2017 г., когда РФ, КНР и другие «автократии» обвинили во вмешательстве в американский электоральный процесс и нарекли информационную активность этих стран острой силой (*sharp power*) [15; 21; 34]. Эксперты били тревогу: пока президент Трамп ставит собственные ценности выше «общепринятых», национальных ценностей, страны-оппоненты Вашингтона продвигают чёткую идеологию, дестабилизируют западную модель демократии и выигрывают в информационной войне за умы и сердца мировой аудитории [21]. На протяжении 2017–2020 гг. исследования стратегических коммуникаций США были привязаны к личности 45-го президента Д. Трампа. Его критиковали, порицали и призывали вести активную внешнюю политику, базирующуюся не на собственных заявлениях в социальных сетях, а на чётких задачах по реализации американской внешней политики. Возможный приход Джозефа Байдена в Белый Дом породил дискурс об изменениях, которые «непременно» должны наступить в американской публичной дипломатии. С 2020 г. политологи занимаются подготовкой своих рекомендаций для новой администрации. Часть из них была реализована Белым Домом незамедлительно, а часть, возможно, ещё будет реализована позднее.

Цель данного исследования – выявить актуальные тенденции публичной дипломатии США при президентстве Дж. Байдена. Комплекс правительственных документов (часть из которых была подготовлена ещё при администрации Д. Трампа в 2017–2020 гг., а часть уже при Дж. Байдене в 2021 г.), выступления представителей новой администрации, отчёты американских аналитических центров (*Atlantic Council*, *National Endowment for Democracy*, *RAND*) и экспертные статьи составляют источниковую базу данного исследования.

Наследие Д. Трампа в области публичной дипломатии, 2017–2021 гг.

Фигура президента исторически играла значимую роль в развитии американской публичной дипломатии. Как уже было подчёркнуто ранее, именно 44-й президент Б. Обама смог сделать данное направление мировым феноменом. Информационная политика США является причиной реализации многих внешнеполитических задач на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве [6]. Образ молодого и прогрессивного Б. Обамы и вовсе был «возведён в статус национального бренда» и интегрирован в элемент американской мягкой силы [5]. Умелое сочетание «жестких» методов внешней политики, «мягких» проектов в сферах образования, культуры и мощной цифровой пропаганды превратило публичную дипломатию США в

эффективный межведомственный механизм, способный варьироваться от установления диалога, сотрудничества и распространения ценностей – до влияния на выборы, смены политического режима, использования массивов пропаганды и создания хаоса для дестабилизации стран-оппонентов.

Однако 45-й президент США Д. Трамп не разделял взглядов своего предшественника на важность публичной дипломатии. Д. Трамп минимизировал своё медиаприсутствие до лояльных консервативных СМИ (концепт *fake news* и вовсе стал новым феноменом взаимоотношений «власть – журналист – общество») и сфокусировал его в социальной сети Twitter, тем самым противопоставив себя не только средствам массовой информации, но и всей сфере публичной дипломатии [5].

Но подобные новации негативно отразились на развитии государственного механизма публичной дипломатии США. Информационные программы дистанцировались от личности президента. Особенно остро данный вопрос встал для Агентства по глобальным медиа (USAGM), ведомства, курирующего международное информационное вещание США. Согласно реформе, реализованной в конце второго срока администрации Б. Обамы, зарубежное вещание США перешло в подчинение президенту, однако по причине отсутствия заинтересованности Д. Трампа оно продолжило функционировать обособленно. Вместо продвижения американских идей и ценностей (ввиду отрицания президентом большинства из них) патриархи американской пропаганды «Голос Америки», «Радио Свобода / Свободная Азия» и их новостные интернет-проекты продвигали контрпропагандистский нарратив и боролись с информационным влиянием России, Китая и других стран-оппонентов США, но не имели при этом чёткой и единой идеологии. В 2020 г. президент Трамп внёс кратковременные изменения в работу USAGM, назначив руководителем своего сторонника Майкла Пэка. По мнению экспертов, не интересовавшийся публичной дипломатией Трамп требовал от Агентства безукоризненной информационной поддержки своей личности, а не политики США [19].

Персонализация публичной дипломатии Д. Трампа заставила экспертов задуматься над архитектурой целостности американской цифровой дипломатии [24]. Ведь личные заявления 45-го президента не раз шли вразрез с официальной позицией его собственной администрации. Так, например, самые резонансные внешнеполитические заявления (критиковал зарубежных лидеров и руководство НАТО, угрожал России «новыми, мощными ракетами», написал пост на персидском языке об антиправительственных митингах в Иране) президент США сделал именно в Twitter. Обратной стороной данного вопроса являются комплименты Д. Трампа в адрес лидеров стран-оппонентов США – президентов России, Китая, КНДР и т. д. при общей накалённости двусторонних отношений с этими государствами [24].

Однако именно при Д. Трампе (а точнее, как убеждены эксперты, с подачи заинтересованного в развитии американских стратегических коммуникаций госсекре-

таря Майкла Помпео и лоббистов в Конгрессе США) активное развитие получила дипломатия данных. Этот независимый от цифровой дипломатии, но тесно связанный с ней аналитический трек внешней политики направлен на сбор, анализ и использование больших данных (*Big Data*) интернет-пользователей для реализации американских внешнеполитических задач [7]. Начало развития дипломатии данных началось ещё в 2011 г. при Б. Обаме. Центр стратегических контртеррористических коммуникаций, созданный для проведения информационных кампаний против радикальных исламистов, стал занимать основное место при выработке программ внешнеполитической пропаганды США [26]. Доказав свою эффективность, отдел был существенно расширен и к марту 2016 г. реформирован в Центр глобального взаимодействия (*Global Engagement Center, GEC*) для координации, интеграции и синхронизации общегосударственной коммуникационной деятельности, направленной на иностранную аудиторию и сдерживание вражеской информации [27]. В период с 2017 г. по 2020 г. дипломатия данных стала межведомственным направлением внешней политики США, финансирование которого стало достигать 130 млн долл. ежегодно. Госдепартамент начал развивать аналитику социальных сетей, привлекать ИТ-специалистов и внедрять новые технологии в пропаганду [28; 29].

Несмотря на это, публичная дипломатия при Д. Трампе не имела чёткой стратегии, целей и задач, в связи с чем на протяжении четырёх лет правления 45-го президента большинство отделов по реализации стратегических коммуникаций США по инерции выполняло те же функции, что и при предыдущих администрациях. Отказ президента Трампа признать поражение на президентских выборах 2020 г., поддержка возрастающего в стране радикализма и критика демократического электорального процесса нанесли удар по имиджу США и президента лично [3]. Именно поэтому дискурс о грядущих изменениях в развитии американской публичной дипломатии зародился в Вашингтоне ещё во время президентской гонки.

Сценарии развития публичной дипломатии

Как справедливо отмечает У. З. Артамонова, успешность американской публичной дипломатии обуславливается системным подходом руководства США к её планированию, несмотря на отсутствие сложившейся традиции регулярного формулирования стратегических документов по данной теме в органах государственной власти [1]. В настоящее время публичная дипломатия может развиваться в рамках трёх сценариев – активного, пассивного и промежуточного.

Активный сценарий подразумевает «радикальную революцию» стратегических коммуникаций США, к которой призывают многие американские эксперты. Ещё в 2020 г. к Джозефу Байдену, как к потенциальному победителю предстоящих президентских выборов, обратились Вильям Рух, бывший посол США в ОАЭ и действующий профессор Школы права и дипломатии имени Флетчера, а также по-

литолог Захари Шапиро. В своей статье «Восстановление публичной дипломатии США» они отразили свой взгляд на развитие американских стратегических коммуникаций. Авторы уверены, что Д. Трамп допустил ряд грубых ошибок: попытался персонализировать публичную дипломатию, сочетал «яркие комплименты и причудливые угрозы» в адрес мировых лидеров, игнорировал важные международные проблемы и «очернил» репутацию США. Дж. Байдену необходимо изменить ситуацию: сконцентрироваться на работе с зарубежной аудиторией, присвоить американским каналам иновещания «независимость от USAGM и должное финансирование», а также выстроить «дисциплинированность» в области цифровой дипломатии. Лишь новые институты регулирования информационных кампаний, чёткие спланированные месседжи и единая позиция по вопросам внешней политики будут способствовать успехам публичной дипломатии, считают авторы [24]. Профессор Стэнфордского университета, куратор цифровизации американской публичной дипломатии и экс-посол в РФ Майкл Макфол вторит данным тезисам: создание единого института публичной дипломатии Госдепартамента, чёткая идеология для внешней аудитории, блокировка информации стран-оппонентов и развитие контрпропаганды должны тщательно контролироваться и финансироваться новой администрацией. М. Макфол констатирует: «время для мягких реформ закончилось и настало время радикальной революции публичной дипломатии США» [18; 19].

Пассивный сценарий развития американской публичной дипломатии предполагает отсутствие комплексных реформ и институционального переосмысления. Подобный сценарий усилит стагнацию американской публичной дипломатии, переживающей глубокий кризис [20]. Однако традиционный для стратегии мягкой силы США акцент на защиту либеральных ценностей, появление новых проектов пропаганды, возвращение экспертов времён Б. Обамы на руководящие должности в отделы стратегических коммуникаций и др. шаги Дж. Байдена могут способствовать сплочению аудитории вокруг американской повестки дня и восстановлению международного имиджа США.

В настоящее время развитие публичной дипломатии США происходит по так называемому *промежуточному сценарию*, при котором, признавая необходимость преобразований в сфере публичной дипломатии, политическое руководство ограничивается новыми проектами и мерами (некоторые радикального характера), но не предпринимает шагов по резкой реформации американского внешнеполитического влияния. Умелое сочетание «пассивного» и «активного» сценариев развития публичной дипломатии может сравниться с реализацией стратегии умной силы (*smart power*) в понимании экс-госсекретаря Хиллари Клинтон, считавшей, что США должны комбинировать все доступные инструменты внешнеполитического влияния для достижения своих целей [13].

Рассмотрим первые шаги Дж. Байдена в области публичной дипломатии.

В первую очередь, 46-й президент США отправил в отставку ставленника Д. Трампа на посту директора Агентства по глобальным медиа [16]. Сторонники радикальных реформ американской публичной дипломатии критикуют данное ведомство. Как уже подчёркивалось ранее, Дж. Байдену предлагается упразднить его и реформировать каналы иновещания США в независимые организации, сохраняющие финансирование Конгресса. Однако *USAGM* уже запросило финансирование на 2022 г. и установило приоритетные задачи работы при новой администрации [31]. Кроме того, трансформация «Голоса Америки», «Радио Свободы / Свободной Азии», «Ближневосточных вещательных сетей» и «Фонда открытых технологий» в независимые организации может привлечь лишнее внимание мировой аудитории, что в нынешних условиях не выгодно Дж. Байдену.

Возвращение тезисов времён Б. Обамы об активной поддержке Соединёнными Штатами прав и свобод человека в мире, о борьбе с автократиями, важности экологических вопросов и проблем кибербезопасности, а также развитие работы с большими данными интернет-пользователей в настоящее время легли в основу внешнеполитического влияния Дж. Байдена, о чём он публично заявил через несколько дней после инаугурации [23]. Комментируя вывод американских войск из Афганистана, самое громкое событие своего года президентства, Дж. Байден объявил завершение «эры бесконечных войн» и начало «эпохи неустанной демократии» [9]. Международный виртуальный саммит по климату и «Саммит за демократию» являются первыми глобальными мероприятиями новой администрации, сфокусированными на обсуждении таких проблем, как климатические изменения и вопросы либерального миропорядка [22; 23].

На постсоветском пространстве получает развитие поддержка правительства Украины, а также белорусской и российской оппозиции, практически отсутствовавшая при Д. Трампе. «Дипломатической победой» лидера белорусских протестов Светланы Тихановской назвали её личную встречу с Дж. Байденом, проведение которой президенту США рекомендовали эксперты из аналитического центра *Atlantic Council* [10]. В отношении Москвы США взяли жесткий курс, к которому призывали сторонники конфронтации с правительством России [18]. Внешняя политика РФ стала поводом для принятия новых экономических санкций и публичной критики в адрес Кремля. В настоящее время американская администрация занимается настроением блогеров в социальных сетях с целью популяризации своей политики в США и европейских странах. При этом 2021 год ознаменовался и рядом позитивных решений, среди которых: подписание двустороннего стратегического Договора СНВ-3, приглашение России к участию в международном саммите по климату и российско-американская встреча на высшем уровне [24; 32; 33]. Переговоры были названы экспертами «кибер-саммитом» ввиду повышенного внимания президентов к обсуждению проблем киберпространства [8]. Главным итогом стали запуск двусторонних

консультаций по вопросам информационной безопасности и совместная российско-американская декларация по ответственности за поведение в интернет-сети.

При этом некоторые американские эксперты консервативного толка, напротив, ратуют за «вовлечение» Москвы в стан западных держав ради совместного противостояния Китайской Народной Республике. Например, известный политолог Чарлз Купчан предлагает Дж. Байдену не просто продолжить, но и усилить политику Д. Трампа по сдерживанию Пекина, в то время как давление на Москву значительно смягчить. Эксперт предлагает Дж. Байдену поэтапно снять санкции с России, «поощрять» её торговлю с Евросоюзом, обсуждать китайскую угрозу российско-американским интересам в Арктике и делать всё, чтобы «вбить клин» в отношения РФ и КНР [17]. Китай становится основной мишенью публичной дипломатии США и главным объектом изучения американских экспертов [11; 17; 25]. За два дня до инаугурации Дж. Байдена Госдепартамент США признал геноцидом действия китайского руководства в отношении мусульманских уйгуров и других представителей этнических и религиозных меньшинств провинции Синьцзян. Новая администрация поддержала данные обвинения, усилила критику китайского «пагубного влияния» (*malign influence*) в киберпространстве и расширила распространение антикитайской пропаганды в азиатских странах. Осенью 2021 г. ряд западных СМИ утверждал, что подобная политика США вызвала острую реакцию со стороны китайского правительства, а также стала причиной отказа лидера КНР Си Цзиньпина от очной встречи со своим американским коллегой [20].

Дипломатия данных США: новый импульс

Для сдерживания информационного влияния Пекина и Москвы администрация Дж. Байдена продолжила развитие дипломатии данных. Указанный факт имеет стратегическое значение для американской публичной дипломатии. Ещё при Д. Трампе в Центре глобального взаимодействия были созданы команды *GEC China* и *GEC Russia*, специалисты которых анализируют информационные кампании Китая и России, занимаются блокировкой вредоносного контента, поиском источников информации, спонсируемых КНР и РФ, а также задействуют искусственный интеллект, чат-боты и иные технологические возможности для создания эффективной контрпропаганды, охватывающей миллионы интернет-пользователей [30]. Однако именно при Дж. Байдене использование цифровых данных было выведено за рамки работы нескольких отделов Госдепартамента и обозначено императивом современной внешней политики. Осенью 2021 г. в США была принята Ведомственная стратегия по данным (*Enterprise Data Strategy*), характеризующая «дипломатию, основанную на данных» (*data informed diplomacy*) новой эпохой американской внешней политики [30]. В документе делается особый акцент на развитии «необходимых компетенций» по работе с цифровыми данными у кадровых сотруд-

ников американских посольств, консульств, фондов и др. организаций. Предполагается, что работа с *Big Data* интернет-пользователей будет внедрена в деятельность самых разных подразделений внешнеполитического механизма США. Понимание «культуры данных» (*data culture*), повышение грамотности дипломатов в области использования *Big Data*, сдерживание информационно-аналитической деятельности оппонентов стали новыми тенденциями американской внешней политики. Цифровые данные, работа с ними для нужд стратегических коммуникаций и принятия эффективных внешнеполитических решений меняют традиционную дипломатию США. В контексте развития публичной дипломатии подобные действия администрации Дж. Байдена могут считаться прорывом. Несмотря на тот факт, что дипломатия данных не является прямым направлением публичной или цифровой дипломатии ввиду разных целей, задач и инструментария (публичная дипломатия представляется эвфемизмом для обозначения пропаганды [12], в то время как дипломатия данных является деятельностью государства-адресата пропаганды по работе с её реализацией и оценкой эффективности), факт интеграции аналитики больших данных в американскую внешнюю политику говорит о заинтересованности 46-го президента США в новых, технологических и эффективных решениях.

Заключение

Можно констатировать, что в настоящее время происходит внедрение новых инструментов и направлений в публичную дипломатию США при сохранении действующей системы её управления. Несмотря на ряд жёстких заявлений, возвращение тезисов времён администрации Б. Обамы и появление новых информационных проектов, многие революционные и откровенно радикальные предложения экспертов пока ещё не приведены в жизнь 46-м президентом США. Не произошло и реформации институтов публичной дипломатии. При этом заинтересованность в усилении американского имиджа на мировой арене, активизация внешней политики на постсоветском пространстве, ужесточение тона в отношении Китая и дальнейшая цифровизация публичной дипломатии могут по-настоящему изменить американское внешнеполитическое влияние. Особенно важным в данном вопросе является факт резкого развития дипломатии данных и её интеграции во внешнеполитический механизм США. Появление координационного документа, закрепляющего «культуру данных» в качестве ведущего направления современной внешней политики, существенно меняет не только публичную и цифровую, но и традиционную американскую дипломатию. Ведь аналитика *Big Data* способна влиять как на информационную пропаганду, так и на процесс принятия внешнеполитических решений. Стоит констатировать, что данное исследование даёт основу для дальнейшего изучения современной, «пост-трамповской» публичной дипломатии США. И сценарии её развития будут регулярно пополняться новыми советами со стороны американского экспертного сообщества.

Список источников

1. Артамонова У. З. Механизм выработки стратегии публичной дипломатии во внешней политике США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 4. С. 109–119. DOI 10.31857/S268667300008882-0.
2. Артамонова У. З. Направления и формы реализации публичной дипломатии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 2. С. 49–56. DOI 10.20542/afij-2021-2-49-56.
3. Бунина А. Эволюция правого радикализма в эпоху Трампа // Пути к миру и безопасности. 2021. № 1. С. 60–88. DOI 10.20542/2307-1494-2021-1-60-88.
4. Кузнецов Н. М., Цветкова Н. А. Дипломатия данных Китая: сдерживание со стороны США // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы XI международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2021. С. 382–388.
5. Федорова И. В. Современная публичная дипломатия США: проблемы и особенности развития // Манускрипт. 2020. № 6. С. 77–81. DOI 10.30853/manuscript.2020.6.13.
6. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 3 (42). С. 121–133. DOI 10.17994/T.2015.13.2.42.8.
7. Цветкова Н. А., Кузнецов Н. М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия : Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4. С. 27–44. DOI 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44.
8. Шакиров О. И. Кибер-саммит Путина и Байдена // РСМД. 22.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kibersammit-putina-i-baydena/>.
9. Agarval A. Full transcript: Biden addresses 76th UN General Assembly // ABC News. 21.09.2021. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/full-transcript-biden-addresses-76th-general-assembly/story?id=80146170>.
10. Biden and Belarus: A strategy for the new administration / Aslund A., Harns M., Herbst J., Vershbow A. // Atlantic Council. 2020. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2021/01/Biden-Belarus-IB-v3.pdf>.
11. China-Russia Cooperation: Determining factors, future trajectories, implications for the United States. Santa Monica : RAND, 2021. 323 p. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR3000/RR3067/RAND_RR3067.pdf.
12. Cull N. J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US Public Diplomacy // International Studies Review. 2013. № 1. P. 123–139.
13. Ethnerige E. How soft power got smart // The New York Times. 2009. URL: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2009/01/14/how-soft-power-got-smart/>.
14. Hare P. Public diplomacy and soft power? No, thanks! It's America First! // USC Center on Public Diplomacy. 18.02.2020. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-and-soft-power-no-thanks-its-america-first>.

15. International Forum for Democratic Studies. Sharp power: rising authoritarian influence. 2017. Washington, D.C.: National Endowment for Democracy. URL: www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Introduction-Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence.pdf.
16. Jerreat J. USAGM head resigns following Biden request // Voice of America. 20.01.2021. URL: https://www.voanews.com/a/usa_usagm-head-resigns-following-biden-request/6201004.html.
17. Kupchan Ch. A. The right way to split China and Russia // Foreign Affairs. 04.08.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia>.
18. McFaul M. How to contain Putin's Russia // Foreign Affairs. 19.01.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-01-19/how-contain-putins-russia>.
19. McFaul M. Opinion: The Biden administration needs to up its game on public diplomacy // The Washington Post. 11.10.2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/10/11/biden-administration-needs-up-its-game-public-diplomacy>.
20. Neal L. Joe Biden's suggestion of summit with Xi Jinping falls on deaf ears // Insider Voice. 14.09.2021. URL: <https://insider-voice.com/joe-bidens-suggestion-of-a-summit-with-xi-jinping-falls-on-deaf-ears/>.
21. Nye J. How sharp power threatens soft power // Foreign Affairs. 24.01.2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>.
22. President Biden to Convene Leaders' Summit for democracy // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/11/president-biden-to-convene-leaders-summit-for-democracy/>.
23. Remarks by President Biden on America's place in the world. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/>.
24. Rugh W., Shapiro Z. Restoring U.S. Public Diplomacy. USC Center on Public Diplomacy. 29.07.2020. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/restoring-us-public-diplomacy>.
25. The longer telegram: toward A New American China Strategy. Atlantic Council, 2021. 85 p.
26. U.S. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/235159.pdf>.
27. U.S. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. 2016. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/262381.pdf>.
28. U.S. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. 2017. URL: <https://www.state.gov/2017-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting/>

29. U.S. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. 2020. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/02/ACP_D_2020Report_FINAL_DIGITAL_508.pdf.

30. U.S. Enterprise Data Strategy Empowering Data Informed Diplomacy. 2021. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/09/Reference-EDS-Accessible.pdf>.

31. U.S. Agency for Global Media. FY Budget Justification. 2020. URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2021/06/USAGM-FY-2022-CBJ-Final-05.26.2021.pdf>.

32. U.S. President Biden's Leaders' Summit on Climate. 23.04.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/23/fact-sheet-president-bidens-leaders-summit-on-climate/>.

33. U.S. Readout of President Joseph R. Biden, Jr. Call with President Vladimir Putin of Russia. 26.01.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/26/readout-of-president-joseph-r-biden-jr-call-with-president-vladimir-putin-of-russia/>.

34. Walker C. What is sharp power? // Journal of Democracy. 2018. No 3. P. 9–23. DOI: 10.1353/jod.2018.0041.

Информация об авторе

Н. М. Кузнецов – аспирант кафедры американских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

References

1. Artamonova U. Z. Formation Mechanism of the American Public Diplomacy's Strategy. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2020, no 4, pp. 109–119. (In Russian).

2. Artamonova U. Z. Fronts and Forms of Public Diplomacy. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, 2021, no. 2, pp. 49–56. (In Russian).

3. Bunina A. Evolution of the Right-Wing Radicalism during the Trump Era. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2021, no 1, pp. 60–88. (In Russian).

4. Kuznetsov N. M., Tsvetkova N. A. Data Diplomacy of China and U.S. Policy of Deterrence. In: *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy XI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Blagoveshchensk*, 2021, pp. 382–388. (In Russian).

5. Fedorova I. V. Modern Public Diplomacy of the USA: Issues and Developmental Characteristics. *Manuscript*, 2020, no 6, pp. 77–81. (In Russian).

6. Tsvetkova N. A. U.S. Public Diplomacy. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2015, no. 3, pp. 121–133. (In Russian).

7. Tsvetkova N. A., Kuznetsov N. M. Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, no. 4, pp. 27–44. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44. (In Russian).
8. Shakirov O. I. *Putin and Biden's Cyber Summit*. 22.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kibersammit-putina-i-bayden-a/>. (In Russian).
9. Agarwal A. *Full transcript: Biden addresses 76th UN General Assembly*. 21.09.2021. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/full-transcript-biden-addresses-76th-general-assembly/story?id=80146170>.
10. Aslund A., Harns M., Herbst J., Vershbow A. *Biden and Belarus: A Strategy for the New Administration*. *Atlantic Council*. 2020. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2021/01/Biden-Belarus-IB-v3.pdf>.
11. *China-Russia Cooperation: Determining Factors, Future Trajectories, Implications for the United States*. Santa Monica: RAND, 2021. 323 p. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR3000/RR3067/RAND_RR3067.pdf.
12. Cull N. J. The Long Road to Public Diplomacy 2.0: The Internet in US Public Diplomacy. *International Studies Review*, 2013, no. 1, pp. 123–139.
13. Ethnerige E. How Soft Power got Smart. *The New York Times*. URL: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2009/01/14/how-soft-power-got-smart/>.
14. Hare P. Public Diplomacy and Soft Power? No, thanks! It's America First! *USC Center on Public Diplomacy*. 18.02.2020. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-and-soft-power-no-thanks-its-america-first>.
15. *International Forum for Democratic Studies. Sharp Power: Rising Authoritarian Influence*. 2017. Washington, D.C.: National Endowment for Democracy. URL: www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Introduction-Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence.pdf.
16. Jerreat J. USAGM Head Resigns Following Biden Request. *Voice of America*. 20.01.2021. URL: https://www.voanews.com/a/usa_usagm-head-resigns-following-biden-request/6201004.html.
17. Kupchan Ch. A. The Right Way to Split China and Russia. *Foreign Affairs*. 04.08.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia>.
18. McFaul M. How to Contain Putin's Russia. *Foreign Affairs*. 19.01.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-01-19/how-contain-putins-russia>.
19. McFaul M. Opinion: The Biden administration needs to up its game on public diplomacy. *The Washington Post*. 11.10.2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/10/11/biden-administration-needs-up-its-game-public-diplomacy>.
20. Neal L. Joe Biden's suggestion of summit with Xi Jinping falls on deaf ears. *Insider Voice*. 14.09.2021. URL: <https://insider-voice.com/joe-bidens-suggestion-of-a-summit-with-xi-jinping-falls-on-deaf-ears/>.

21. Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. *Foreign Affairs*. 24.01.2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-powerthreatens-soft-power>.
22. *President Biden to Convene Leaders' Summit for Democracy*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/11/president-biden-to-convene-leaders-summit-for-democracy/>.
23. *Remarks by President Biden on America's Place in the World*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/>.
24. Rugh W., Shapiro Z. Restoring U.S. Public Diplomacy. *USC Center on Public Diplomacy*. 29.07.2020. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/restoring-us-public-diplomacy>.
25. *The Longer Telegram: Toward A New American China Strategy*. Atlantic Council, 2021. 85 p.
26. *U.S. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting*. 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/235159.pdf>.
27. *U.S. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting*. 2016. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/262381.pdf>.
28. *U.S. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting*. 2017. URL: <https://www.state.gov/2017-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting/>.
29. *U.S. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting*. 2020. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/02/ACPD_2020Report_FINAL_DIGITAL_508.pdf.
30. *U.S. Enterprise Data Strategy Empowering Data Informed Diplomacy*. 2021. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/09/Reference-EDS-Accessible.pdf>.
31. *U.S. FY Budget Justification*. Agency for Global Media. 2021. URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2021/06/USAGM-FY-2022-CBJ-Final-05.26.2021.pdf>.
32. *U.S. President Biden's Leaders' Summit on Climate*. 23.04.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/23/fact-sheet-president-bidens-leaders-summit-on-climate/>.
33. *U.S. Readout of President Joseph R. Biden, Jr. Call with President Vladimir Putin of Russia*. 26.01.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/26/readout-of-president-joseph-r-biden-jr-call-with-president-vladimir-putin-of-russia/>.
34. Walker C. What is Sharp power? *Journal of Democracy*, 2018, no. 3, pp. 9–23.

Information about the author

N. M. Kuznetsov – Undergraduate Student, Department of American Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 159–173.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 159–173.

Научная статья

УДК 341.7(71)(092)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/159-173>

Г. П. ИГНАТЬЕВ – «THE MAKING OF A PEACEMONGER» КАНАДСКОЙ ДИПЛОМАТИИ*

Владимир Асхатович Хабибулин¹, Ольга Владимировна Хабибулина²

¹Дальневосточный федеральный университет, Восточный институт –
Школа региональных и международных исследований, 690922, Россия,
Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, vak2411@mail.ru

²Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа, 690922, Россия,
Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, hov.law@mail.ru

Аннотация. Г. П. Игнатьев (George Ignatieff), представитель известнейшей в истории России семьи Игнатьевых, – одна из ключевых фигур канадской дипломатии в 1950–1960 гг. В статье анализируются факторы, обусловившие блестящую дипломатическую карьеру русского канадца, представлены его мировоззрение, профессиональная и общественная деятельность. Это – первое в российской науке исследование жизнедеятельности Г. П. Игнатьева. Авторы пришли к следующим выводам: блестящая дипломатическая карьера была обусловлена стечением многих факторов и обстоятельств. При всех колебаниях внешнеполитического курса Канады, при всём том, что дипломат – человек инструкций, Г. П. Игнатьев не отказывался от своих принципиальных позиций, главной из которых было мирное разрешение всех конфликтов. Главным содержанием его дипломатической службы и общественной деятельности являлось миротворчество. Верно служа принявшей его семью Канаде, он всегда помнил свои исторические корни.

Ключевые слова: канадская дипломатия, Г. П. Игнатьев, НАТО, ООН, миротворчество, «реасемонгер», разоружение, мировоззрение, общественная деятельность, исторические корни.

Для цитирования: Хабибулин В. А., Хабибулина О. В. Г. П. Игнатьев – «The Making of a Peacemonger» канадской дипломатии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 159–173.
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/159-173>.

* © Хабибулин В. А., Хабибулина О. В., 2022

Original article

**G. P. IGNATIEFF – «THE MAKING OF A PEACEMONGER»
OF CANADIAN DIPLOMACY**

Vladimir A. Khabibulin¹, Olga V. Khabibulina²

¹ Far Eastern Federal University, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, 690922, Russia, Vladivostok, Fr. Russian, p. Ajax, 10, building D, vak2411@mail.ru

² Far Eastern Federal University, School of Law, 690922, Russia, Vladivostok, Fr. Russian, p. Ajax, 10, building Russia, Vladivostok, Fr. Russian, Ajax, 10, building D, hov.law@mail.ru

Abstract. George Ignatieff, the representative of the well-known, in the Russian history, Ignatieff's family – one of the key figures in the Canadian diplomacy in 1950–1960. Being highly valued in Canada, Ignatieff has not been reflected in the Russian historiography. The article analyzes many factors that resulted in his dazzling diplomatic career, as well as his world views, professional and social activities. The research contains the first analysis of Ignatieff's vital activity in the Russian science. The authors have come to the following conclusions: the dazzling diplomacy career was triggered by the coincidence of many circumstances and factors: when the Canadian Foreign Policy was unstable and diplomats had to work according to the official instructions, G.P. Ignatieff never gave up his principal positions of considering peacemaking to be the main purpose of diplomacy service. He was an indefatigable fighter for peace, for disarmament. G.P. Ignatieff loyally served Canada, the country that became a new motherland for him and his family; however, he never forgot his Russian origin.

Keywords: Canadian diplomacy, G. P. Ignatieff, NATO, United Nations, peacemaking, «peacemonger», disarmament, world outlook, social activities, history origin.

For citation: Khabibulin V. A., Khabibulina O. V. G. P. Ignatieff – «The Making of a Peacemonger» of Canadian diplomacy // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 159–173. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/159-173>.

Среди политических деятелей русского зарубежья особое место занимает Георгий Павлович Игнатъев – одна из ключевых фигур канадской дипломатии в 1950–1960-е гг., которые называют её «золотым периодом». Это были годы, когда Канада являлась автором многих уникальных международных инициа-

тив¹, признанным лидером в сфере действий по поддержанию мира², технической помощи и помощи на цели развития, а также в области прав человека³ и защиты окружающей среды. Канада выполняла особую роль в мировой политике – роль посредника в «умиротворении», разрешении международных и региональных кризисов, конфликтов и споров политическими методами⁴. Многие из предложенных ее представителями рекомендаций и подходов, были внедрены в практику ООН.

В последние два десятилетия Канада, ранее – «активный гражданин мира», политики и дипломаты которой принимали активное участие в строительстве послевоенной архитектуры мира, утрачивает роль значимого актора международных отношений⁵. Внешняя политика сошла с актуальной повестки дня. Наблюдается переориентация внешнеполитических приоритетов с глобальных целей на североамериканский вектор. Она занимает крайне жёсткую позицию в отношении с Россией, способствуя нагнетанию международной напряженности.

Ещё более усугубляет её международные позиции глубочайший кризис послевоенной системы международных отношений, принципов, норм международного права и дипломатии. Остроконфликтный процесс формирования новой их конструкции и наблюдаемая сегодня «игра без правил» актуализируют обращение к проблеме нравственности в политике и дипломатии. И хотя многие отрицают саму возможность применения категории «нравственность» к названным сферам деятельности, она, несомненно, применима к Георгию Павловичу, которого в Канаде оценивали как «совесть в дипломатии». Как никогда актуальна в условиях перманентно вспыхивающих по всему миру горячих точках и политика миротворчества. Одним из последовательных её приверженцев был «peacemonger» Г. П. Игнатьев.

¹ Л. Пирсону (в 1942–1947 гг. занимал руководящие посты в министерстве внешних дел; в 1948–1957 гг. – министр иностранных дел, 1963–1968 гг. – премьер-министр) принадлежит идея создания и использования миротворческих сил ООН по поддержанию мира в ходе Суэцкого кризиса 1956 г., за которую он был награжден Нобелевской премией мира. Его имя носит Международный центр по подготовке миротворцев, открытый в 1994 г. на бывшей военной базе в Новой Шотландии.

² В годы «холодной войны» канадские «голубые каски» принимали участие во всех без исключения операциях по поддержанию мира, составляя основу или значительную часть миротворческих сил ООН.

³ Дж. Хамфри в 1946 г. возглавил отдел Секретариата ООН по правам человека, участвовал в подготовке и принятии ключевых международных конвенций в области прав человека. Он – автор одного из черновых вариантов текста «Всеобщей декларации прав человека», сторонник принятия комплексного документа, включающего не только гражданские и политические, но также экономические, социальные и культурные права [1].

⁴ Миротворчество – одно из немногих направлений внешней политики, пользующихся устойчивой поддержкой канадцев. Активность и весомый вклад в сохранение мира далеко за пределами собственной страны являются предметом гордости канадцев. Возведённый в центре Оттавы памятник миротворцам и учреждённая специальная медаль за заслуги в таких операциях воспринимаются символами национальной самобытности.

⁵ Канада с 1948 г. по 2000 г. раз в каждое десятилетие на два года избиралась непостоянным членом Совета Безопасности ООН. С 2000 г. она не получала этот статус.

Актуальность данного исследования связана и с тем, что деятельность Г. П. Игнатьева, высоко оцениваемая в Канаде, не получила должного освещения в отечественной историографии русского зарубежья.

Семья Игнатьевых – одна из известнейших в истории России. Здесь есть ученые и дипломаты, военные и гражданские на службе российской монархии, предприниматели, губернаторы и руководители земств, члены организации Красного Креста в Первую мировую войну и послевоенное время. Среди предков Г. П. Игнатьева – великий полководец М. И. Кутузов, его бабушка была правнучкой Михаила Илларионовича [2]. Прадед Георгия Павловича – Павел Николаевич Игнатьев – генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1854–1861 гг.), председатель Комитета министров Российской империи (1872–1879 гг.). В 1877 г. он был возведён в графское достоинство, став родоначальником всех последующих графов Игнатьевых.

Заметный след в истории России оставил дед Георгия Павловича, граф Николай Павлович Игнатьев – выдающийся государственный и общественный деятель, дипломат, который участвовал в подготовке и подписал два важных для страны договора – Пекинский и Сан-Стефанский¹, министр внутренних дел Российской Империи, член Государственного совета [3].

Отец Георгия Павловича граф П. Н. Игнатьев владел поместьем Круподерницы недалеко от Киева, где внедрял передовые методы земледелия. В 1895 г. избран уездным предводителем дворянства. Был председателем Киевской губернской земской управы, губернатором Киевской губернии. Дальнейшая карьера его связана со столицей – директор департамента земледелия, министр сельского хозяйства, министр народного просвещения. Вследствие отклонения предложенных им реформ в системе образования подал прошение об отставке. Выйдя в отставку в январе 1917 г., он осенью того же года был избран почётным академиком Российской академии наук [3].

Дядя Георгия Павловича граф А. А. Игнатьев – полковник Генерального штаба; в 1908–1917 гг. – русский военный атташе в Париже, в Скандинавских странах. С 1917 г. – генерал-майор. После Октябрьской революции встал на сторону Советской власти и помог сохранить для СССР принадлежавшие России денежные средства, вложенные на его имя во французские банки. Работал в советском торгпредстве в Париже. С 1937 г. был инспектором и старшим инспектором по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА, начальником кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии. С октября 1942 г. – старший редактор Военного издательства НКО. Находясь с 1947 г. в отставке, занимался литературной деятельностью [4].

¹ В благодарность за большую общественную поддержку национального движения болгар, угнетённых Османской империей, и за организацию гуманитарной помощи для них в период Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), признательная тогда Болгария назвала в честь графа Игнатьева село Граф-Игнатиево. Имя «Граф Игнатиев» (так пишется его имя на болгарском языке) носят улицы, площади и учреждения в этой стране [4].

Не менее знатными и именитыми были предки матери Г. П. Игнатьева – фрейлины Натальи Мещерской. Она – внучка генерала П. И. Панина и Н. М. Карамзина – крупнейшего историка, поэта и писателя страны [3].

После Февральской революции П. Н. Игнатьев, среди других министров, был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств». Уже после этого, осенью 1917 г. Павел Николаевич был избран почётным академиком Российской академии наук¹, почётным членом Петроградского университета, Женского медицинского института, Пермского университета (открытого в его бытность министром), Императорского Московского технического общества.

В июле 1917 г. он вместе с семьёй переехал в Кисловодск. В октябре 1918 г. арестован ЧК в качестве заложника и отправлен в Пятигорск, однако освобождён по требованию Кисловодского совета в связи с заслугами в области народного образования.

Вскоре после занятия Северного Кавказа белыми частями в 1918 г. П. Н. Игнатьев с женой и пятью сыновьями покинули Россию. После нескольких месяцев скитаний они на некоторое время обосновались в Англии, купили молочную ферму на побережье графства Сассекс. В начале лета 1928 г. Игнатьевы переехали в Канаду [3].

Георгий Петрович Игнатьев (George Ignatieff)² родился в 1913 г., был самым младшим, пятым сыном в семье П. Н. Игнатьева. Георгий, как и его братья, осознавал финансовые проблемы семьи и пытался сам, хотя бы частично, оплачивать свою учёбу. Летом 1929 г. в возрасте 15 лет устроился лесорубом на Канадскую Тихоокеанскую железную дорогу. Обучаясь в учебных заведениях Канады (Toronto's Jarvis Collegiate Institute, University of Toronto) прилагал все усилия, чтобы добиться успеха. Ему удалось получить престижную Стипендию Родса³, обеспечившую возможность обучения в Оксфордском университете [5]. Он стал доктором философии. Его диссертация посвящена дипломатической деятельности графа Николая Игнатьева. В 1940 г. поступил на службу в министерство внешних дел Канады, став личным помощником Верховного комиссара в Лондоне Винсента Мэсси⁴ [6].

Его последующая карьера дипломата была обеспечена не только прекрасным образованием, блестящим умом, усердием, целеустремленностью. Были еще неко-

¹ В 1928 г. звание заочно лишён, посмертно восстановлен в 1990 г.

² Правила транслитерации, действующие в русском языке, требуют писать фамилию как Игнатьев. Однако в русском языке действует и другое правило: давно адаптированные слова можно фиксировать на основе традиционного, а не современного написания. Поскольку вестернизированное «Игнатьев» происходит от русского «Игнатьев», считаем возможным избрать для целей настоящей статьи традиционный вариант.

³ Стипендия учреждена в 1902 г. Сесилем Родсом для студентов из Британской империи, США и Германии; присуждалась за высокие академические способности, спортивные достижения, наличие лидерских качеств.

⁴ Винсент Мэсси был первым из канадцев, назначенным генерал-губернатором (1952–1959 гг.).

торые обстоятельства, которые помогли ему в начале карьеры. В 1944 г. он женился на Элисон Грант, представительнице двух известных семей Канады: Грантов и Мэсси, среди которых были историки, философы, руководители высших учебных заведений. Э. Грант была племянницей Винсента Мэсси. Кроме того, начав свою службу в министерстве внешних дел, он подружился с Л. Пирсоном, который оказывал поддержку молодому дипломату.

В 1946 г. Г. П. Игнатьев работал помощником генерала Э. МакНотона – дипломата, ученого, политика – представителя Канады в Комиссии по атомной энергии, учрежденной в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. Комиссия разрабатывала рекомендации по обмену основной научной информацией, контролю за атомной энергией для обеспечения ее использования в мирных целях, уничтожению атомного оружия и «по эффективным мерам инспекции и другим способам защиты участвующих государств от опасности нарушений и уклонений».

В 1947 г. Канада была избрана членом Совета Безопасности ООН. Её представителем в январе 1948 года назначен Э. Д. Л. МакНотон. Его заместителем стал Г. П. Игнатьев [7].

Молодой амбициозный дипломат страны, только в 1931 г. получившей суверенитет во внешнеполитической деятельности и стремительно «ворвавшейся» в политику послевоенного переустройства мира, сопровождавшегося острыми конфликтами и кризисами, с присущей ему целеустремленностью и энергией включился в процесс поиска моделей и методов их мирного разрешения. Именно за активную деятельность в ООН в попытках преодоления острых международных кризисов конца 1940-х – первой половины 1950-х гг. Г. П. Игнатьев был назван прессой ООН “*peacemonger*”, что он с гордостью использовал в названии автобиографической книги “*The Making of a Peacemonger*”, опубликованной в 1985 г.

Одним из них был военный конфликт в Индонезии. 17 августа 1945 г., после трёхлетней оккупации вооружёнными силами Японии, была провозглашена независимость страны. Становление суверенного государства сопровождалось вооружённой борьбой с голландцами, пытавшимися восстановить контроль над бывшей колонией. По инициативе Э. МакНотона и Г. П. Игнатьева в разрешении конфликта было использовано такое дипломатическое средство, как «добрые услуги»¹. Совет Безопасности ООН создал Комиссию добрых услуг для разрешения конфликта в Индонезии, в состав которой вошли представители Бельгии, Австралии и США² [7].

¹ «Добрые услуги» – совокупность международно-правовых норм, регулирующих деятельность третьих государств или международных организаций, осуществляемую по их собственной инициативе или по просьбе находящихся в споре государств, направленную на установление или возобновление непосредственных переговоров между государствами – сторонами в споре, в целях создания благоприятных условий для его мирного разрешения.

² По словам Eki Sjahrudin, посла Индонезии в Канаде, Э. МакНотона считают героем Индонезии, «...без Э. МакНотона наша борьба за независимость шла бы намного лет дольше» [7].

«Добрые услуги» были использованы Советом Безопасности ООН и в урегулировании индо-пакистанского конфликта 1 января 1948 г. Индия представила в Совет Безопасности ООН жалобу по поводу агрессии Пакистана в Кашмире. Были проведены консультации представителей Индии и Пакистана с председателем Совета Безопасности, в ходе которых было выдвинуто предложение о проведении в княжестве плебисцита и установлении на этот период «нейтральной» администрации. Комиссии ООН, включавшей представителей трех государств, поручалось предложить свои «добрые услуги» обоим правительствам с целью выполнения рекомендаций Совета, касавшихся восстановления мира и порядка и проведения плебисцита, которым должен был быть разрешён вопрос о присоединении Кашмира [8].

Комиссия ООН совместно с представителями сторон конфликта разработала Соглашение о прекращении огня в Кашмире, вступившее в силу 1 января 1949 г. Линия прекращения огня стала фактически линией раздела бывшего княжества. Северные и западные его районы оставались под юрисдикцией Пакистана через созданное им правительство «Азад Кашмир», большая его часть вошла в состав Индии в качестве штата Джамму и Кашмир. Однако гуманная инициатива мирового сообщества не нашла соответствующего отклика у противоборствующих сторон. Спор между Индией и Пакистаном о принадлежности Джамму и Кашмира стал поводом для трёх кровопролитных вооруженных конфликтов между двумя странами¹.

Значимой вехой дипломатической карьеры Г. П. Игнатьева стало его назначение представителем Канады в НАТО (1963–1966 гг.). Канада является одной из стран-учредителей Организации Североатлантического договора и активным ее членом. Формально процесс создания НАТО инициировала Палата общин Канады, которая в январе 1949 г. выдвинула предложение о формировании единой системы взаимной обороны, охватывающей страны Брюссельского договора и Северной Америки. Инициатива канадских парламентариев получила поддержку Палаты общин Великобритании.

Основной задачей организации, по заявлению премьер-министров этих стран У. Макензи Кинга и К. Эттли, должно стать предотвращение третьей мировой войны, которая казалась неизбежной в конце 1940-х гг. Политическое руководство Канады рассчитывало, что НАТО может быть противовесом США и обеспечить Оттаве некоторую свободу действий в отношениях с мощным южным соседом. Несмотря на тесное переплетение отношений с США в военной, политической и экономических областях, оно стремилась проводить самостоятельную политику внутри

¹ Более 70 лет продолжается унесший немало жизней индо-пакистанский конфликт. Стороны не могут прийти к согласию по статусу Кашмира, держа весь мир в заложниках своих внешнеполитических амбиций, угрожающих вылиться в полномасштабную войну с применением ядерного оружия. С января 1949 г. в Кашмире продолжается международная операция по поддержанию мира (развернута Группа военных наблюдателей ООН).

НАТО, настаивало обычно на более гибком подходе на переговорах и компромиссе со странами Варшавского договора. Пол Мартин-старший, госсекретарь по иностранным делам, считал, что Канада как страна «среднего ранга» должна в рамках альянса играть независимую роль. Вызовы 1960-х гг., по его мнению, ставили перед ней дилемму «обеспечить и безопасность, и согласие в Альянсе» [9].

Одним из фактов более взвешенного подхода в деятельности НАТО является позиция Канады относительно участия в создании многосторонних ядерных сил. План их использования разрабатывали США и ФРГ в 1964–1965 гг. Он предусматривал постройку флота в составе 25 надводных кораблей, замаскированных под торговые суда. Каждый корабль должен был нести восемь ракет «Поларис» с ядерными боеголовками и быть укомплектован смешанной командой, состоящей на треть из американцев и на две трети из военнослужащих других стран НАТО. Предполагалось, что две трети расходов в реализации этого плана возьмут на себя ФРГ и США. Пропорционально взносу должны были распределиться и голоса в специальном органе по руководству создаваемыми силами. Решение о применении ядерного оружия должно было приниматься простым большинством голосов.

В 1965 г. на американском эсминце «Клод Риккетс» была создана «опытная» смешанная команда. Но Канада, Франция, Дания, Норвегия, Исландия, Турция отказались участвовать в создании многосторонних ядерных сил НАТО. Таким образом, вопрос о создании многосторонних ядерных сил не получил своего решения.

Г. П. Игнатьев главным в деятельности Канады в Альянсе считал «удержание от враждебных действий» ..., «быть нейтральными ... и по отношению к США, и по отношению к СССР...». Необходимость сохранения членства в НАТО он аргументировал тем, что «Канада очень заинтересована в предотвращении Третьей мировой войны..., нам следует оставаться в Альянсе, потому что мы имеем право голоса» [10]. Георгий Павлович был в числе сторонников «цивилизации» (domesticating) НАТО [domesticating], преобразования её из военно-оборонительной организации (military defense organization) в инструмент мира (an instrument for peace).

В 1966 г. Г. П. Игнатьев вернулся в Нью-Йорк в качестве постоянного представителя Канады в ООН (1966–1969 гг.) и её представителя в Совете Безопасности, куда она вновь была избрана (1967–1968 гг.). В апреле 1967 г. и сентябре 1968 г. занимал пост председателя Совета Безопасности.

1960-е гг. были десятилетием острейших международных кризисов, ставивших мир на грань катастрофы, в том числе ядерной. Георгий Павлович, заняв один из наиболее высоких постов в дипломатической иерархии – посла в ООН, не только продолжал придерживаться позиции мирного их преодоления, но и делал для этого всё, что было возможно в его условиях.

Г. П. Игнатьев участвовал в урегулировании арабо-израильского конфликта в июне 1967 г., в разработке знаменитой резолюции № 242, единогласно принятой

Совбезом¹. Основные принципы мира между Израилем и арабскими странами, сформулированные в ней, он оценил как «предполагающие справедливое равенство обязательств обеих сторон» [11].

Одним из примеров его миротворческой деятельности было содействие в урегулировании весьма опасного, «на грани мировой войны», инцидента «Пуэбло». 21 января 1968 г. северокорейские траулеры обнаружили американский разведывательный корабль «Пуэбло». Официально он занимался изучением фауны морского дна. Реальной задачей был сбор информации в районе действия Тихоокеанского флота СССР. 23 января северокорейцы открыли огонь по американскому кораблю и заставили его войти в территориальные воды КНДР, где он был захвачен и отбуксирован в порт Вонсан.

24 января начались переговоры между представителями США и КНДР. Американская делегация настаивала на том, что корабль захвачен в международных водах, требовала извинений и немедленного возвращения экипажа и судна. В свою очередь, северокорейцы настаивали на извинениях за незаконный проход в территориальные воды КНДР разведывательного корабля. Компромисса достичь не удалось.

В тот же день посол США в Москве Л. Томпсон-младший вручил послание президента Л. Джонсона председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, в котором выражалась надежда на то, что Советское правительство использует всё своё влияние, чтобы убедить Пхеньян немедленно освободить «Пуэбло» и его команду. В ответном письме А. Н. Косыгина Л. Джонсону от 27 января советская сторона выразила неудовлетворение американскими действиями и заявила, что давление в отношении КНДР может осложнить урегулирование конфликта и предостерегла Л. Джонсона от принятия опрометчивых действий. Информация о письме Л. Джонсона и об ответе советского руководства на него была срочно направлена в Пхеньян. В комментариях к обмену посланиями советская сторона выражала надежду на то, что корейское руководство учтет все обстоятельства, которые могут толкнуть американскую сторону на опасные действия.

25 января представитель США в ООН А. Гольдберг официально обратился к председателю Совета Безопасности с просьбой о срочном созыве заседания Совета «для рассмотрения серьезной угрозы миру, созданной... серией...агрессивных действий властей Северной Кореи» [12].

Совет Безопасности на заседании, состоявшемся 27 января, несмотря на жесткую позицию представителя США, отложил рассмотрение вопроса, связанного с захватом «Пуэбло», чтобы «позволить членам Совета провести консультации» [13, с. 7]. А. Гольдберг предложил Г. П. Игнатьеву выяснить возможность переговоров с северокорейской стороной. Георгий Павлович провёл ряд встреч с предста-

¹ 6-дневная война, связанная с оккупацией Израилем египетской и сирийской территорий и палестинских территорий в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, включая Восточный Иерусалим.

вителями дипломатического корпуса социалистических стран, в том числе в неформальной обстановке, чтобы выяснить, какая из стран сможет представлять КНДР в ООН. Ему удалось договориться, что Северную Корею на переговорах будет представлять Венгрия [10].

Таким образом, усилиями Г. П. Игнатьева были созданы предварительные условия для переговоров между США и Северной Кореей. Сторонам удалось прийти к компромиссу: США согласились публично извиниться перед Северной Кореей в обмен на обещание её властей отпустить пленных американских моряков. Договор был подписан 23 декабря 1968 г., экипаж судна освобождён¹ [14].

Г. П. Игнатьев, считая ООН «значимым инструментом, способным обеспечить безопасность в мире», «лучшей надеждой человечества для безопасного и спокойного мира», выступал за усиление её роли в миротворческой деятельности и разоружении, в налаживании диалога между Востоком и Западом [6; 10].

В 1969 г. Георгий Павлович был назначен представителем Канады в Комитете 18 стран ООН по разоружению, работал во многих других ее специализированных агентствах в Женеве, где «должен был ежегодно мониторить более 4000 встреч с целью выявления их соответствия желаемому результату» [6]. Опыт работы в ООН Георгий Павлович считал лучшим в своей дипломатической карьере.

Он играл активную роль в разработке двух международных договоров: «Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения» (1971 г.), и «Конвенции о запрещении биологического и токсического оружия». Однако считал эти меры недостаточными, высказывался о необходимости запрещения всех ядерных испытаний и всего химического оружия.

В 1971 г. Г. П. Игнатьев получил предложение стать проректором Тринити-колледжа, его альма-матер. Он решил принять его и закончить политическую карьеру. Свою же миротворческую деятельность предполагал реализовать через неправительственные каналы, где мог открыто критиковать то, что считал неправильным или ошибочным в государственной политике.

Будучи проректором Тринити-колледжа (1972–1979 гг.) и ректором Университета Торонто (1980–1986 гг.), Г. П. Игнатьев много сил уделял миротворческой деятельности. В 1970-е гг. стал активным членом, заместителем председателя Канадского Пагуошского движения². По его инициативе в Тринити в мае 1978 г. про-

¹ Сам корабль остался в КНДР – одна из достопримечательностей её столицы, предмет национальной гордости северных корейцев.

² Пагуошское движение зародилось в 1955 г., когда 11 всемирно известных учёных выступили с манифестом, в котором призвали созвать конференцию против использования ядерной энергии военных целях. Движение получило название от канадского местечка Пагуош (провинция Новая Шотландия), где 7–10 июля 1957 г. состоялась первая встреча учёных. Последняя – 39-я – проходила в конце июля 1989 г. в Кембридже (США). На ней присутствовали более 200 деятелей науки, политиков, представителей правительственных и общественных организаций из 42 стран мира.

шёл первый в Канаде 30-й Международный симпозиум этого движения «Опасности ядерной войны». В 1979 г. возглавил первую канадскую Пагуошскую конференцию научных сообществ в университете Саскачевана [6].

В 1979 г. стал президентом «Ассоциации содействия ООН в Канаде». В 1980 г. совместно с Королевским обществом Канады и Канадским Пагуошским движением организовал симпозиум по теме «Выживание в ядерный век» (Монреаль). В январе 1981 г. при поддержке Канадского Пагуошского движения была создана организация «Наука ради мира». Г. П. Игнатьев стал её президентом, впоследствии – первым почётным президентом. Он участвовал в подготовке 31-й Международной Пагуошской конференции, которая также была проведена в Канаде (Банф, провинция Альберта), в торжественном заседании участников движения в Пагуоше в 1981 г., посвященном его 25-й годовщине. В 1987 г. стал первым канадцем, избранным членом Пагуошского Совета. На 39-й Международной конференции Пагуошского движения в Кембридже (США, штат Массачусетс, 1989 г.) выступил с докладом о роли ООН.

В выступлениях на симпозиумах и конференциях он горячо отстаивал необходимость контроля над вооружениями, прежде всего ядерного, критиковал оборонную политику канадского правительства. Г. П. Игнатьев и его единомышленники убеждали канадское правительство в необходимости принятия конкретных мер и действий в сфере безопасности. Важнейшими из них они считали: поддержку замораживания ядерных испытаний, производства и развертывания ядерного оружия; участие в переговорах о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и сокращении стратегических вооружений; поддержку запрета на разработку и развертывание противоспутникового оружия, всех космических вооружений; поддержку международной спутниковой системы мониторинга в рамках ООН; принятие инициативы Канады по укреплению ООН и т. д. [6].

По роду своей деятельности Г. П. Игнатьев часто встречался с советскими дипломатами и государственными деятелями и общался с ними на русском языке. В 1955 г. он в составе официальной канадской делегации, возглавляемой министром иностранных дел Л. Пирсоном, приезжал в СССР¹. Н. С. Хрущев отнёсся к нему с большой симпатией, называл «русским канадцем», предложил ему вернуться на родину и продолжить блестящую дипломатическую службу его деда (и служить ей, как его знаменитые предки).

После отставки Г. П. Игнатьева его встречи с советскими дипломатами в Канаде, как отмечал посол СССР А. А. Родионов, стали регулярными. Георгий Павлович проявлял интерес к изменениям в СССР в годы перестройки [2]. Он горячо от-

¹ Важным результатом визита Л. Пирсона стало подписание соглашения об экспорте в СССР канадского зерна (советско-канадское Торговое соглашение 1956 г.). Этот документ многократно продлевался и стал базисом в развитии экономических отношений между Россией и Канадой. В 1957 г. Советский Союз стал одним из главных импортёров канадского зерна. В свою очередь Канада начала закупать в СССР металлическую руду и химические удобрения.

стаивал необходимость прекращения гонки вооружений, испытаний новых видов ядерного оружия, улучшения отношений между Востоком и Западом, поиска новых методов и стратегии сотрудничества. По его мнению, Канада должны работать по созданию центра оперативной связи между ними, центра кризисного управления, что приведёт к сокращению напряженности и укрепления доверия. В 1986 г. он вместе с сыном Майклом посетил Москву, Санкт-Петербург, Киев. Им была передана Музеем-панораме «Бородинская битва» семейная реликвия – уникальный альбом «Военная галерея 1812 года». Ценность издания в том, что печаталось оно небольшим тиражом к 100-летию Отечественной войны 1812 г. Получили его только потомки военачальников, чьи портреты украшают галерею. На альбоме есть дарственная надпись, сделанная Николаем II: «Достойным потомкам доблестных предков. Николай».

«Своим даром я выполняю долг перед защитниками Отечества, – говорил на церемонии Г. П. Игнатьев. – Вручаю музею альбом в память о моём великом предке М. И. Кутузове, хочу, чтобы эта семейная реликвия напоминала: начать войну легко, закончить гораздо труднее. Особенно, если захватчики столкнутся со стойкостью и храбростью таких русских воинов, как те, что защитили Родину во время наполеоновского нашествия. Я рад, что этот мой приезд в Москву совпал с великими инициативами Советской страны – прекращением испытаний ядерного оружия. В мире, где есть голод, болезни, нищета, тратить огромные средства на поиски новых способов уничтожения – безумие... Канада находится между двумя великими державами, которые владеют ядерным оружием. И советский мораторий мы можем только приветствовать, и как Действие, и как Шанс, которого мы все ждали» [2].

Таким образом, русский канадец Г. П. Игнатьев свою профессиональную и общественную деятельность посвятил миротворчеству. Его блестящая дипломатическая карьера была обусловлена прекрасным образованием, целеустремлённостью, знакомством и родственными связями с представителями канадской элиты. Кроме того, начало его дипломатической работы пришлось на послевоенный период строительства нового миропорядка, который, как многие считали, в том числе и среди канадских политиков, должен быть мирным, справедливым и демократичным. Используя английское выражение, Георгий Павлович оказался «тем самым человеком, в том самом месте, в то самое время». Был ещё один фактор, оказавший, несомненно, мощное воздействие на его мировоззрение и деятельность, – его исторические корни.

Повседневная кропотливая дипломатическая служба, требующая огромного багажа знаний, выдержки, такта («надо два раза подумать, чтобы сказать нет»), – не публична. Большая часть работы дипломата не является достоянием гласности. Как отмечал Георгий Павлович, «успешная дипломатия должна делаться тихо, без яркого света, чтобы сформировать общую платформу между партнёрами по конфронтации» [10].

Дипломатическую и общественную деятельность Г. П. Игнатьева, направленную на предотвращение конфликтов и поддержание мира, высоко оценивали коллеги, представители общественности. Его называли «великим канадцем, великим гражданином мира, гуманистом», «мудрым, сердечным, чувствительным человеком с хорошим чувством юмора... Блестящая комбинация интеллекта и твёрдости духа» [15]. При всех колебаниях внешнеполитического курса Канады, при всём том, что дипломат – человек инструкций, Георгий Павлович не отказывался от своих принципиальных позиций, главной из которых было миротворчество.

За десятилетия безупречной дипломатической службы Г. П. Игнатьев в 1973 г. получил высшую гражданскую награду страны – Орден Канады, в 1984 г. – медаль им. Л. Пирсона¹. Имел почётные степени 8 канадских вузов [16]².

Особенностью всех предков Г. П. Игнатьева было беззаветное служение России на различных военных, дипломатических, административных и культурно-просветительных и общественных должностях. Георгий Павлович верно служил принявшей его Канаде, но всегда помнил свои исторические корни, так как, по его словам, «лишь чувство неразрывной связи со своими предками, своим народом, Родиной и способно наполнить смыслом наш жизненный путь».

Список литературы

1. Агеева И. А. Джон Хамфри и Советский Союз // Канадский ежегодник. 2015. Вып. 19. С. 18–47.
2. Родионов А. СССР – Канада. Записки последнего советского посла. М. : Алгоритм, 2007. 250 с.
3. Ignatieff M. The Russian album. London, 1987. 119 p.
4. Соков И. А. Русские корни лидера канадских либералов Майкла Игнатьефа // Россия и современный мир. 2011. № 3. С. 214–220.
5. Basen I. The Ignatieff family and «the immigrant dream». URL: <http://www.cbc.ca/news2/politics/canadavotes2011/realitycheck/2011/04/the-ignatieff-family-and-the-immigrant-dream.html>.
6. Epstein W. In Memoriam: George Ignatieff. URL: <http://scienceforpeace.ca/in-memoriam-george-ignatieff>.
7. Biography of General A.G.L. McNaughton. URL: <https://www.ieee.ca/en/awards/member-awards/biography-a-g-l-mcnaughton/>.
8. Совет Безопасности ООН. Документы. Резолюции Совета Безопасности [1948]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/documents>.

¹ По неофициальным данным, в 1979 г. королева Елизавета II предложила кандидатуру Г. П. Игнатьева на должность генерал-губернатора Канады, но этому назначению воспрепятствовал премьер-министр Канады П. Трюдо.

² Георгий Павлович Игнатьев скончался 10 августа 1989 г. в Торонто.

9. Locher A., Nuenlist C. Reinventing NATO: Canada and the Multilateralization of Detente, 1962–1966. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-506536511/reinventing-nato-canada-and-the-multilateralization>.

10. George Ignatieff. Interview by Alex Dickman. URL: <http://peacemagazine.org/archive/v05n5p18.htm>.

11. Резолюции Совета Безопасности ООН. 1967. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1967>.

12. Письмо постоянного представителя США от 25 января 1968 г. на имя председателя Совета Безопасности. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/INF/23/Rev.1>.

13. Жалоба Соединенных Штатов Америки относительно судна «Пуэбло» // Резолюции и решения Совета безопасности за 1968 г. Нью-Йорк, 1983. С. 7. Rev. 1. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1>.

14. Розин А. Обострение обстановки на Дальнем Востоке в конце 60-х годов. URL: <http://alerozin.narod.ru/distan.htm>.

15. Douglas R. Farewell to a Peacemonger. URL: <http://scienceforpeace.ca/in-memoriam-george-ignatieff-1>.

16. George Ignatieff. URL: http://research.omisgroup.org/index.php/George_Ignatieff.

Информация об авторах

В. А. Хабибулин – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

О. В. Хабибулина – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

References

1. Ageeva I. A. John Humphrey and the Soviet Union. *Kanadskii ezhegodnik*, 2015, iss. 19, pp. 18–47. (In Russ.).

2. Rodionov A. *USSR – Canada. Notes of the last Soviet ambassador*. Moscow: Algoritm Publ., 2007. 250 p. (In Russ.).

3. Ignatieff M. *The Russian album*. London, 1987. 119 p.

4. Sokov I. A. Russian roots of the leader of Canadian liberals Michael Ignatieff. *Rossiya i sovremenniy mir*, 2011, no. 3, pp. 214–220. (In Russ.).

5. Basen I. *The Ignatieff family and “the immigrant dream”*. URL: <http://www.cbc.ca/news2/politics/canadavotes2011/realitycheck/2011/04/the-ignatieff-family-and-the-immigrant-dream.html>. (In Russ.).

6. Epstein W. *In Memoriam: George Ignatieff*. URL: <http://scienceforpeace.ca/in-memoriam-george-ignatieff>.
7. *Biography of General A.G.L. McNaughton*. URL: <https://www.iece.ca/en/awards/member-awards/biography-a-g-l-mcnaughton/>.
8. UN Security Council. *The documents. Security Council Resolutions 1948*. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/en/content/documents>. (In Russ.).
9. Locher A., Nuenlist C. *Reinventing NATO: Canada and the Multilateralization of Detente, 1962–1966*. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-506536511/reinventing-nato-canada-and-the-multilateralization>.
10. *George Ignatieff. Interview by Alex Dickman*. URL: <http://peacemagazine.org/archive/v05n5p18.htm>.
11. *Resolutions of the UN Security Council in 1967*. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1967>. (In Russ.).
12. *Letter dated 25 January 1968 from the Permanent Representative of the United States addressed to the President of the Security Council*. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/S/INF/23/Rev.1>. (In Russ.).
13. Complaint by the United States of America concerning the Pueblo. *Resolutions and decisions of the Security Council for 1968*. New York, 1983. P. 7. Rev. 1. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1>. (In Russ.).
14. Rozin A. *Aggravation of the situation in the Far East in the late 60s*. URL: <http://alerozin.narod.ru/distan.htm>. (In Russ.).
15. Douglas R. *Farewell to a Peacemonger*. URL: <http://scienceforpeace.ca/in-memoriam-george-ignatieff-1>.
16. *George Ignatieff*. URL: [http://research.omisgroup.org/index.php/George Ignatieff](http://research.omisgroup.org/index.php/George_Ignatieff).

Information about the authors

V. A. Khabibulin – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of International Studies, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

O. V. Khabibulina – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 174–183.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 174–183.

ПРАВО

Научная статья

УДК 340.11:316

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/174-183>

ПРАВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Вадим Викторович Антонченко

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, 690922 Россия, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 27, antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>,
Researcher ID: AAB-4863-2022

Аннотация. Статья посвящена праву как инструменту разрешения социальных проблем, обеспечения общественных интересов и соотношения их с интересами политической элиты. Проблема формирования интегративного общественного интереса и обеспечивающей его системы права и законодательства сегодня приобретает особую актуальность. Осознание и защита общественных интересов, строительство гражданского общества, обеспечение прав человека, демократических свобод и социальной справедливости напрямую зависят от роли и места права в государстве. По мнению автора, государства, применяющие в своей практике насилие над мыслями, социально-утопические представления и эксплуатацию национально-религиозных эмоций, не могут являться сильными и стабильными. Торжество же правовых ценностей, обеспечивающих свободу, равенство и справедливость через позитивный потенциал права, является условием возможности социального прогресса общества. Только правовые демократические государства, воплощающие в своём законодательстве истинные и значимые для общества ценности и реально достигающие их в повседневной правовой действительности, имеют историческое будущее.

Ключевые слова: государство, право, сущность права, законодательство, власть, демократия, общество, общественные интересы, правовые ценности, правящие элиты, классы, политика, стабильность, управление, прогресс, цивилизация.

Для цитирования: Антонченко В. В. Право и общественные интересы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 174–183. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/174-183>.

LAW

Original article

LAW AND PUBLIC INTERESTS

Vadim V. Antonchenko, Far Eastern Fire and Rescue Academy is a branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 690922 Russia, Vladivostok, Fr. Russian, p. Ajax, 27, antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>, Researcher ID: AAB-4863-2022

Abstract. The article is devoted to law as a tool for solving social problems, ensuring public interests and their correlation with the interests of the political elite. The problem of formation of integrative public interest and the system of law and legislation that ensures it is becoming particularly relevant today. Awareness and protection of public interests, building of civil society, ensuring human rights, democratic freedoms and social justice directly depends on the role and place of law in the state. According to the author, the states that use violence against views, socio-utopian ideas and exploitation of national and religious emotions in their practice cannot be strong and stable. The triumph of legal values that ensure freedom, equality and justice through the positive potential of law is a condition for the possibility of social progress of society. Only legal democratic states that embody true and significant values for society in their legislation, and actually achieve them in everyday legal reality, have a historical future.

Keywords: state, law, essence of law, legislation, government, democracy, society, public interests, legal values, ruling elites, classes, politics, stability, governance, progress, civilization.

For citation: Antonchenko V. V. Law and public interests // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 25, no. 1. P. 174–183. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/174-183>.

Проблемы государства и права, правопонимания, правовых ценностей и общественных интересов продолжают находиться в центре внимания юридических наук, несмотря на все усилия, приложенные к их разрешению юристами и филосо-

фами с древних эпох до наших дней. Возможно ли будет когда-нибудь решить эти проблемы окончательно? Ведь даже исчерпывающее определение права как такового дать затруднительно. И дело не только в том, что, как писал В. И. Ленин: «Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах» [6, с. 216]. Общество, не придя к единому согласию в том, что же такое право вообще – искусство добра и справедливости (Цельс) или защищённый государством интерес (Рудольф фон Иеринг), сталкивается с проблемами и в повседневной правовой действительности, и, гораздо шире, в своём цивилизационном развитии.

В своём большинстве учёные сходятся во мнении о том, что сущностью права является совокупность нормативных правовых предписаний различного свойства и уровня [5]. Однако тип правопонимания зависит от ответа на крайне политизированный вопрос о том, чьи интересы и волю оно должно выражать и реально выражает в конкретном государстве в известный исторический период. Интерпретатором этот вопрос разрешается в зависимости от политического заказа на правовой результат, также имеющийся в конкретной обстановке в определённый период времени. Та или иная искомая цель, стоящая перед субъектами правоотношений, изначально влияет на поставленные выше вопросы.

Но кто формирует вышеупомянутый политический заказ? Безусловно, общество через своих лучших представителей, отличающихся исключительными интеллектуальными качествами и имеющими высокий моральный авторитет, может влиять на политические и правовые процессы; однако, во-первых, такие представители, являясь частью общества, так же как и остальные граждане, подвержены воздействию официальной идеологии и политики; а, во-вторых, их влияние в странах, не обладающих сильными демократическими и правовыми традициями, в той или иной степени контролируется государством.

Развивая идею Г. Моргентау о том, что политика является автономной сферой деятельности и её необходимо понимать отдельно от других сфер [10], стоит признать, что политические и правовые вопросы находятся в ведении относительно небольшого количества людей, профессионально занимающихся этой деятельностью и составляющих в обществе определённый и обособленный привилегированный класс, называемый правящим. Именно интересы правящего класса, его групповые ценности служат, как правило, источником проектирования общественных интересов, которые становятся ориентиром для формирования соответствующего законодательства.

Господствующее в советское время определение права как системы (порядка) общественных отношений, соответствующей интересам господствующего класса и охраняемой организованной его силой, было основано на материалистическом и классовом понимании данного феномена человеческой цивилизации. Говоря о том, что право – это система общеобязательных, формально определённых правил поведения, закреплённых в официальных правовых актах, поддерживаемых силой

государственного принуждения, мы продолжаем сознать его реальную связь с «волей господствующих классов». Однако сегодня это осознание является уже не частью марксистско-ленинской критики буржуазного строя, подлежащего слому, а осмыслением реальной политико-правовой данности и повседневной проблемой, которую так или иначе следует решать.

Правовая система государства всегда характеризуется конкретно-историческими условиями, существующими в стране. Законодательство обуславливает политико-юридическую практику и носит, как говорили классики марксизма-ленинизма, классовый характер. Вряд ли может вызывать споры положение о том, что система законодательства формируется конкретными людьми (группами людей), которые имеют в этом процессе свой интерес.

Повседневная практическая деятельность административных, регулирующих, контролирующих правоохранительных органов, т. е. то, что мы называем правоприменением, также выражает волю, а значит и интерес лиц, относящихся к властной политической элите. Этот интерес может быть меркантильным стремлением к материальной (коммерческой, финансовой) выгоде, а может следовать определённой идеологии как поведенческой основы системы политического управления [9].

Общество в любом государстве далеко не однородно, оно состоит из различных больших и малых групп людей, отличающихся между собой не только этнически, но и по отношению к средствам производства (классов), принадлежности к конфессиям, месту проживания (город – село), уровню доходов, уровню образования и проч. Кроме того, люди имеют различные политические (и иные) взгляды и по этому признаку объединяются в политические партии, общественные объединения, профессиональные союзы и т. п. У каждой из социальных страт, отличающихся особыми характеристиками и признаками, имеются свои интересы, которые нередко идут вразрез с интересами других групп. При этом политику в стране осуществляет (через принятие законодательных актов) относительно немногочисленная группа людей, занимающих руководящие посты в органах государственной власти, т. е. те, кого принято называть политической элитой. В большинстве современных государств воля этих людей, объективированная в законах, позволяет им пользоваться социальными благами, не являющимися доступными для подавляющей части общества; однако именно они определяют, в чём состоит общественный интерес на той территории, на которую распространяется их власть.

Несмотря на различие, и даже противопоставление, интересов разных классов, социальных групп и отдельных личностей, надгрупповые общественные интересы всё-таки существуют реально и объективно. Благодаря общности условий существования и наличию коммуникаций между разными социальными слоями и группами, вся совокупность людей, проживающих на одной территории, называемая обществом, представляет собой целостную систему, элементы которой взаимно

влияют друг на друга и взаимообуславливают условия своего существования. Это обстоятельство детерминирует наличие общесоциальных интересов даже в праве древних государств. Однако именно соотношение интересов политически доминирующего (по К. Марксу – экономически господствующего) класса и потребностей всего общества может свидетельствовать о том, как далеко продвинулось общество и государство в своем цивилизационном развитии.

Интегративные потребности, сформировавшиеся в результате взаимодействия всех субъектов общества как сложной социальной системы, – суть понятия «общественные интересы», – всегда употребляются в контексте с нравственными понятиями морали, справедливости и связаны с обеспечением безопасности, благополучия и устойчивого развития всего общества.

От степени совпадения интересов правящей политической элиты, выраженных в нормах действующего законодательства и охраняемых государством, и интересов всего общества зависит уровень процветания и стабильности государства. Это является фактором того, что доля общесоциальных интересов в праве развитых государств с течением времени всё значительней начинает преобладать над долей узкогрупповых, клановых. Получив однажды по тем или иным причинам это преимущество, такие государства смогли не только исторически выжить, но и успешнее, в сравнении с иными, развиваться.

Другим фактором увеличения доли общесоциальных интересов в праве и правовой культуре является отстаивание их самим обществом, давление масс «снизу», которое вряд ли можно успешно игнорировать «наверху». Иными словами, перераспределение соотношения выражаемых правом интересов элит и народа – процесс вынужденный; недаром история человечества – это история восстаний, бунтов, мятежей и революций, меняющих облик государств, а иногда и вовсе сметающих их с лица Земли.

Недемократические государства, не ставящие во главу своей политики общественные интересы, могут демонстрировать свою эффективность, но лишь на исторически коротком временном интервале. Подмена реальных общественных интересов личными, узкогрупповыми либо мнимыми, основанными на религиозных, идеологических и подобных им догмах, дифференцирует общество и порождает острые социальные противоречия.

Общественные отношения в таких системах регулируются государственным принуждением и идеологическим давлением, что неизбежно приводит к политической пассивности населения. Рассматривая людей как ресурс для достижения своих целей, государство в лице правящего политического класса и само неминуемо теряет в глазах населения свою ценность и привлекательность.

Более того, настроение масс неизбежно передаётся и правящему слою, который вовсе не является единодушным как в своих интересах, так и в понимании пу-

тей их реализации. В подобной ситуации элиты, формировавшие политико-правовое пространство для достижения исключительно своих целей и интересов, обнаруживают, как правило, свою полную некомпетентность и беспомощность. Разоблачённые, они уже не в состоянии провозглашать свои личные или узкогрупповые интересы как общественные, национальные. У государства же, сосредоточившего в своих руках все материальные и нематериальные ресурсы, не остаётся иных средств, на которые оно могло бы опереться при столкновении с трудностями; рассчитывать ему больше не на что [4]. Это обстоятельство становится основным триггером, запускающим программу разрушения существующих общественных отношений, которая становится трагедией для общества и может повлечь за собой не только падение уровня доходов, безработицу, разгул преступности, но и распад государства, сопровождаемый гибелью миллионов людей. «В России сейчас всё делается, чтобы погубить Россию. Каждый шаг правительства направлен к этому. Кажется, ещё никогда не было такого развала внутри страны, как сейчас. Наверное, это всё разрешится в ближайшем будущем, и разрешится, конечно, катастрофой» – так, например, описывала ситуацию княгиня Е. Сайн-Витгенштейн в 1916 г. [8, с. 77].

В демократических правовых государствах, где существует развитое гражданское общество, различия интересов общества и власти представляются минимальными; гражданское общество накладывает ограничения на формулирование интересов правящего класса как всеобщих. Такие общественные системы отличаются большей стабильностью, так как государство осознаёт свою заинтересованность в наличии сильного гражданского общества; последнее, в свою очередь, берёт на себя некоторые государственные функции по упорядочиванию общественных отношений, разрешению противоречивых интересов, поддержанию правопорядка и служит, таким образом, серьёзным государственным ресурсом.

Гражданское общество, в силу своего определения, обеспечивает и защищает истинные общественные интересы. Уравновешивая государственные возможности принуждения, не допуская произвола, гражданское общество обеспечивает демократические свободы и, одновременно, является опорой действующей власти, поскольку властные установления, поддерживаемые гражданским обществом, получают дополнительную легитимацию.

Существует мнение, что технический прогресс и развитие общественных отношений неизбежно влекут за собой демократизацию общества, господство права, верховенство закона и гармонизацию законодательства. Несмотря на действительно имеющий место прогресс человеческой культуры и мировой цивилизации, гуманизацию взглядов и правил поведения, с этим вряд ли можно согласиться. Так, в просвещённом XX веке в передовых государствах Европы и Азии – Германии, Италии, Японии – возникли чудовищные режимы, пользовавшиеся поддержкой своих

народов, воспринявших откровенно преступные идеи правящей элиты как общенациональные интересы.

Мировая глобализация и технологический прогресс не обеспечивают государствам гарантий от сползания их к бедности, отсталости и различным формам авторитаризма, а современные технологии в сфере информации и массовых коммуникаций позволяют гораздо более эффективно, чем в прошлые времена, представлять обществу личные и узкогрупповые интересы как общественные и национальные. Чем дальше от демократических и правовых принципов политическая реальность, тем острее социальное неравенство, тем значительнее имущественное расслоение.

В России XIX в. общественные интересы определялись предложенной министром народного просвещения С. С. Уваровым теорией «официальной народности» через формулу «православие – самодержавие – народность» [3]. Данная триада, противопоставлявшаяся лозунгу Великой французской революции «свобода – равенство – братство», предполагала единение политических сил, выступающих за уникальный путь развития государства. Идея самобытности исторического развития России, призванная обеспечить стабильность в государстве, оказалась ложной, в связи с чем и была уничтожена вместе с взявшими её на вооружение ультраправыми политиками, самодержавием и самим государством в 1917 г.

В советское время общественный интерес представлялся в виде построения первого в мире социалистического государства с его дальнейшим движением к коммунизму. Коллективизм во всех сторонах общественной жизни был провозглашён главным инструментом построения процветающего общества. Однако доверие общества к правящему классу и государству во многом было следствием беспрецедентной пропаганды. Оптимизм и убеждённость в верности правящего курса, обеспечивающего благополучие страны, особенно характерные для периода так называемой «оттепели» середины 50-х – первой половины 60-х гг. XX в., сменились глубоким разочарованием в 90-е [2]. Правящий политический класс, не учитывая реальные потребности общества и граждан, связал причины изменения в общественном сознании не с ложностью провозглашённых интересов, а с влиянием буржуазной идеологии и антисоветскими действиями иностранных агентов. В результате насажденный методами пропаганды и насилия над обществом социализм как идеология также потерпел крах вместе с государством в 1991 г.

В последнее время в среде учёных-юристов появилось мнение, что правовая система России переживает период кризиса, связанный с ухудшением правового климата, снижением безопасности граждан, в том числе повышением их незащищённости от неправомерных действий самого государства, нарушающего им же установленные правовые нормы. Сегодня, когда религиозные и социально-утопические представления вряд ли могут быть положены в основу декларируемых общественных интересов, утверждается понимание того, что разрешение практиче-

ских вопросов правовой действительности возможно лишь после достижения гражданами и государством в лице правящей политической элиты консенсуса по основному концептуальному вопросу соотношения государственной власти и права.

Как показывает вся история человеческой цивилизации, реальные общественные интересы напрямую связаны со сферой обеспечения и защиты прав человека и гражданина, понятиями равенства, справедливости и гуманизма. В 2001 г. в связи с выходом русского издания книги «Правовая защита общественных интересов: Работа общественных организаций при поддержке Фонда Форда. Международный опыт» в России введено в оборот понятие «право общественных интересов» [7]. Сегодня данное понятие используется для определения самых разных направлений деятельности юридического (и не только) сообщества, общественных организаций, инициативных граждан по представлению интересов уязвимых социальных групп и достижению значимых социальных целей, таких как защита окружающей среды, защита гражданских прав, прав детей, маломобильных граждан и т. д. Государство в лице правящей политической элиты, поддерживающее эту сферу деятельности, имеет шансы избежать многих дисфункций в социальной жизни, конфликтов и противоречий между социальными группами. Такое общество будет более стабильным, а государство более устойчивым.

Не подкреплённое силой государства право перестаёт быть таковым. В свою очередь неправовое государство, не учитывающее интересы общества и граждан, несмотря на всё своё кажущееся могущество, является крайне неустойчивым. В таком государстве власть, выйдя за пределы юридических рамок, перестаёт удовлетворять и общество, и (в неизвестный, но неизбежный момент) саму правящую политическую элиту, которая, в отсутствие эффективной правовой системы, также понимает свою незащищённость. Находясь во взаимосвязи и обуславливая существование друг друга, государство и право являются в известной степени антагонистами. По словам С. С. Алексеева, право существует и развивается в известном противоборстве с государством; оно – мощный антитоталитарный фактор [1].

Едва ли можно найти на Земле место, где люди живут не под юрисдикцией какого-либо государства; государство и цивилизованное сообщество людей – неразрывно связанные понятия. В современном мире только государство способно обеспечить реализацию солидарных интересов всех его граждан. В свою очередь, только право, наполненное идеалами гуманизма, свободы, равенства и справедливости как непосредственно действующими, учитывающее подлинные общественные интересы и, за счёт этого, придающее дополнительную легитимацию государственной власти, может обеспечить ее ценностное обоснование и стабильность.

Сегодня вряд ли можно назвать правовыми большинство государств; не многие страны отличаются высоким уровнем правовой культуры населения и его активным участием в управлении. Будет ли эволюция ведущих правовых систем под

влиянием изменяющихся общественных отношений сокращать разрыв между позитивным правом, отражённым в законодательстве, и общеправовыми принципами и идеями? Сейчас непросто ответить на этот вопрос; представляется, что сложное понятие правопонимания в будущем ещё более усложнится. Однако уже сейчас представляется очевидным, что правовые институты, не имеющие должной поддержки со стороны общественного сознания, слабы и неэффективны, а историческое будущее есть только у государств, воплощающих в своём праве и деятельности истинные, значимые и важные для общества ценности.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 3–11.
2. Бокова Я. М. Эволюция общественных настроений и массового сознания советского общества в середине 50-х – первой половине 60-х гг. XX века // Исторические исследования : материалы III Междунар. науч. конф. Казань : Бук, 2015. С. 41–45.
3. Гайда Ф. А. Идея нации в триаде графа С. С. Уварова // Вопросы национализма. 2021. № 33. С. 155–162.
4. Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. М. ; Л., 1929–1959.
5. Кашанина Т. В. Сущность и содержание права: дифференцированный подход // Lex Russica. 2011. № 5. С. 874–889.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Москва, 1981. Т. 29. 801 с.
7. Правовая защита общественных интересов: Работа общественных организаций при поддержке Фонда Форда. Международный опыт. М. : Юристъ, 2001. 222 с.
8. Сайн-Витгенштейн Е., кн. Дневник. 1914–1918 гг. / Всеросс. мемуарная библиотека. Paris : YMKA-PRESS, 1986. 314 с.
9. Филянина И. М. Политическое управление: социально-правовой анализ : монография. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2009. 150 с.
10. Morgenthau H. J. Politics among nations: the struggle for power and peace. Fifth edition, revised (New York: Alfred A. Knopf, 1978, pp. 4-15). URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.74487>.

Сведения об авторе

В. В. Антонченко – кандидат юридических наук, заместитель начальника по учебно-научной работе Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Владивосток, Россия.

References

1. Alekseev S. S. Pravo: time for new approaches. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1991, no. 2, pp. 3–11. (In Russ.).
2. Bokova J. M. the Evolution of public sentiment and mass consciousness of Soviet society in the mid-50s, the first half of the 60-ies of XX century. *Istoricheskie issledovaniya: materials of the III international. nauch. Conf.* Kazan: Buk Publ., 2015, pp. 41–45. (In Russ.).
3. Gaida F. A. The idea of a nation in the triad of Count S. S. Uvarov. *Voprosy natsionalizma*, 2021, no. 33, pp. 155–162. (In Russ.).
4. Hegel G. V. F. *Writings*: in 14 vol. Moscow; Leningrad, 1929–1959. (In Russ.).
5. Kashanina T. The Nature and content of law: a differentiated approach. *Lex Russica*, 2011, no. 5, pp. 874–889. (In Russ.).
6. Lenin V. I. *Full collection of writings*. Moscow, 1968. Vol. 29. 801 p. (In Russ.).
7. *The legal protection of the public interest: the public life with the support of the Ford Foundation. International experience*. Moscow: Yurist" Publ., 2001. 222 p. (In Russ.).
8. Sayn-Wittgenstein E. *Diary, 1914–1918*. All-Russian. Memoir Library Paris: YMKA-PRESS, 1986. 314 p. (In Russ.).
9. Filyanina I. M. *Political management: socio-legal analysis*: monograph. Khabarovsk: Publishing House of DVGUPS, 2009. 150 p. (In Russ.).
10. Morgenthau H. J. *Politics among nations: the struggle for power and peace* Fifth edition, revised (New York: Alfred A. Knopf, 1978, pp. 4–15). URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.74487>.

Information about the author

V. V. Antonchenko – Candidate of Law, Deputy Head for Educational and Scientific Work of the Far Eastern Fire and Rescue Academy – a branch of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 184–194.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 184–194.

Научная статья

УДК [34:33]:004

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/184-194>

СДВИГ ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Артур Георгиевич Кравченко

Дальневосточный федеральный университет, 690922, Россия, г. Владивосток,
о. Русский, пос. Аякс, корпус D, kravchenko.ag@dvfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4729-1573>

Аннотация. Автор статьи подвергает осмыслению тенденции эволюции правовой парадигмы под воздействием каскада технократических инноваций и соответствующих изменений матрицы общественных отношений, осуществляет анализ концептуальных изменений в юридической науке и перспектив развития права в условиях становления цифровой экономики и высоких технологий. Автор акцентирует внимание читателей на противоречиях, возникающих между изменяющейся структурой общественных отношений и консервативностью правовой парадигмы ключевых отраслей права. При этом отмечает, что критическое восприятие юридическим сообществом правовых инноваций не только выступает фактором сдерживания парадигмального сдвига в юридической науке, но и способствует сокращению законодательных ошибок в правовом регулировании.

Ключевые слова: правовая парадигма, общественные отношения, высокие технологии, информационное общество, цифровая экономика, принципы права, интернет вещей, Big Data, правовая политика.

Финансовая поддержка. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, её приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

Для цитирования: Кравченко А. Г. Сдвиг правовой парадигмы в эпоху цифровой экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 184–194. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/184-194>.

Original article

SHIFT OF THE LEGAL PARADIGM IN THE ERA OF DIGITAL ECONOMY

Kravchenko Artur Georgievich

Far Eastern Federal University, 690922, Russia, Vladivostok, Fr. Russian, p. Ajax, 10, building D, kravchenko.ag@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4729-1573>

Abstract. The author examines the trends in the evolution of the legal paradigm under the influence of a cascade of technocratic innovations and corresponding changes in the matrix of social relations, evaluates the conceptual changes in legal science and the prospects for the development of law in the context of the formation of the digital economy and high technologies. The author of the article focuses readers' attention on the emerging contradictions in the changing structure of public relations and the conservatism of the legal paradigm of key branches of law. At the same time, noting that the critical perception of legal innovations by the legal community acts not only as a deterrent to the paradigm shift in legal science, but also contributes to the reduction of legislative errors in legal regulation.

Keywords: legal paradigm, public relations, high technologies, information society, digital economy, principles of law, Internet of things, Big Data, legal policy.

Financial Support. The article was prepared with the financial support of the RFBR grant No. 19-011-00820 (a) "Legal policy of the Russian state, its priorities and principles in the digital economy and digital technological order: conceptual, methodological, sectoral aspects of the digitalization of law and legal regulation".

For citation: Kravchenko A. G. Shift of the legal paradigm in the era of digital economy // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 184–194. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/184-194>.

Интенсивность развития цифровых технологий, формирующих условия качественного роста эффективности организации общества и государства ставят сегодня перед научным сообществом вопрос о парадигмальном сдвиге в области гуманитарного знания. Технологическая цифровая революция становится объективным фактором трансформации матрицы общественных отношений во всех сферах человеческой жизни, включая культуру, право, политику, экономику. В этом ключевое право, как инструмент институционализации общественных отношений, неизбежно меняется, адаптируется как к новым, так и изменившимся под воздействием цифровых технологий общественным отношениям. Как в этой связи справедливо отмечает В. В. Шаханов, «смену правовых парадигм детерминируют не только скачкообразные изменения в сфере социальной, но и революции в технической сфере» [1].

Однако в научном сообществе нет единого мнения по проблеме таких кардинальных трансформаций, наряду с теми, кто отмечает принципиальное изменение социальной ткани общества [2, с. 56–80], акцентируют внимание на необходимости «прорывного правового регулирования» [3, с. 4–11], многие ведущие учёные отводят технологическим инновациям скорее роль инструмента, формы реализации исторически сложившихся общественных отношений и не видят смысла в принципиальном пересмотре правовой парадигмы, признавая необходимость лишь институционально-правовой конкретизации новых феноменов [4].

Очевидно, что рассмотрение этого научного дискурса требует погружения в понимание объективных предпосылок, создающих потенциал парадигмального сдвига в науке. Так, согласно представлениям Томаса Куна, парадигмальный сдвиг, влекущий изменение парадигмы (дисциплинарной матрицы), требует: наличие феноменов, которые невозможно описать посредством существующих бесспорных научных понятий; невозможность решить вызванные этими феноменами проблемы известными научными методами. Ещё одну грань оснований потенциала пересмотра научных взглядов выделял П. Фейерабенд, определив научное знание как часть культуры, связывая их взаимной обусловленностью. Отсюда следует, что парадигма гуманитарных наук может изменяться также под воздействием культурной изменчивости общества. Обобщая вышесказанное во взаимосвязи с правовой наукой, Е. А. Войниканис утверждает: «...если говорить о праве, то причину кризиса следует искать не внутри дисциплины, её традициях и её сторонниках, а вовне». Исследователь отмечает тот факт, что такие изменения могут быть вызваны зависимостью права от человеческой культуры, экономики, политики, технологии [5, с. 138–161].

Между тем, как в теории всех отраслей права, так и в юридической практике сегодня мы наблюдаем нарастающий каскад вопросов, требующих их разрешения, так как существующие правовые инструменты не отвечают социальному запросу, вызванному тенденциями общественной трансформации, наступающей под воздействием повсеместного внедрения технологических инноваций.

Обращая внимание на различные отрасли права, сегодня можно констатировать, что отраслевая юридическая наука сталкивается с необходимостью пересмотра многих традиционных институтов, поиска новых правовых принципов, методов правового регулирования, приемов юридической техники. Связана такая потребность с фактическим развитием общества, погружённого в применение высокотехнологических решений, меняющих, прежде всего, ценностную социальную матрицу, логику экономических отношений и т. п., а иногда пробуждающих к жизни до этого момента утопические научные концепты общественных отношений.

Исследуя нарастающую массу социально-экономических, культурных феноменов, учёные различных отраслей права в поисках решения общественных запросов

редко отклоняются от «незыблемых» основ права, пытаясь уложить новые технологические явления и их последствия в прокрустово ложе существующего научного мировоззрения. Однако консервативность юридической науки и практики отнюдь не отрицает реальных социально-экономических процессов, а лишь переводит их в плоскость стихийных, саморегулятивных. Как следствие этого, в юридической практике мы наблюдаем две противоборствующие тенденции, одна из которых заключается в выработке кардинально новых подходов к регулированию общественных отношений в неформальном праве [6, с. 80–87] и игнорировании в социально-экономической действительности устаревших формальных правовых механизмов. Другая же тенденция сопряжена с отсутствием конструктивного правового воздействия и деградацией соответствующих общественных отношений, их трансформацией в формы «права сильного» с использованием договорного права. Например, используя правовую неопределённость, производители интернет-вещей и программного обеспечения часто злоупотребляют договором присоединения, допуская в нём оговорки, противоречащие природе гражданско-правовых отношений, в частности, создавая возможность отказаться от затрат по программному обновлению своих товаров в пределах срока службы товара, делая последний не пригодным к использованию. В этом случае суды вынуждены руководствоваться аналогией закона и права, распространяя действия традиционных правовых подходов к регулированию на трансформированные общественные отношения, что затрудняет достижение правосудных решений [7].

Несколько схожей, но одновременно и иной, с позиции формирования общественных благ, является ситуация, в которой разработчики программного обеспечения, используя правовую неопределённость в действующем законодательстве посредством лицензионных соглашений, ограничивают гражданско-правовую ответственность, как правило, стоимостью лицензии, за причинение ущерба некачественным программным продуктом. Суды же, по сложившейся практике, доктринально дезориентированы, что порождает отсутствие единых правовых позиций [8]. Однако одновременно с этим следует признать, что именно ограничение гражданско-правовой ответственности разработчика цифрового контента, разделение, по сути, предпринимательских рисков с потребителем создало условия динамичного развития рынка цифровых технологий, да и саму инфраструктуру цифровой экономики.

Между тем, обобщая вышесказанное, очевидным видится отметить, что у юридической науки не остается иного выбора, как поэтапно менять правовую парадигму, отвечая на веление времени требованиями развития цифровой экономики.

Демонстрирует предпосылки парадигмального сдвига широкий спектр общественных отношений в области всех отраслей права. Так, конституционный институт неприкосновенности частной жизни лица ставится под сомнение повсеместным внедрением информационных технологий геопозиционирования, трекинга потребительских интересов, интернет-вещей и т. п. Сегодня, в рамках существующей

парадигмы права, законодатель идёт по пути активной защиты института частной жизни. Однако в настоящее время более чем очевидно, что с развитием информационных технологий обеспечение эффективности указанного правового института становится всё более технически невыполнимым. Для реализации права на частную жизнь от человека требуется уже не просто пассивное поведение, защищённое нормами права, а активная техническая защита своих прав, в частности, воздержание от размещения в сети Интернет сведений о своей частной жизни, использование защищённых каналов связи для передачи таких данных, использование специальных программных средств защиты персональных данных и т. п.

Однако и данные активные действия по сокрытию частной жизни становятся всё более и более неэффективны. И дело уже не в осознанном нарушении прав человека разработчиками технико-программных средств, а в самой сути цифровых технологий, создающих условия неконтролируемого распространения информации.

К примеру, технология Big Data, призванная посредством сбора больших массивов статистических данных, на основании которых проводятся, в том числе, научные исследования, осуществлять прогнозирование различных социальных процессов, но при этом является источником утечки персональных данных. Несмотря на последующую деперсонификацию, эти данные становятся реальным источником информации о частной жизни граждан. Например, распространение интернет вещей, осуществляющих сбор данных о физическом состоянии их владельцев, позволяет вычислить последних на основе индивидуальных биологических показателей и связать деперсонифицированные данные с их личностью. После этого возникает возможность беспрепятственно осуществить слежение за пользователем с помощью таких биотрекеров.

Ещё одним примером является технология голосовых помощников «Гугл», «Алиса» и др., построенных на непрерывном прослушивании окружающих интернет вещей звука и передачи данных для анализа в «облако».

Облачные технологии резервного копирования приводят к передаче данных в Интернет, что делает информацию о частной жизни лица легко доступной для корпораций.

В ряде случаев соблюдение традиционного института прав человека вступает в противоречие с общественной безопасностью как, например, использование в городах правоохранительных систем видео-слежения, основанных на технологии Big Data. Напомним, что во всех развитых странах слежение за частной жизнью граждан допускается только по санкции суда и на основании подозрений причастности к преступлениям. И хотя системы слежения по технологии Big Data не нацелены на конкретную личность, а на всех с целью выявления преступников, результат сбора таких данных в любой момент может быть изъят из цифровых хранилищ без санкции суда.

Не менее важным аспектом является и то, что массовое использование своих прав на частную жизнь пользователями информационных инфраструктур просто бы блокировало большую часть функционала умных городов (умное регулирование

транспортных потоков, энерготрафиков и т. п.), сделало невозможным системный анализ биологической безопасности населения.

Юридическая практика всё больше вынуждена прибегать к расширительному толкованию существующих правовых норм, регулирующих общественные отношения с участием высокотехнологичных решений, а законодатель – пересматривать существующие правовые конструкции. К примеру, технология автономного пилотирования, реализованная в машине Tesla, поставила под сомнение административную ответственность водителя, не участвующего в управлении транспортным средством, нарушившим требования полиции по остановке [9]. В России концептуальным ответом на сопутствующие данной технологии правовые вызовы стала Концепция обеспечения безопасности дорожного движения, с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования, утв. Распоряжением Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р, в которой фактически были обозначены общие принципы, но отнюдь не решены проблемы причинения вреда людям и имуществу беспилотными технологиями. Между тем, обозначенные вопросы лежат в плоскости как технических ограничений технологии автопилота, так и концептуального подхода к наложению юридической ответственности на причинителя вреда в гражданской, административной и уголовной правовых доктринах [10, с. 221–227].

Серьёзную полемику уже вызвало потенциальное развитие технологий AI и их применение. Например, в гражданском праве исследователи выделили проблему юридической ответственности таких квазисубъектов. Но, тем не менее, разрешить проблему их автономной воли в рамках существующей гражданско-правовой парадигмы, учитывающей вину субъектов права, оказалось не так уж и не бесспорно даже в рамках теоретических конструкций [11, с. 75–85].

В экономической сфере технология блок-чейн, реализованная в проектах криптовалют, вынудила законодателей всего мира реагировать на принципиально новый эквивалент обмена благами. На примере криптовалют мы также можем видеть неоднозначность подходов к этой технологии в разных странах, при осознании большей части научного и политического сообщества, что эту технологию уже невозможно игнорировать [12, с. 51–59].

Не менее противоречивая ситуация в сфере виртуальных технологий – право собственности на виртуальные объекты, доступ к виртуальному пространству. Загорающийся рынок виртуальных объектов в игровой индустрии потребовал пересмотра существующих парадигмальных положений гражданского права, создав очень противоречивую научную дискуссию [13, с. 789–804], а также различные подходы в законодательной и судебной практике во всём мире. В целом же развитие сетевых технологий уже привело к ряду концептуальных законодательных инноваций.

Анализ ретроспективы развития юридической практики и законодательства о биоинженерии демонстрирует нам, что технологические инновации могут приме-

няться обществом в деструктивных формах. В частности, речь идёт об использовании генетического тестирования в целях ограничения прав человека, геномной инженерии, ставящей под угрозу существующие экосистемы планеты в рамках технологий ГМО, угроз воспроизводства последующих поколений человечества [14, с. 93–101].

Однако в научном сообществе всё же превалирует понимание того, что тотальный запрет на технологическое развитие профанативен, т. к. государства, корпорации и даже транснациональная организованная преступность, нарушающие запрет на технологические разработки, получают неоспоримые преимущества перед своими конкурентами, воздерживающимися от таких исследований. Причём такие преимущества крайне разнообразны и охватывают не только военную, правоохранительную, но и экономическую, социальную сферы. Между тем, развитые страны идут по пути как прямого малоэффективного запрета технологий, так и по пути выстраивания комбинированной системы многоступенчатого контроля (бюрократического, профессионально-научного, общественного). В этом смысле ставка на «управление» развитием цифровых технологий видится неоспоримо эффективней исключительно запретительных мер, и в этом процессе, на наш взгляд, тоже просматриваются признаки сдвига правовой парадигмы.

Немаловажным моментом в правовой политике развития цифровых технологий являются и противоречия между культурно-историческими традициями общества и формируемыми требованиями к матрице социального поведения общества в условиях массового внедрения технологических инноваций. Определённые модели доминирующего мировоззрения в обществе, даже без прямого отрицания обществом ценности технологического развития, могут выступать безусловным препятствием в формировании цифровой экономики, автоматизации государственного управления, внедрения новых моделей правового регулирования.

Так, патернализм российского общества задает безусловные правила для научной парадигмы и национальной правовой архитектуры России. Отсюда приоритет выбора императивных, запрещающих методов, карательных средств правового регулирования как в теоретических разработках, так и в законотворческой практике. С другой стороны, высокотехнологичные средства производства, цифровая инфраструктура национальных экономик требует внедрения правовых конструкций, основанных на методах моделирования, координации, согласования, косвенных воздействиях и т. п. [15, с. 142–46]. Таким образом, Россия нуждается в парадигмальном сдвиге юридической науки как особом развивающем и направляющем общество и государство импульсе.

При этом с позиции анализа уже совершённых институциональных изменений в праве России мы не наблюдаем принципиальных изменений. Однако анализ правовой политики России, перспективных разработок законопроектов, научных проектов, посвящённых вопросам регулирования общественных отношений, находящихся в поле цифровых технологий, позволяет видеть процесс эволюции право-

вой парадигмы. Как в этом контексте справедливо отмечает В. В. Шаханов: «...представляется, что на современном этапе общественного развития процесс смены парадигм происходит не в виде революций – резких скачкообразных изменений, а эволюционным путём, в течение достаточно длительного времени» [1].

Таким образом, из вышесказанного, характеризуя состояние правовой парадигмы в эпоху цифровых технологий, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, цифровые технологии выступают объективным фактором, влияющим на все социальные, политические, экономические и иные процессы общественно-го развития. В этом смысле парадигмальный сдвиг в праве объективен и неизбежен, обусловлен не только изменениями структуры общественных отношений, но и ценностными трансформациями общества, которые не укладываются в классическую правовую парадигму, без искажений их сущности и негативных последствий традиционных регуляторных подходов. Соответственно влияние цифровых технологий на природу общественных отношений влечёт за собой не только точечные изменения в системе права, но и формирует потребность в пересмотре отдельных правовых институтов, методов правового воздействия, обеспечивая парадигмальный сдвиг.

Во-вторых, прорывные технологии снимают ранее существовавшие технические ограничения по реализации философских, политических, научных и иных идей. В этом смысле последствия цифровых инноваций, зачастую, не создают что-то новое в области научной мысли, они лишь способствуют реализации ранее нереализуемых концептуальных конструкций, в которых также заложена природа человеческого поведения. В этом смысле цифровые технологии не столько преобразуют закономерности поведения субъектов права, сколько раскрывают их в новых формах, одновременно требуя пересмотра механизма правового регулирования.

В-третьих, правовая парадигма обладает ценностной консервативностью и в этом смысле выполняет функцию охранения общества и государства от последствий непробированных технологических воздействий, потенциальных угроз, возникающих в результате внедрения инноваций в сфере цифровых технологий. Однако научное отрицание необходимости парадигмальных изменений неконструктивно, ослабляет правовую материю, формирует условия противопоставления прогрессивной части общества «застывшей» механике правового регулирования. Как следствие, сегодня мы наблюдаем разрыв между поколениями молодых учёных, в большей степени понимающих сущность новых цифровых отношений, чем правовой доктрины, и ведущими специалистами юридических отраслей, отдающих предпочтение консервативному мировоззрению. Между тем это противостояние – само по себе, как факт, говорит об объективной трансформации социальной матрицы общественных отношений, актуализирующих повестку поиска правовых инноваций.

В-четвёртых, естественным фактором сдерживания инновационного развития, даже при активно развивающихся технологиях, выступают мировоззренческие доми-

нанты общества, обуславливающие невосприимчивость к инновациям, требующие смену поколений. Отсюда мы наблюдаем феномен общественного раскола между частью общества, воспринимающей такие трансформации, и отринувшими их. Этот фактор задаёт условия эволюционного развития правовой парадигмы, исключая революционные изменения в праве. В то же время именно парадигмальный сдвиг юридической науки выступает развивающим и направляющим общество и государство импульсом, способным до определённой степени ускорить общественно-экономическое развитие, катализировать трансформацию общественного мировоззрения, купируя при этом деструктивные проявления тотальной цифровизации.

В-пятых, цифровая трансформация общественных отношений значительно усложняет их сущность, создаёт новые общественные отношения, характерные исключительно для цифровых коммуникаций, объектов, что требует от законодателей и правоприменителей глубокого понимания этих феноменов, зачастую пересмотра классических доктринальных положений в праве. При этом становление гражданско-правового оборота в цифровой экономике демонстрирует тот факт, что отраслевая правовая доктрина ведома такими изменениями не только потому, что их рациональный эффект принципиально выше проявляемых рисков, но и в силу того, что во всех ситуациях правового игнорирования или запрета регулирование общественных отношений замещается неформальными институтами [16, с. 77–84].

Из вышесказанного следует неизбежность парадигмального сдвига в праве, который уже происходит через эволюционные процессы правовых институтов, адаптирующихся под фактически изменяющуюся природу социально-экономических отношений под действием новой цифровой реальности.

Список литературы

1. Шаханов В. В. Правовые парадигмы : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир, 2005. 26 с.
2. Малинецкий Г. Г. Перспективы и риски цифровой реальности // Сборник научных трудов XXIII Международной научно-практической конференции. Системный анализ в проектировании и управлении. Санкт-Петербург, 2019. С. 56–80.
3. Наумов В. Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6 (108). С. 4–11.
4. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск № 115 (7578). URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyie-prava-grazhdan.html>.
5. Войниканис Е. А. Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права : сборник научных работ. Москва : Изд. Воробьев А. В., 2010. Вып. 1. С. 138–161.

6. Тихомиров Ю. А. Право официальное и неформальное // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 80–87.
7. Определение Верховного Суда РФ № 2-3550/2019 от 15.12.2020 г. по делу № 46-КГ20-19-К6 // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1957616.
8. Некачественное программное обеспечение: защита интересов правопробретателя. URL: https://zakon.ru/blog/2016/11/9/nekachestvennoe_programmnoe_obespechenie_zaschita_interesov_pravopriobretatelya.
9. Автопилоту Tesla пришлось уходить от полицейской погони, пока водитель спал. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2460386>.
10. Любимов Л. В. К вопросу о возможности применения мер административного принуждения в отношении беспилотного автомобиля, его водителя и производителя // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 221–227.
11. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 75–85.
12. Гаврилов В. Н., Рафиков Р. М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 51–59.
13. Новиков И. В. Виртуальная собственность: перспективы регулирования // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 789–804.
14. Романовский Г. Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (116). С. 93–101.
15. Шатковская Т. В., Епифанова Т. В. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.
16. Горулев Д. А. Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2018. № 1 (43). С. 77–84.

Сведения об авторе

А. Г. Кравченко – к. ю. н., доцент, зав. кафедрой гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

References

1. Shakhanov V. V. *Pravovye paradigm*. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Vladimir, 2005. 26 p. (In Russ.).
2. Malinetsky G. G. Prospects and risks of digital reality. *Sbornik nauchnykh trudov XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sistemnyi analiz v proektirovanii i upravlenii*. St. Petersburg, 2019, pp. 56–80. (In Russ.).

3. Naumov V. B. Law in the era of digital transformation: in search of solutions. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, no. 6 (108). pp. 4–11. (In Russ.).
4. Zorkin V. D. Law in the digital world. Reflection on the margins of the St. Petersburg International Legal Forum. *Rossiiskaya gazeta*, Capital Issue no. 115 (7578). URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>. (In Russ.).
5. Voynikanis E. A. Paradigm shift in modern law. In: *Filosofiya politiki i prava : sbornik nauchnykh rabot*. Moscow: Ed. Vorobyov A.V., 2010, iss. 1, pp. 138–161. (In Russ.).
6. Tikhomirov Yu. A. Official and informal law. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, no. 5, pp. 80–87. (In Russ.).
7. *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2-3550/2019 dated 12/15/2020 in case No. 46-KG20-19-K6*. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1957616. (In Russ.).
8. *Low-quality software: protection of the interests of the acquirer*. URL: https://zakon.ru/blog/2016/11/9/nekachestvennoe_programmnoe_obespechenie_zaschita_interesov_pravopriobretatelya. (In Russ.).
9. *Tesla's autopilot had to evade a police chase while the driver was sleeping*. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2460386>. (In Russ.).
10. Lyubimov L. V. To the question of the possibility of applying administrative coercion measures against an unmanned vehicle, its driver and manufacturer. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 4, pp. 221–227.
11. Somenkov S. A. Artificial intelligence: from object to subject? *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, 2019, no. 2 (54), pp. 75–85. (In Russ.).
12. Gavrilov V. N., Rafikov R. M. Cryptocurrency as an object of civil rights in the legislation of Russia and a number of foreign countries. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2019, no. 1, pp. 51–59. (In Russ.).
13. Novikov I. V. Virtual property: prospects for regulation. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*, 2019, no. 1, pp. 789–804. (In Russ.).
14. Romanovsky G. B. Legal regulation of genetic research in Russia and abroad. *Lex russica*, 2019, no. 7 (116), pp. 93–101. (In Russ.).
15. Shatkovskaya T. V., Epifanova T. V. Transformation of the structure of the legal regulation mechanism in the digital economy. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, 2018, no. 3, pp. 142–146. (In Russ.).
16. Gorulev D. A. Economic security in the digital economy. *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*, 2018, no. 1 (43), pp. 77–84. (In Russ.).

Information about the author

A. G. Kravchenko – Candidate of Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law and Process, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 195–213.

Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 195–213.

Научная статья

УДК 351.824.5:339.3(519.5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/195-213>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Ким Ынми

Дальневосточный федеральный университет, 690922, Россия, Владивосток,

о. Русский, п. Аякс, 10, корпус G, usea1004@gmail.com, [https://orcid.org/0000-0002-](https://orcid.org/0000-0002-3759-8849)

3759-8849, Researcher ID: ABE-5169-2021

Аннотация. В работе рассмотрены изменения внутренней торговли в Республике Корея после проведения реформы регулирования. Анализируется процесс реформирования рынка внутренней торговли, рассматриваются правила и ограничения в сфере внутренней торговли. В статье нашли отражение положения «Закона о развитии распределительной промышленности», который регулирует развитие крупномасштабных магазинов и традиционные рынки в Республике Корея, а также даётся краткая характеристика целого ряда других законов. Корейская структура внутренней торговли постепенно изменялась с течением времени, и автор показывает, как государство регулировало внутреннюю торговлю.

Ключевые слова: внутренняя торговля в Республике Корея, «Закон о развитии распределительной промышленности», регулирование внутренней торговли, смягчение регулирования, защита традиционных рынков.

Для цитирования: Ким Ынми. Актуальные вопросы правового регулирования внутренней торговли в Республике Корея // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 195–213. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/195-213>.

PROBLEMS OF REGULATION DOMESTIC TRADE IN THE REPUBLIC OF KOREA

Kim Eunmi

Far Eastern Federal University, 690922, Russia, Vladivostok, Fr. Russian, p. Ajax, 10,
building G, usea1004@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3759-8849>,
Researcher ID: ABE-5169-2021

Abstract. The paper considers the changes that have occurred in domestic trade in the Republic of Korea in connection with the regulatory reform that is being implemented within the field of domestic trade. Regulatory reform is analyzed in connection with changes in the domestic trade market. Additionally, rules and restrictions in the field of domestic trade are considered. The paper reflects the provisions of the "Law on the Development of the Distribution Industry)," which regulates the development of large-scale stores and traditional markets in the Republic of Korea, and which also provides a brief description of a number of other laws. The Korean structure of domestic trade gradually changed over time, and the author shows how the state regulated domestic trade.

Keywords: domestic trade in the Republic of Korea, *Law on the Development of the distribution industry* «Law on the Development of the Distribution Industry», regulation of domestic trade, easing of regulation, protection of traditional markets.

For citation: Kim Eunmi. Problems of regulation domestic trade in the Republic of Korea // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 195–213. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/195-213>.

Введение

В течение определённого времени, ещё с середины XX века, Правительство Республики Корея принимало отдельные законы, которые регулировали рынок, затем упраздняло их, разрабатывало и принимало новые законы и постановления для развития и регулирования внутренней торговли. Корейская структура внутренней торговли постепенно изменялась с течением времени, однако государство всё ещё регулировало деятельность крупномасштабных магазинов на основе прошлой структуры внутренней торговли. И вот 10 апреля 1997 г. вошёл в силу новый документ «Закон о развитии распределительной промышленности)» (далее – «Закон о распределении» [13]), в котором шла речь о смягчении регулирования внутренней торговли.

По мере того, как меры, направленные на смягчение регулирования, начали работать по-настоящему, Корейская внутренняя торговля стала развиваться и расширяться. Из-за смягчения регулирования и открытия рынка корейские крупные предприятия

по распределению стремились к стратегии увеличения масштаба и объёма торговли товарами народного потребления для обеспечения конкурентоспособных преимуществ. Быстро росло число крупных предприятий промышленности, наблюдалось заметное изменение структуры внутренней торговли (распределительной промышленности) в Республике Корея. Как положительный можно отметить тот факт, что модернизация и совершенствование торговых процессов внутренней торговли влияет на её эффективность, возрастает прибыль производителя и потребителя, улучшается качество предоставляемых потребительских услуг. Однако, с отрицательной стороны, необходимо отметить, что средние и малые предприятия торговли, мелкие торговцы, а также традиционный рынок приходили в упадок из-за того, что открывались магазины крупного масштаба. Таким образом, появлялись проблемы социального характера в среде среднего и малого бизнеса, снижался уровень жизни дистрибьютеров.

У Корейского Правительства не оставалось другого выбора, кроме как разрабатывать и принять новые меры по усилению регулирования внутренней торговли, которое впоследствии оно само не раз смягчало [5]. В работе рассмотрены изменения, произошедшие во внутренней торговле в Республике Корея в связи с проведением реформы регулирования, которая осуществляется в условиях изменяющейся общественно-экономической структуры. Анализируется реформа регулирования в связи с изменением рынка внутренней торговли, рассматриваются правила и ограничения в сфере внутренней торговли в Республике Корея.

Краткая история создания нормативно-правовой базы регулирования торговли в Республике Корея

Общество постоянно требует реформ регулирования торговли из-за постоянно изменяющейся структуры общества и экономики. Чем сложнее общество, тем труднее осуществлять такое регулирование, которое устроит всех. Но недопустимо не вводить или не реформировать законы о регулировании только по этой причине.

Корейское правительство начало принимать отдельные законы, которые регулировали рынок, ещё с середины XX века, а реформировать регулирование внутренней торговли в 80-е гг. прошлого века. В результате нескольких лет работы, после представления «Рамочного Закона об административном регулировании» [27], который был принят в 1997 г., в Корею появилась правовая система регулирования. «Рамочный Закон об административном регулировании» предписывает такие положения, которые необходимо соблюдать административным органам. В нём также были сформулированы определения и принципы регулирования для функционирования разумных и эффективных мер регулирования на основе Закона.

Реформы регулирования обычно отражают своё время. В период политической власти Ким Ён Сама, правительство которого в Республике Корея впервые было гражданским, были проведены реформы регулирования внутренней торговли

для вступления в ОЭСР и преодоления последствий банкротства Международного Валютного Фонда (МВФ). Политическая власть Ли Мён Бака продвигала реформы регулирования для преодоления мирового финансового кризиса в 2008 г. В настоящее время Мун Чжэ Ин применяет регулятивную песочницу (Regulatory Sandbox), систему «заранее разрешение – впоследствии регулирование» для инноваций новых отраслей и новых технологий в связи с Четвёртой промышленной революцией [4].

Несмотря на то, что в настоящее время регулирование, отражающее современную ситуацию, было реформировано, тем не менее при следующей политической власти данное регулирование опять будет нуждаться в реформировании из-за изменения общественных и экономических структур, приоритета определённых форм регулирования. Необходимо отметить, что никто не может оценить в полной мере то обстоятельство, играет ли оно роль правильного регулирования, поскольку со временем некоторые формы регулирования начинают устаревать, и в дальнейшем они могут функционировать как препятствие.

Законодательство о внутренней торговле в Республике Корея до 1997 г.

Торговля играет важную роль для формирования экономической структуры страны. Внутренняя торговля разделяется на розничную и оптовую торговлю. Продажа продуктов и промышленных товаров внутри страны прямо влияет на жизненный уровень населения. Целью законодательства о внутренней торговле в Республике Корея является регулирование спроса и предложения, стабилизация цен, защита производителя и потребителя, эффективность производства, модернизация промышленности и т. д. После принятия основ законодательства о внутренней торговле в него не раз вносились изменения по мере возникновения тех или иных социальных проблем.

1. «Закон о центральном оптовом рынке» (принят 22 июня 1951 г.)

Целью данного закона [26] является регулирование спроса и предложения, адекватность стоимости повседневных продовольственных товаров, которые поставляются жителям в городе. Данный закон был отменён в 1973 г., затем последовало принятие «Закона об оптовом рынке продуктов земледелия и рыболовства» [7]. Этот закон был направлен на обеспечение системы контроля за оптовой и розничной торговлей продуктами земледелия и рыболовства и улучшение справедливого соперничества между оптовым рынком и рынком розничной торговли. Данный закон отменили в 1976 г. и затем приняли новый «Закон о стабилизации распределения и стоимости продуктов земледелия и рыболовства» [8]. Целью этого закона стали защита прибыли производителя и покупательной способности потребителя, стабилизация цен, поднятие уровня жизни граждан, а также поддержка и нормализация развития внутренней торговли и производства товаров народного потребления.

2. «Закон рынка» (принят 31 августа 1961 г.)

Данный закон приняли для поддержки народного хозяйства и нормализации контроля и управления традиционными торговыми рынками [11]. Этот закон отменили в 1986 г. из-за принятия «Закона о продвижении оптовой и розничной торговли».

3. «Закон об ускорении модернизации распределительной промышленности» (принят 04 января 1980 г.)

Данный закон был принят для стабилизации цен на товары и развития национального хозяйства, совершенствования и улучшения распределительной структуры и, кроме того, для защиты потребителя и производителя [12]. Несмотря на то, что данный закон был принят для модернизации распределительной промышленности и распределительного комплекса, пункт о распределительном комплексе был исключён, а затем отдельно внесён, используя правоприменение законодательства, в «Закон о продвижении рационализации по распределительной промышленности от 29 декабря 1995 г. [22].

4. «Закон о продвижении оптовой и розничной торговли» (принят 31 декабря 1986 г.)

Эффективно продвигая оптовую и розничную торговлю и разумно устанавливая последовательность коммерческих сделок, «Закон о продвижении оптовой и розничной торговли» [9] (далее – «Закон о продвижении») защищал потребителя и добивался сбалансированного развития национального хозяйства. Главная особенность «Закона о продвижении» – раскрыть истинное понятие о рынке, сезонном и периодическом рынке, крупномасштабном ритейлере, оптовом центре, а также защитить мелких торговцев и создать регулирование по дальнейшему открытию крупномасштабного ритейлера и оптовых центров. Таким образом, человек, который открывает крупномасштабный ритейлер или оптовый центр, рынок, супермаркет или универмаг, должен чётко соблюдать требуемые условия, а также обязан получить разрешение от мэра или губернатора, или главы местного органа самоуправления [9]. Крупномасштабный ритейлер или оптовый центр должны по принятым стандартам иметь соответствующие торговые площади: гипермаркет – более 2 000 м²; крупномасштабный ритейлер – более 4 000 м²; оптовый центр – более 3 000 м² [см. 10].

5. «Закон о развитии распределительной промышленности» (принят 10 апреля 1997 г.)

«Закон о продвижении оптовой и розничной торговли» и «Закон о продвижении рационализации по распределительной промышленности» были упразднены и затем объединены в один новый – «Закон о развитии внутренней торговли (распределительной промышленности)», который был принят 10 апреля 1997 г. [13], далее – «Закон о распределении». Цель «Закона о распределении» заключается в следующем: расширять поддержку распределительной промышленности; улучшать условия управления; смягчать регулирование по распределительной промышленности; повышать конкурентоспособность; поддерживать и усиливать автономную конкурентоспособность средних и малых предприятий распределения, которые составляют большинство в распределительной промышленности; справляться с изме-

нением распределительной среды; устанавливать базу для устойчивого развития. Вновь принятый «Закон о распределении» смягчал всякое регулирование по открытию крупномасштабных магазинов: гипермаркетов, супермаркетов, магазинов крупномасштабного ритейлера и оптовых центров и т. д.

Усиление регулирования внутренней торговли в соответствии с социальными изменениями

Главная особенность «Закона о распределении», который был принят в 1997 г., заключается в изменении и смягчении регулирования системы открытия гипермаркетов, в переходе с системы разрешения на систему регистрации. Раньше невозможно было открыть гипермаркет без разрешения органа местного самоуправления. Однако в дальнейшем происходили изменения в структуре внутренней торговли в Республике Корея, после того как на корейском рынке стали появляться зарубежные торговые предприятия. Корейское правительство ввело систему регистрации торговых предприятий для поддержки, модернизации и роста торговли товарами народного потребления. Система регистрации предусматривала обязательное регистрирование торговых предприятий в органах местного самоуправления, в соответствии с 8 ст. «Закона о распределении». На момент принятия «Закона о распределении» существовали различные площади торговых точек, затем были определены, согласно Указам Президента Республики Корея (от 10.07.1997 № 15430, от 01.10.2009 № 21764) обязательные размеры площадей для торговых предприятий двух категорий: 1 – рынок, гипермаркет, универмаг, торговый центр, оптовый центр, 2 – гипермаркет, торговый центр, торговый комплекс, специализированный магазин, другие крупномасштабные магазины (табл. 1).

Таблица 1

Крупномасштабные магазины и их обязательные площади

Large scale stores and their required areas

Указ Президента Республики Корея (от 10. 07. 1997 № 15430)	Рынок (более 3 000 м ²), гипермаркет (более 3 000 м ²), универмаг (более 4 000 м ²), торговый центр (более 6 000 м ²), оптовый центр (более 3 000 м ²)
Указ Президента Республики Корея (от 01. 10. 2009 № 21764)	Гипермаркет (более 3 000 м ²), специализированный магазин (более 3 000 м ²), универмаг (более 3 000 м ²), торговый центр (более 3 000 м ²), торговый комплекс (более 3 000 м ²), другие крупномасштабные магазины (более 3 000 м ²)

Источник: составлено автором согласно [19], [20]

Source: compiled by the author according to [19], [20]

По мере того, как регулирование внутренней торговли в стране (по распределительной промышленности) смягчалось, стали открываться крупномасштабные ритейлеры в регионе; соответственно возникла необходимость сохранения баланса между крупными торговыми предприятиями и мелкими, а также сохранения традиционного рынка. Поскольку число потребителей, использующих для покупки продуктов супермаркет, торговый центр, универмаг и т. д., увеличивалось, следовательно, сокращалось число потребителей, использующих традиционный рынок и т. д., а это приводило к уменьшению их продаж. Кроме того, предприятия открывали среднемасштабный магазин*, в соответствии с Указом президента [21], который должен был иметь площадь менее 3 000 м², чтобы избежать регулирования, необходимого при открытии гипермаркета, и это позволяло расширять торговую сеть. Так, например, предпринимательский супермаркет (например, ССМ), включающийся в категорию среднемасштабного магазина, тем не менее является ритейлером (непосредственный магазин, управляемый компанией, и франчайзинг), которым управляет крупное торговое предприятие. Поскольку магазинный вариант меньше по площади, чем гипермаркет, то, следовательно, для него легче выбрать местоположение, и это позволяет повысить его доступность из мест проживания. Противопоставление между гипермаркетом, среднемасштабным магазином – и традиционным рынком и традиционным мелким торговцем привело к социальным проблемам, в связи с чем была узаконена «зона сохранения традиционной коммерции» для сохранения торговли в регионе, и «Закон о распределении» внёс изменения, связанные с ограничениями в регистрации при открытии гипермаркета и среднемасштабного магазина. «Зона сохранения традиционной коммерции» предусматривала расположение традиционного рынка и традиционного торгового магазина в жилом районе не далее, чем 500 м, в соответствии с приказом органа местного самоуправления [17, п. 1. ч. 3. ст. 13], затем «зона сохранения традиционной коммерции» расширялась до 1 км [18, п. 1 ч. 3 ст. 13].

В 2012 г. было принято регулирование по ограничению рабочего времени и введению обязательного выходного дня в гипермаркетах и среднемасштабных магазинах. В соответствии с приказом органа местного самоуправления, в гипермаркете и среднемасштабном магазине запрещено работать с 0 до 8 часов утра, также всем работникам предоставлялся обязательный выходной не менее одного дня и не более двух дней в месяц [16, п. 1–2 ч. 2. ст. 12]. Несмотря на противоположные мнения о режиме рабочего времени и обязательном выходном дне*, в 2013 г. было решено ограничить рабочее время крупных магазинов ещё на два часа, т. е. магази-

* Среднемасштабный магазин (в соответствии с указом Президента Республики Корея от 31. 12. 2010 № 22597) – супермаркет (размер магазинной площади, 165 м² – 3 000 м²); Розничная торговля в других неспециализированных магазинах с преобладанием продуктов питания, напитков – размер магазинной площади менее чем 165 м².

* В некоторых случаях обязательный выходной день для гипермаркета и ССМ может быть приурочен к законным праздничным дням или любым дням по соглашению заинтересованных сторон.

ны прекращали свою работу с 0 до 10 часов утра; а всем работникам предоставлялись два обязательных выходных дня ежемесячно [14, п. 1-2 ч. 2 ст. 12].

К необходимому условию регистрации при открытии гипермаркета и среднemasштабного магазина было решено также в обязательном порядке прилагать «отчёт об оценке воздействия деловых районов» (далее – «отчёт»), а также «план регионального сотрудничества» (далее – «план») [[14, п. 1 ст. 8].]. Несмотря на то, что регулирование в этой сфере было усилено, тем не менее у мелких торговцев и работников традиционного рынка возникло некоторое недовольство, связанное с тем, что при регистрации открытия магазина органам местного самоуправления необходимо было заранее оценивать прилагаемые «отчёт» и «план», а также влияние на региональную экономику – в связи с открытием гипермаркета и среднemasштабного магазина. С одной стороны, вызывал беспокойство тот факт, что проверка «отчёта» и «плана» была недостаточной и в большей степени происходила, как ритуал. С другой стороны, человек, который открывал магазин, сам оформлял «отчёт» и «план», поэтому трудно однозначно говорить о беспристрастной оценке «отчёта» и «плана». Соответственно, условия по взаимному сотрудничеству и активизации трудоустройства также включались в «отчёт» и «план», вследствие чего в «Закон о распределении» были внесены изменения: при проверке «отчёта» и «плана» необходимо проводить обязательные слушания мнений «Совета по совместному развитию распределительной промышленности» [15, п. 1 ч. 2 ст 8; п. 7 ст. 8] (табл. 2).

Таблица 2

Реформы регулирования торговли по «Закону о распределении»

Regulatory reform of the "Distribution Law"

Регулирование	Ключевое содержание	Примерная дата и Законодательный номер
Регистрация	Когда открывается крупномасштабный магазин, он должен регистрироваться мэром провинции.	ст. 8 от 10 апреля 1997 г. № 5327
Примирительная комиссия по распределённому спору	Устанавливать комиссии в каждом административно-территориальных образованиях (городах и поселениях) для разрешения споров между крупномасштабными магазинами и оптово-розничными торговцами и населением.	ст. 36 от 30 июля 2003 г. № 6959
Ограничение регистрации	Ограничивать регистрацию по крупномасштабному магазину и среднemasштабному магазину в зоне сохранения традиционной коммерции.	ч. 2 ст. 8, ст. 13.3 от 24 ноября 2010 г. № 10398

Продолжение табл. 2

Расширение зоны сохранения традиционной коммерции	«Зона сохранения традиционной коммерции» расширяется до 1 км	ст. 13.3 от 30 июня 2011 г. № 10813
Ограничение по времени работы магазинов и введение обязательного выходного дня	Запрещено работать с 0 до 8 час. утра в магазине, необходимо предоставлять работнику обязательный выходной, не менее одного дня и не более двух дней в месяц.	ст. 12.2 от 17 января 2012 г. № 11175
Усиление ограничения по времени работы магазинов и обязательным выходным дням	Запрещено работать с 0 до 10 час. утра в магазине, необходимо предоставлять работнику два обязательных выходных дня ежемесячно.	ч. 2-3 ст. 12 от 23 января 2013 г. № 11626
Усиление регулирования по новому открытию крупномасштабного магазина и т. д.	Необходимо прилагать «отчёт», «план» при открытии крупномасштабного магазина и среднемасштабного магазина в зоне сохранения традиционной коммерции. Необходимо предоставить «план» за 30 дней до начала работы – для открытия крупномасштабного магазина и т. д.	ст. 8, ст. 8.2 от 23 января 2013 г. № 11626
Регулирование по расширению постоянной площади магазина	В случае, если постепенно расширять площадь магазина менее, чем на 10%, магазин не подпадает под регистрацию в качестве объекта изменений, что может стать способом уклонения от регулирования и злоупотребления – как обходной путь при открытии магазина. В связи с этим чётко регламентируется критерий расширения магазина, являющийся объектом регистрации изменений, на основе расширения магазина с момента его основания или регистрации изменений.	ч. 3 ст. 8 от 18 марта 2014 г. № 12443
Продление продолжительности регулирования	Продлить на 5 лет продолжительность регулирования об определении и регистрации среднемасштабного магазина, нормы зоны сохранения традиционной коммерции (до 23 ноября 2020 г.)	ст. 48.2 от 20 ноября 2015 г. № 13510

Регулирование	Ключевое содержание	Примерная дата и Законодательный номер
Усиление «отчёта» и «плана»	• В «план» должны включаться активность региональных занятий, взаимное сотрудничество между средне-малыми распределёнными предприятиями в регионе. В случае, если определяется недостаточная результативность, также можно рекомендовать усовершенствование. • Необходимо предоставить «план» за 60 дней до начала работы – для открытия крупномасштабного магазина; за 30 дней до начала работы – для открытия среднемасштабного магазина. • В случае, если часть территории магазина, который планирует регистрацию открытия и изменения, находится на близком расстоянии от соседнего района, возможно потребовать отзыв от соседнего местного органа самоуправления. • В случае, если нужно проверить «отчёт» и «план», заслушать отзыв распределительной комиссии по взаимному развитию, если будет такая необходимость, возможно поручить это специальному органу для более детального обследования.	ч. 1-2 ст. 8.2, ст. 8.3, ч. 5-6 ст. 8, ч. 7 ст. 8 от 6 января 2016 г. № 13739
Продление продолжительности регулирования	Продлить на 5 лет продолжительность регулирования об определении и регистрации среднемасштабного магазина, нормы зоны сохранения традиционной коммерции (до 23 ноября 2025 г.)	ст. 48.2 от 20 октября 2020 г. № 17534

Источник: составлено автором согласно «Закону о распределении» [13]

Source: compiled by the author according to the "Distribution Law" [13]

Вопросы регулирования торговли, решаемые с помощью «Закона о распределении»

С момента введения действующего закона регулирование развития распределённой промышленности смягчалось. Однако, в связи с изменением распределённого рынка, регулирование постоянно усиливалось для защиты традиционного

рынка и микропредприятия. Казалось, сложно было бы ожидать взаимного сотрудничества и развития в сфере внутренней торговли, только основываясь на распределённом регулировании, которое имеет особенности экономического регулирования как ограничение по регистрации и рабочему времени, так и по введению обязательного выходного дня и т. д. [24, с. 9–10]. Раскроем подробнее, как «Закон о распределении» помогает решать вопросы регулирования торговли, её совершенствования, и какие при этом могут возникать проблемы.

1. Влияние «Закона о распределении» на внутреннюю торговлю

Отметим, что «Закон о распределении» имеет двухмерную структуру. Несмотря на то, что государство защищает традиционный рынок и микропредприятие посредством регулирования крупно-среднемасштабного магазина, однако два объекта не имеют взаимозаменяемости друг с другом [24, с. 28]. Во-первых, имеется разное обращение с товарами в крупномасштабном магазине – и в традиционном рынке. Например, в случае универмага необходимо привлекать внимание клиентов посредством стратегии повышения качества – как открытие бренда шедеврами, так и продажа продовольственных товаров, которые импортировались из-за границы. Соответственно тенденция продажи товаров потребителям отличалась в крупномасштабном магазине – и традиционном рынке и т. д. Во-вторых, в настоящее время крупномасштабный магазин играет не только роль «гипермаркета», но и комплексного культурного места, открытие крупномасштабного магазина связывается с культурным уровнем и благосостоянием потребителя. Ослабление конкурентоспособности между распределёнными предприятиями в связи с регулированием открытия гипермаркета также может влиять на повышение цены для потребителя, а это порой негативно влияет на благосостояние потребителя [1; 2]. То есть, регулирование по крупномасштабному магазину не всегда может достигать своей цели из-за разнообразия потребительской тенденции, регулирование иногда может отрицательно влиять на благосостояние потребителя.

2. Граница зоны сохранения традиционной коммерции и влияние открытия крупномасштабного магазина

В соответствии с действующим законом, «Зона сохранения традиционной коммерции» расширилась до 1 км. Однако открытие супер-крупномасштабного магазина, такого как мультиторговый центр, влияет на радиус коммерческой территории до 7–10 км [23, с. 42]. Отмечается, что это может также влиять на соседний район (кроме района, в котором крупномасштабный магазин находится). Микропредприятие также существует на общей зоне, которая не включалась в зону сохранения традиционной коммерции. Таким образом, можно заметить, что традиционный рынок и микропредприятие могут быть защищены на основе действующего закона, даже если установится зона сохранения традиционной коммерции и открытие крупномасштабного магазина будет регулироваться в зоне сохранения.

3. Значимость «отчёта» и «плана»

Предоставление «отчёта». В случае, если убыток потерпели существующие микропредприятия из-за появления крупномасштабного магазина, то порой невозможно восстановить их в первоначальном виде. Если же попытаться компенсировать их убытки, то могут потребоваться огромные общественные расходы и время. По этой причине важно заранее прилагать усилия для предупреждения подобного рода проблем (и для эффективного их решения) посредством предоставления отчёта [25, с. 36]. Как показано в приведённой выше табл. 2, «отчёт» предоставляется местному органу самоуправления на момент до начала работы, после того, как строительство магазина уже завершится. Порой оказывается, что местный орган самоуправления пассивно контролирует ограничение по открытию магазина в связи с тем, что несколько миллиардов вон уже инвестировалось в строительство крупномасштабного магазина и уже завершалось строительство.

Реализация «плана». «План» является общественной ответственностью по причине того, что открытие крупномасштабного магазина оказывает влияние на региональную экономику, поэтому обязательным пунктом является реализация составленного ранее «плана» в полном масштабе. В соответствии с ч. 1-2 ст. 8.2 «Закона о распределении», необходимо проверить реализацию «плана» и, если результаты окажутся недостаточными, можно дать рекомендации для его усовершенствования. Однако эти рекомендации на практике зачастую являются «условными» и носят необязательный характер. Нам представляется, что такие важные вопросы требуют не «условных», а тщательно выполняемых рекомендаций.

4. Изменения в обществе и «слепая зона» в регулировании

По мере постепенного увеличения работников женского пола, роста числа семей, где работают оба супруга, семей, состоящих из одного-двух человек, растёт желание потребителей приобретать товары без ограничения времени. После 1990-х гг. в зарубежных странах уделялось внимание таким спросам и удобствам потребителя, поэтому редактирование закона в Республике Корея постепенно поворачивалось в сторону смягчения и отмены ограничения по времени работы [3, 6]. Однако в настоящее время спрос потребителя и общественное мнение не отражаются на корейском «Законо о распределении».

«Слепая зона» в регулировании тоже возникла в связи с тем, что разнообразность распределённого рынка не отражалась на регулировании. Новые розничные магазины, не крупномасштабный и среднемасштабный магазин, наблюдались в «слепой зоне», по мере регулирования магазинов они влияли на традиционный рынок и т. д. Основной пример – «продовольственные маркеты» и «поставленные магазины товаров». Несмотря на то, что частное лицо управляет «поставленным магазином товаров», оно получает поставки товаров от среднемасштабного магазина и продаёт их. В «Законо о распределении» нет определения «поставленного магазина товаров», и такой

магазин не включается в среднемасштабный магазин, по этой причине он исключён из регулирования. В случае «продовольственного маркета», он не подпадает под определение крупномасштабного магазина и среднемасштабного магазина на основе «Закона о распределении», поэтому он тоже исключён из регулирования.

Заключение

В статье были проанализированы изменения по регулированию внутренней торговли Республики Корея, особое внимание было уделено «Закону о распределении». Такой закон, регулирующий торговлю, необходимо было принять для решения трудностей, которые возникают по разным причинам и имеют различные обстоятельства, как, например, противоречия между магазинами в процессе развития торговли, необходимость защиты традиционных рынков и микропредприятий, изменение потребительских тенденций, а также «слепая зона» в регулировании. Иными словами, всегда существует объективная потребность анализировать возникающие сложные ситуации и новые тенденции, которые регулярно появляются в сфере внутренней торговли. В будущем реформа регулирования внутренней торговли Республики Корея должна осуществляться планомерно и продолжительно для поступательного развития и взаимовыгодного равновесия среди всех участников торговли, а также должна учитывать интересы самых разнообразных субъектов внутренней торговли и изменения структуры внутренней торговли.

Список источников

1. Schivardi F. Viviani. E. Entry barriers in retail trade // The Economic Journal. 2010. Vol. 121 (551). P. 145–170.
2. Griffith R., Harmgart H. Supermarkets competition in England and planning regulation // The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research. 2012. Vol. 22 (1). P. 1–25.
3. The economic costs and benefits of easing sunday shopping restrictions on large stores in england and wales / B. Williamson, J. Hargreaves, J. Bond, H. Lay // Report for the Department of Trade and Industry. UK, 2006. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-economic-costs-and-benefits-of-easing-sunday-shopping-restrictions-on-large-stores-in-england-and-wales>.
4. 국무조정실 국무총리비서실. 보도자료. 올해는 경제혁신·민생혁신·공직혁신에 총력을 다하겠습니다. URL: <https://www.opm.go.kr/flexer/view.do?ftype=hwp&attachNo=96420>. Канцелярия государственного секретаря Государственного координационного бюро. Пресс-релиз. В этом году мы сделаем все, что в наших силах, для инноваций в экономике, улучшения условий жизни людей и улучшения общественных отношений.

5. 김숙경, 김천곤, 김기환. 유통산업의 구조변화 및 경쟁력 강화 방안. 소매유통을 중심으로. 산업연구원, 2011, p. 1–154. Kim Suk-Kyung, Kim Chun-Kon, Kim Ki-Hwan. Structural change analysis and policy suggestions for strengthening competitiveness of Korean retail industry // Korea Institute for Industrial Economics & Trade. [S. l.], 2011. 154 p.
6. 노전표. 유통규제 국가비교 연구: OECD 국가를 중심으로, 규제연구, 제12권 제2호, 2003, 107–135. Noh Jeon-Pyo. Regulations in the Distribution Sector of OECD // Korea Society for Regulatory Studies. Research of Regulation. 2003. Vol. 12 (2). P. 107–135.
7. 농수산물도매시장법. 제2483호. 1973년 2월 6일 제정 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=2172&ancYd=19730206&ancNo=02483&efYd=19730507&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон об оптовом рынке продуктов земледелия и рыболовства от 06.02.1973 № 2483.
8. 농수산물 유통 및 가격안정에 관한 법률. 제2962호. 1976년 12월 31일 제정 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=2045&ancYd=19761231&ancNo=02962&efYd=19770701&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон о стабилизации распределения и стоимости продуктов земледелия и рыболовства от 31.12.1976 № 2962.
9. 도소매진흥법. 제3896호. 1986년 12월 31일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=5138&ancYd=19861231&ancNo=03896&efYd=19870701&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон о продвижении оптовой и розничной торговли от 31.12.1986 № 3896.
10. 도소매진흥법 시행령. 제14718호. 1995년 7월 6일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=16804&ancYd=19950706&ancNo=14718&efYd=19950706&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Указ Президента Республики Корея: Закон о продвижении оптовой и розничной торговли от 06.07.1995 № 14718.
11. 시장법. 제704호. 1961년 8월 31일 제정 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=957&ancYd=19610831&ancNo=00704&efYd=19610831&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон о рынке от 31.08.1961 № 704.
12. 유통산업근대화촉진법. 제3244호. 1980년 1월 4일 제정 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=3003&ancYd=19800104&ancNo=03244&efYd=19800104&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон об ускорении модернизации распределительной промышленности от 04.01.1980 № 3244.

13. 유통산업발전법. 제5327호. 1997년 4월 10일 제정 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=5146&ancYd=19970410&ancNo=05327&efYd=19970701&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон о развитии распределительной промышленности от 10.04.1997 № 5327.
14. 유통산업발전법. 제11626호. 2013년 1월 23일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=131903&ancYd=20130123&ancNo=11626&efYd=20130424&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон о распределении от 23.01.2013 № 11626
15. 유통산업발전법. 제13739호. 2016년 1월 6일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=179082&ancYd=20160106&ancNo=13739&efYd=20160106&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0>. Закон о распределении от 06.01.2016 № 13739.
16. 유통산업발전법. 제11175호. 2012년 1월 17일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=121986&ancYd=20120117&ancNo=11175&efYd=20120117&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон о распределении от 17. 01. 2012 № 11175.
17. 유통산업발전법. 제10398호. 2010년 11월 24일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=109002&ancYd=20101124&ancNo=10398&efYd=20101124&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон о распределении от 24.11.2010 № 10398.
18. 유통산업발전법. 제10813호. 2011년 6월 30일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=114446&ancYd=20110630&ancNo=10813&efYd=20110630&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Закон о распределении от 30.06.2011 № 10813.
19. 유통산업발전법 시행령. 제15430호. 1997년 7월 10일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=23963&ancYd=19970710&ancNo=15430&efYd=19970710&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Указ Президента Республики Корея: Закон о распределении от 10.07.1997 № 15430.
20. 유통산업발전법 시행령. 제21764호. 2009년 10월 1일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=96590&ancYd=20091001&ancNo=21764&efYd=20091002&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Указ Президента Республики Корея: Закон о распределении от 01.10.2009 № 21764.
21. 유통산업발전법 시행령. 제22597호. 2010년 12월 31일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=109694&ancYd=20101231&ancNo=22597&efYd=20101231&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=0>

10202&ancYnChk=0#0000. Указ Президента Республики Корея: Закон о распределении от 31.12.2010 № 22597.

22. 유통산업합리화촉진법. 제5090호. 1995년 12월 29일 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsSc.do?section=&menuId=1&subMenuId=17&tabMenuId=93&eventGubun=060101&query=%EC%9C%A0%ED%86%B5%EC%82%B0%EC%97%85%ED%95%A9%EB%A6%AC%ED%99%94%EC%B4%89%EC%A7%84%EB%B2%95#undefined>. Закон о продвижении рационализации по распределительной промышленности от 29.12.1995 № 5090.

23. 윤성운. 유통산업발전법의 개정 동향과 주요 쟁점 // 유통법연구 제5권 1제호. 2018. P. 35–62. Yun Seong-Un. Resent proposal for revisions and issues of the distribution industry development act // Korea Distribution Law Association. Research of Law Distribution . 2018. Vol. 5 (1). P. 35–62.

24. 임정하 유통산업발전법상 대규모점포규제에 관한 소고 // 유통산업발전법 개정안에 대한 논의를 중심으로. 한국유통법학회, 유통법연구. 4권 2호. 2017. P. 9–37. Lim Jung-Ha. A review on restriction on large scale stores under the distribution development act – focused on proposals for revision of distribution industry development act // Korea Distribution Law Association. Research of Law Distribution. 2017. Vol. 4 (2). P. 9–37.

25. 중소기업중앙회, 바람직한 유통산업발전법 개정을 위한 중소기업계 제언. 2017. P. 1–62. Korea Federation of SMEs. SMEs's proposal for revisions of the law of distribution industry development // Korea Federation of SMEs. [S. l.], 2017. P. 1–62.

26. 중앙도매시장법. 제207호. 1951년 6월 22일 제정 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/lsSc.do?menuId=1&subMenuId=17&tabMenuId=93&query=%EC%A4%91%EC%95%99%EB%8F%84%EB%A7%A4%EC%8B%9C%EC%9E%A5%EB%B2%95#undefined>. Закон о центральном оптовом рынке от 22.06.1951 № 207.

27. 행정규제기본법. 제5368호. 1997년 8월 22일 제정 // Korean Law Information Center. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=3405&ancYd=19970822&ancNo=05368&efYd=19980301&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. Рамочный Закон об административном регулировании от 22.08.1997 № 5368.

Сведения об авторе

Ынми Ким – аспирантка Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

References

1. Schivardi F. Viviani. E. Entry barriers in retail trade. *The Economic Journal*, 2010, vol. 121 (551), pp. 145–170.
2. Griffith R., Harmgart H. Supermarkets competition in England and planning regulation. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*, 2012, vol. 22 (1), pp. 1–25.
3. Williamson B., Hargreaves J., Bond J., Lay H. The economic costs and benefits of easing sunday shopping restrictions on large stores in england and wales. *Report for the Department of Trade and Industry*. UK, 2006. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-economic-costs-and-benefits-of-easing-sunday-shopping-restrictions-on-large-stores-in-england-and-wales>.
4. Office of the Secretary of State of the State Coordination Office. Press release. *This year, we will do everything in our power to innovate the economy, innovate the people's livelihood, and innovate the public affairs*. URL: <https://www.opm.go.kr/flexer/view.do?ftype=hwp&attachNo=96420>. (In Korean).
5. Kim Suk-Kyung, Kim Chun-Kon, Kim Ki-Hwan. Structural change analysis and policy suggestions for strengthening competitiveness of Korean retail industry. *Korea Institute for Industrial Economics & Trade*. [S. l.], 2011. 154 p. (In Korean).
6. Noh Jeon-Pyo. Regulations in the Distribution Sector of OECD. *Korea Society for Regulatory Studies. Research of Regulation*, 2003, vol. 12 (2), pp. 107–135. (In Korean).
7. Law on the Wholesale Market of Agricultural and Fishing Products dated 06.02.1973 No. 2483. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=2172&ancYd=19730206&ancNo=02483&efYd=19730507&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).
8. Law on Stabilization of Distribution and Value of Agricultural and Fishing Products dated 31.12.1976 No. 2962. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=2045&ancYd=19761231&ancNo=02962&efYd=19770701&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).
9. Law on Promotion of Wholesale and Retail Trade dated 31.12.1986 No. 3896. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=5138&ancYd=19861231&ancNo=03896&efYd=19870701&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000> (In Korean).
10. Decree of the President of the Republic of Korea: Law on Promotion of Wholesale and Retail Trade dated 06.07.1995 No. 14718. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=16804&ancYd=19950706&ancNo=14718&efYd=19950706&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).
11. Law on the Market dated 31.08.1961 No. 704. URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=957&ancYd=19610831&ancNo=00704&efYd=19610831&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

12. *Law on accelerating the modernization of the distribution industry dated 04.01.1980 No. 3244.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=3003&ancYd=19800104&ancNo=03244&efYd=19800104&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

13. *Law on the Development of the distribution industry dated 10.04.1997 No. 5327.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=5146&ancYd=19970410&ancNo=05327&efYd=19970701&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

14. *Law on Distribution dated 23.01.2013 No. 11626.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=131903&ancYd=20130123&ancNo=11626&efYd=20130424&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

15. *Law on Distribution dated 06.01.2016 No. 13739.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=179082&ancYd=20160106&ancNo=13739&efYd=20160106&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0>. (In Korean).

16. *Law on Distribution from 17.01.2012 № 11175.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=121986&ancYd=20120117&ancNo=11175&efYd=20120117&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

17. *Law on the distribution of 24.11.2010 No. 10398.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=109002&ancYd=20101124&ancNo=10398&efYd=20101124&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

18. *Law on Distribution dated 30.06.2011 No. 10813.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=114446&ancYd=20110630&ancNo=10813&efYd=20110630&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

19. *Decree of the President of the Republic of Korea: Law on Distribution dated 10.07.1997 No. 15430.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=23963&ancYd=19970710&ancNo=15430&efYd=19970710&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

20. *Decree of the President of the Republic of Korea: Law on Distribution dated 01.10.2009 No. 21764.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=96590&ancYd=20091001&ancNo=21764&efYd=20091002&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

21. *Decree of the President of the Republic of Korea: Law on Distribution dated 31.12.2010 No. 22597.* URL: <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=109694&ancYd=20101231&ancNo=22597&efYd=20101231&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

22. *Law on Promotion of Rationalization in the Distribution Industry dated 29.12.1995 No. 5090.* URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsSc.do?section=&menuId=1&subMenuId=17&tabMenuId=93&eventGubun=060101&query=%EC%9C%A0%ED>

%86%B5%EC%82%B0%EC%97%85%ED%95%A9%EB%A6%AC%ED%99%94%EC%B4%89%EC%A7%84%EB%B2%95#undefined . (In Korean).

23. Yun Seong-Un. Resent proposal for revisions and issues of the distribution industry development act. *Korea Distribution Law Association. Research of Law Distribution*, 2018, vol. 5 (1), pp. 35–62. (In Korean).

24. Lim Jung-Ha. A review on restriction on large scale stores under the distribution development act – focused on proposals for revision of distribution industry development act. *Korea Distribution Law Association. Research of Law Distribution*, 2017, vol. 4 (2), pp. 9–37. (In Korean).

25. Korea Federation of SMEs. SMEs's proposal for revisions of the law of distribution industry development. *Korea Federation of SMEs*. [S. l.], 2017, pp. 1–62. (In Korean).

26. *The Law on the Central Wholesale Market from 22. 06. 1951 № 207*. URL: <https://www.law.go.kr/lsSc.do?menuId=1&subMenuId=17&tabMenuId=93&query=%EC%A4%91%EC%95%99%EB%8F%84%EB%A7%A4%EC%8B%9C%EC%9E%A5%EB%B2%95#undefined>. (In Korean).

27. *Framework Law on Administrative Regulation dated 08.22.1997 No. 5368*. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=3405&ancYd=19970822&ancNo=05368&efYd=19980301&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. (In Korean).

Information about the author

Eunmi Kim – is a postgraduate student at the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 214–224.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 214–224.

Научная статья

УДК 34.03:004.8(592.3)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/214-224>

ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОПЫТ СИНГАПУРА

Роман Игоревич Дремлюга

Дальневосточный федеральный университет, 690922, Россия, Владивосток,
о. Русский, пос. Аякс, 10, корпус D, dreamluck@yandex.ru

Аннотация. Искусственный интеллект (ИИ) – это технология, которая изменила все сферы человеческой жизни. Зачастую для регулирования отношений по поводу использования искусственного интеллекта применяется фрагментированный подход, когда в каждой области применения данной технологии складывается своё отличающееся нормативное поле. Эта основная тенденция имеет два последствия. С одной стороны, есть конкретные вопросы, которые не охватываются ни нормативными актами, ни исследовательской повесткой. С другой стороны, существует лишь относительно небольшое количество доктринальных исследований и нормативных актов, которые касаются общих этических или правовых проблем, создаваемых ИИ. Вместе с тем, существует и другой путь формирования нормативных правил использования ИИ, когда на национальном уровне формулируются общие принципы и положения регулирования сферы применения искусственного интеллекта. Одной из таких стран является Сингапур. Подход данной страны к регулированию отношений по поводу использования искусственного интеллекта выбран для исследования в данной статье. Сингапур является лидером цифровой трансформации в мире согласно различным показателям. В статье подробно рассматриваются принципы, зафиксированные в Рамочной модели регулирования ИИ. Хотя документ носит необязывающий характер Рамочной модели регулирования ИИ, многие компании Сингапура приняли на себя обязательство руководствоваться её принципами и нормами. Свод норм, содержащихся в Рамочной модели регулирования ИИ, определяет общий характер национального регулирования применения искусственного интеллекта в Сингапуре. Согласно документу, вся регламентация отношений по поводу использования ИИ должна строиться на двух принципах: ИИ должен быть объяснимым, прозрачным и справедливым (один принцип) и че-

ловекоцентричным (другой). Авторы подробно рассматривают содержание основных принципов регулирования ИИ в Сингапуре. В статье делается вывод, что подход Сингапура отличается от российского, хотя некоторые принципы Рамочной модели регулирования ИИ коррелируют с положениями, закреплёнными в российском национальном кодексе этики ИИ. В российском варианте много внимания уделяется различным аспектам безопасности ИИ (информационной, работы с данными, непричинения вреда), что не отражено в качестве ключевых принципов в основном документе нормативной регламентации ИИ Сингапура.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право и этика ИИ, киберправо, право Сингапура, право и этика информационных технологий, гуманистический подход, объяснимость ИИ, прозрачность ИИ, справедливость ИИ.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

Для цитирования: Дремлюга Р. И. Основы национального регулирования применения искусственного интеллекта: опыт Сингапура // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 214–224. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/214-224>.

Original article

BASICS OF NATIONAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE EXPERIENCE OF SINGAPORE

Roman Igorevich Dremluga, Far Eastern Federal University, 690922, Russia,
Vladivostok, Fr. Russian, Ajax, 10, building D, dreamluck@yandex.ru

Abstract. Artificial Intelligence is a technology that has changed all areas of human life. A fragmented approach is popular in AI regulation, where each area of application of this technology develops its distinct regulatory field. This significant trend has two implications. On the one hand, specific issues are out of either regulations or the research agenda. On the other hand, and more disruptively, there are relatively few doctrinal studies and rules that address AI's general ethical or legal challenges. However, there is another way of shaping the regulatory rules for the use of AI, where general principles and provisions are formulated at the national level to regulate the field of artificial intelligence. The present research is focused on studying the Singapore's approach to regulating relations regarding the use of artificial intelligence. According to various indicators, Singapore is a leader in digital transformation in the world. The paper reviews the principles enshrined in the AI Regulatory Framework. Although the document is non-binding in the

AI Regulatory Framework, many Singapore companies have committed to comply with its principles and norms. The Code of Conduct contained within the AI Regulatory Framework sets out the overall national regulation of AI in Singapore. According to the document, all rules regarding the use of AI must rely on two principles: AI must be explainable, transparent, fair (one principle), and human-centric. The authors consider the content of the basic principles of AI regulation in Singapore. The paper concludes that Singapore's approach differs from the Russian one, although some of the Framework Model of AI regulation principles correlate with the provisions enshrined in the Russian national code of ethics for AI. The Russian version focuses a lot on various aspects of AI security (information, data handling, non-harm), which are not crucial principles in the main document of Singapore's AI regulation.

Keywords: artificial intelligence, AI law and ethics, cyber law, Singapore law, information technology law and ethics, humanistic approach, AI explainability, AI transparency, fair AI.

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project No. 18-29-16129.

For citation: Dremluga R. I. Basics of national regulation of artificial intelligence: the experience of Singapore // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 2022, no. 1. P. 214–224. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/214-224>.

В последние годы искусственный интеллект является предметом обширных и ожесточённых дебатов на международной арене и в большинстве стран мира. Озабоченность проблемой использования ИИ затрагивает государства, международные организации, негосударственных субъектов, корпорации, предприятия, научные круги и гражданское общество в широком смысле. Эти обсуждения охватывают технологические, экономические и социально-политические аспекты, а иногда этические и правовые вопросы, связанные с ИИ.

Особенно выделяется вопрос нормативных ограничений и правил применения ИИ. Так, этические и правовые аспекты, связанные с интеллектуальными системами, стали предметом многочисленных научных исследований [1; 2; 3; 4]. В большинстве из них рассматриваются отдельные или специфические аспекты, такие как использование ИИ в навигации морских судов [5] или смертоносных автономных системах вооружений [6]. Зачастую авторы предлагают совершенно разные подходы к регулированию отношений по поводу применения ИИ в своих областях использования технологии. Следовательно, согласно преобладающей тенденции применение ИИ должно по-разному регулироваться в различных сферах. Эта основная тенденция имеет два последствия. С одной стороны, есть конкретные вопросы, которые не охватываются ни нормативными актами, ни исследовательской повесткой. С другой стороны,

существует лишь относительно небольшое количество доктринальных исследований и нормативных актов, которые касаются общих этических или правовых проблем, создаваемых ИИ. В результате отраслевая и фрагментарная перспектива преобладает над целостным и комплексным подходом.

Вместе с тем существует и другой путь формирования нормативных правил использования ИИ, в некоторых странах в разной форме на национальном уровне формулируются общие принципы и положения регулирования сферы применения искусственного интеллекта. К таким странам относится и Россия, в которой в рамках сотрудничества крупных ИТ-компаний, государственных органов и академической среды был подписан национальный кодекс этики искусственного интеллекта¹. Данный документ определил не только основные принципы регулирования сферы применения ИИ, но и обозначил требования, которые должны выполняться при разработке и использовании ИИ. Хотя Россия и добилась существенных успехов в вопросах цифровизации, она пока не является мировым лидером в данном вопросе. Для исследования вопроса регулирования применения искусственного интеллекта был бы крайне интересен опыт государств, которые возглавляют мировые независимые рейтинги по вопросам цифровизации. Подобный анализ позволил бы выявить перспективные направления развития Российской нормативной базы права и этики ИИ.

К мировым лидерам цифровизации относится, например, Сингапур. Так, он лидирует по нескольким индикаторам в мировых рейтингах конкурентоспособности, подготовленных под эгидой мирового экономического форума (англ. – World Economic Forum), в рамках изданий глобального отчёта о конкурентоспособности в 2019 и 2020 гг. (англ. – The Global Competitiveness Report Insight Report 2019 [7], The Global Competitiveness Report Special Edition 2020 [8]). Сингапур является третьим по уровню проработки законодательства, связанного с цифровой экономикой. Данная страна в рейтинге 2020 г. занимает 6-е место по уровню внедрения информационно-коммуникационных технологий и наличию у своего населения цифровых навыков. В отчёте 2019 г. рассматриваемая страна заняла абсолютное первое место по конкурентоспособности в рамках Индустрии 4.0. (цифровой экономики). При этом Сингапур схож с Россией по некоторым параметрам, которые влияют на развитие цифровой экономики. Согласно упомянутому отчету в Сингапуре низкий уровень свободы СМИ. Также следует отметить длительную несменяемость лидирующей партии власти. Следовательно, опыт Сингапура может быть крайне полезен для развития российской нормативной базы в сфере регулирования применения искусственного интеллекта.

Основным документом, на который опирается Сингапур в вопросах права и этики искусственного интеллекта, является Рамочная модель регулирования ИИ

¹ В России подписан «Кодекс этики искусственного интеллекта», <https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html>

(The Model AI Governance Framework) [9]. Схема, опубликованная Комиссией по защите персональных данных (PDPC), является руководством, которому следует большинство разработчиков ИИ в Сингапуре. Второе издание данного документа было представлено в январе 2020 г. на ежегодной встрече Всемирного экономического форума в Давосе, Швейцария [10].

Нормы и принципы, обозначенные в Рамочной модели регулирования ИИ, носят добровольный характер. Документ содержит рекомендации по вопросам, которые необходимо рассмотреть при оценке конкретного использования технологии ИИ, и мерам, которые могут быть реализованы для укрепления доверия к ней. В Рамочной модели регулирования ИИ приводятся также рекомендации по принятию разумных мер по приведению внутренней политики, структур и процессов частных компаний и государственных структур в соответствие с соответствующей практикой управления и защиты данных.

Несмотря на необязывающий характер Рамочной модели регулирования ИИ, многие компании Сингапура приняли на себя обязательство руководствоваться её принципами и нормами. Многие технологические компании имплементировали также нормы документа в корпоративные документы, сделав мягкие рекомендации обязательными для своих сотрудников. Это – частая практика, когда рамочное регулирование вопросов по поводу применения ИИ становится обязывающим посредством добровольного принятия. Так же произошло с национальным Кодексом этики в сфере искусственного интеллекта в России [18]. После опубликования документа многие Российские ИТ-компании и исследовательские учреждения признали для себя положения кодекса в качестве обязательных.

Как гласит Рамочная модель регулирования ИИ, вся регламентация отношений по поводу использования ИИ должна строиться на двух принципах: ИИ должен быть объяснимым, прозрачным и справедливым (англ. – explainable, transparent and fair), ИИ должен быть человекоцентричным (англ. – human-centric). В нормативном документе используется сразу три характеристики – explainable, transparent and fair для обозначения первого принципа. Во многих доктринальных источниках и нормативных документах перечисленные выше термины упоминаются в качестве отдельных принципов использования ИИ [11; 12]. *Объяснимость* – свойство ИИ, которое отражает степень его понятности для внешнего наблюдателя. В контексте регламентации общественных отношений по поводу использования ИИ речь идёт, прежде всего, о том, что общество понимает, как ИИ принимает решение. Это не означает, что внешний наблюдатель должен понимать, какие коэффициенты использует нейронная сеть, на которой построен ИИ. Подразумевается, что понятны общие принципы работы и ясно, как результаты, которые выдаёт ИИ, связаны с данными, поступающими в систему.

Прозрачность ИИ – отчасти близкое к *Объяснимости* свойство. Прозрачность также означает возможность осуществления общественного контроля за ра-

ботой интеллектуальной системы. Прозрачность как свойство ИИ можно понимать в двух контекстах: юридическая прозрачность (возможность доступа к коду программы, несмотря на закреплённые в национальном законодательстве режимы интеллектуальной собственности или коммерческой тайны) и прозрачность в применении алгоритма (понимание, как работает алгоритм).

Зарубежный опыт показывает, что, являясь разработкой частных компаний, зачастую интеллектуальные алгоритмы защищены законами о защите интеллектуальной собственности и коммерческой тайне. На практике это означает, что ни законодательные органы, приобретающие программное обеспечение, ни третьи лица не имеют доступа к исходному коду и технической документации продукта [13]. В результате оператор алгоритма (например, законодательный орган) не имеет возможности узнать, какие процессы происходят во время обработки данных и, следовательно, как алгоритм принимает то или иное решение. Поэтому необходимо принудительно заставлять компании раскрывать обществу принципы работы и описание реализации ИИ [14]. Особенно это касается случаев, когда ИИ принимает решения, существенно влияющие на жизнь людей. Например, такие, как юридически значимые решения (принятие решения о назначении штрафа, отказ в государственной услуге и т. д.) или решения, касающиеся жизни и здоровья (постановка диагноза, назначение лечения).

Наличие доступа к исходному коду алгоритма и коэффициентам не является гарантией того, что механизм принятия нормотворческих решений искусственным интеллектом (далее – ИИ) станет более прозрачным. Как показывают некоторые исследования, несмотря на высокую точность и надёжность применяемых алгоритмов, их работа часто остается чёрным ящиком для пользователя с точки зрения того, как они генерируют решения или прогнозы на основе входных данных. В этом смысле прозрачность не означает объяснимости и наоборот.

Справедливость как свойство ИИ зачастую означает, что решения, принимаемые интеллектуальной системой, будут свободны от различного рода дискриминационных предубеждений, свойственных людям. В научной литературе и нормативных документах к таким предубеждениям относится дискриминация на расовой, культурной, гендерной почве [15]. Пожалуй, наиболее обсуждаемый случай использования несправедливого ИИ – это интеллектуальное программное обеспечение, помогающее судьям судов США определить риск повторного совершения преступления. Согласно независимому журналистскому расследованию программа использовалась при принятии различных решений на стадиях уголовного судопроизводства, от вынесения решения о залоге до принятия решения об условно-досрочном освобождении. Оказалось, что данная система не лишена недостатков и, при прочих равных свойствах, прогнозирует более высокие риски повторного совершения преступлений для чернокожих американцев [16]. Данное расследование вызвало большой общественный резонанс, и справедливость решений и суждений, выносимых ИИ,

стала предметом обсуждения во многих странах. Теперь принцип *справедливости* закреплён в большинстве документов, касающихся сферы применения ИИ.

Человекоцентричность означает, что правила Рамочной модели регулирования ИИ, прежде всего, должны принимать во внимание природу человека, его права и свободы, его потребности, его творческий потенциал. То есть правила, закреплённые в документе, в первую очередь должны создаваться в интересах людей. Закрепление данного принципа достаточно спорно. Человекоцентричность априори является свойством любых социальных правил, будь то этические или юридические нормы. Об этом говорят многие исследователи в России и за рубежом, среди них декан юридической школы Сингапурского национального университета Саймон Честерман в одной из своих работ [17]. Учёный, который является известным специалистом в сфере этики и права ИИ, использовал термин антропоцентричный (anthropocentric) как характеристику современного права. Антропоцентричность и человекоцентричность, по сути, синонимы. То есть человекоцентризм социальных норм – очевидный факт, и его не следует обозначать как отдельный принцип в своде норм для регулирования отношений по поводу использования и разработки искусственного интеллекта. Скорее, человекоцентричность является общим принципом – как права, так и этики.

Кроме того, в приведённой выше работе антропоцентризм употреблялся как негативная характеристика права в контексте его применимости для регулирования отношений по поводу использования ИИ. Антропоцентризм права означает его неспособность работать с другими автономными субъектами, кроме людей и различных форм их организации (юридические лица, государства, НКО). Таким образом, человекоцентризм, скорее, является препятствием для того, чтобы современные этика и право регламентировали общественные отношения по поводу использования ИИ.

Документ раскрывает, что под человекоцентричностью подразумевается использование ИИ для расширения человеческих возможностей, защиты интересов человека, включая защиту интересов людей, а также их благополучия и безопасности. Эти требования должны быть первоочередными при проектировании, разработке и развертывании ИИ в Сингапуре. Такой список характеристик скорее напоминает «человеко-ориентированный и гуманистический подход», который упоминается в российском национальном кодексе этики искусственного интеллекта. Как отмечается в национальном «Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта», принятом в нашей стране, «технологии ИИ должны способствовать или не препятствовать реализации всех потенциальных возможностей человека для достижения гармонии в социальной, экономической, духовной сфере и наивысшего расцвета личности, учитывать ключевые ценности, такие как: сохранение и развитие когнитивных способностей человека и его творческого потенциала; сохранение нравственных, духовных и культурных ценностей; содействие культурному и языково-

му многообразию, самобытности; сохранение традиций и устоев наций, народов, этносов и социальных групп» (Статья 1.1) [18].

Принцип, декларируемый в Рамочной модели регулирования ИИ Сингапура, скорее можно обозначить как гуманистический подход. В центре регулирования находятся отношения по поводу использования технологии и её характеристики, но при этом должны учитываться, прежде всего, ценности, права и свободы граждан, возможности раскрытия их творческого и интеллектуального потенциала, а также культурные особенности. Это не человекцентризм, поскольку нормы документа касаются в основном характеристик ИИ и особенностей его применения. Но человек и его потребности в данном случае являются единицей измерения допустимости использования ИИ.

Гуманистический подход предполагает оценку влияния применения ИИ на его пользователей, общество и окружающую среду. Необходимо разрабатывать и внедрять решения, которые не наносят вреда и способствуют улучшению жизни людей и общества [19]. При этом, как справедливо отмечают некоторые авторы, по умолчанию внедрение любой технологии – это шаг на пути к дегуманизации [20]. Технология заменяет человека, вытесняет его из сферы принятия решений, уменьшает его понимание и контроль за происходящим. Следовательно, закрепление данного принципа необходимо, поскольку априори любая технология антигуманистична, если не заставить её разработчика и оператора применять её, ориентируясь на человека и его ценности, права, свободы и потребности.

Подводя итоги, отметим, что в основе регулирования – как применения, так и разработки – искусственного интеллекта в Сингапуре лежат принципы объяснимости, прозрачности и справедливости интеллектуальных систем. Регулирование ИИ в Сингапуре подразумевает также гуманистический подход, который означает, что необходимо разрабатывать и внедрять интеллектуальные системы, которые не наносят вреда и способствуют улучшению жизни людей и общества. Подход Сингапура отличается от российского, хотя некоторые принципы Рамочной модели регулирования ИИ коррелируют с положениями, закреплёнными в российском национальном кодексе этики ИИ. В российском варианте много внимания уделяется различным аспектам безопасности ИИ (информационной, работы с данными, не причинения вреда), что не отражено в качестве ключевых принципов в основном документе нормативной регламентации ИИ Сингапура.

Список литературы

1. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон : монография. Москва : Проспект, 2021. 192 с.
2. Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 14–18.

3. Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120–125.
4. Филипова И. А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе. Искусственный интеллект и трудовое право. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2019. 89 с.
5. Гаврилов В. В., Дремлюга Р. И. Актуальные вопросы международно-правового регулирования плавания морских судов без экипажа // Московский журнал международного права. 2020. № 2. С. 65–76.
6. Egeland K. Lethal Autonomous Weapon Systems under International Humanitarian Law. *Nordic Journal of International Law*. 2016. No. 85(2). P. 89–118.
7. The global competitiveness report insight report 2019 // World Economic Forum / ed. by K. Schwab. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf.
8. The global competitiveness report special edition 2020 // World Economic Forum / ed. by K. Schwab. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf.
9. The Model AI Governance Framework first edition. URL: <https://ai.bsa.org/wp-content/uploads/2019/09/Model-AI-Framework-First-Edition.pdf>.
10. Model AI governance framework. Second edition. URL: <https://www.pdpc.gov.sg/-/media/Files/PDPC/PDF-Files/Resource-for-Organisation/AI/SGModelAIGovFramework2.pdf>.
11. Floridi L., Cowls J. A unified framework of five principles for AI in society // *Philosophical Studies Series*. 2021. Vol. 144. P. 5–17.
12. Engstrom D. F., Ho D. E. Algorithmic accountability in the administrative state // *Yale Journal on Regulation*. 2020. Vol. 37 (3). P. 800–854.
13. Burrell J. How the machine ‘thinks’: Understanding // *Big Data & Society*. 2016. Vol. 1–2, January–June. P. 1–12.
14. Kaminski M. E. Binary governance: Lessons from the GDPR'S approach to algorithmic accountability // *Southern California Law Review*. 2019. Vol. 92 (6). P. 1529–1616.
15. Gentzel M. Biased face recognition technology used by government: A problem for liberal democracy // *Philosophy and Technology*. 2021. Vol. 34 (4). P. 1639–1663.
16. Zone of ethics. Propublica. 2016. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>
17. Chesterman S. Artificial intelligence and the problem of autonomy // *Notre Dame Journal on Emerging Technologies*. 2020. Vol. 1, iss. 2. P. 211–250.

18. Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2021/10/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%B2_%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5_%D0%98%D0%98_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf. (In Russ.).
19. Xu L. The dilemma and countermeasures of AI in educational application // ACM International Conference Proceeding Series. Zhuhai, 2020. P. 289–294.
20. Oviatt S. Technology as infrastructure for dehumanization: three hundred million people with the same face // ICMI 2021 – Proceedings of the 2021 International Conference on Multimodal Interaction. Montréal, 2021. P. 278–287.

Информация об авторе

Р. И. Дремлюга – кандидат юридических наук, профессор Института математики и компьютерных технологий, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

References

1. Begishev I. R., Khisamova Z. I. *Artificial intelligence and criminal law: monograph*. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 192 p. (In Russ.).
2. Vasiliev A. A., Pechatnova Yu. V. Artificial intelligence and law: problems, prospects. *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal*, 2020, no. 2, pp. 14–18. (In Russ.).
3. Dremlyuga R. I., Dremlyuga O. A. Artificial intelligence as a subject of law: arguments for and against. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2019, no. 2, pp. 120–125. (In Russ.).
4. Filipova I. A. *Transformation of legal regulation of labor in a digital society. Artificial intelligence and labor law*. Nizhny Novgorod, 2019. 89 p. (In Russ.).
5. Gavrillov V. V., Dremlyuga R. I. Topical issues of international legal regulation of navigation of sea vessels without a crew. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2020, no. 2, pp. 65–76. (In Russ.).
6. Egeland K. Lethal autonomous weapon systems under international humanitarian law. *Nordic Journal of International Law*, 2016, no. 85 (2), pp. 89–118.
7. Schwab K. (ed.). The global competitiveness report insight report 2019. *World Economic Forum*. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf.
8. Schwab K. (ed.). The global competitiveness report special edition 2020. *World Economic Forum*. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf.

9. *The Model AI Governance Framework*. First edition. URL: <https://ai.bsa.org/wp-content/uploads/2019/09/Model-AI-Framework-First-Edition.pdf>.
10. *Model AI governance framework*. Second edition. URL: <https://www.pdpc.gov.sg/-/media/Files/PDPC/PDF-Files/Resource-for-Organisation/AI/SGModelAIGovFramework2.pdf>.
11. Floridi L., Cowls J. A unified framework of five principles for AI in society. *Philosophical Studies Series*, 2021, vol. 144, pp. 5–17.
12. Engstrom D. F., Ho D. E. Algorithmic accountability in the administrative state. *Yale Journal on Regulation*, 2020, vol. 37 (3), pp. 800–854.
13. Burrell J. How the machine ‘thinks’: Understanding. *Big Data & Society*, 2016, vol. 1–2, January–June, pp. 1–12.
14. Kaminski M. E. Binary governance: Lessons from the GDPR'S approach to algorithmic accountability. *Southern California Law Review*, 2019, vol. 92 (6), pp. 1529–1616.
15. Gentzel M. Biased face recognition technology used by government: A problem for liberal democracy. *Philosophy and Technology*, 2021, vol. 34 (4), pp. 1639–1663.
16. *Zone of ethics*. Propublica. 2016. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>
17. Chesterman S. Artificial intelligence and the problem of autonomy. *Notre Dame Journal on Emerging Technologies*, 2020, vol. 1, iss. 2, pp. 211–250.
18. *Code of ethics in the field of artificial intelligence*. URL: https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2021/10/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%B2_%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5_%D0%98%D0%98_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf .
19. Xu L. The dilemma and countermeasures of AI in educational application. *ACM International Conference Proceeding Series*, Zhuhai, 2020, pp. 289–294.
20. Oviatt S. Technology as infrastructure for dehumanization: three hundred million people with the same face. *ICMI 2021 – Proceedings of the 2021 International Conference on Multimodal Interaction*, Montréal, 2021, pp. 278–287.

Information about the author

R. I. Dremluiga – Candidate of Law, Professor of the Institute of Mathematics and Computer Technologies, Vladivostok, Russia.

Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 225–238.

Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 225–238.

Научная статья

УДК 34.03:004

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/234-238>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Андрей Александрович Яковенко

Дальневосточный федеральный университет, Центр НТИ по нейротехнологиям, технологиям виртуальной и дополненной реальности, 690922, Россия, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус G, iakovenko.aa@dvfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0337-8298>

Аннотация. Глобальная цифровизация предъявляет новые требования к взаимодействию различных сфер и практик человеческой деятельности. В частности, необходимо сочетание правовых и технических регуляторов, без которых невозможно добиться эффективной и адекватной правовой регламентации общественных отношений в цифровую эпоху. В данной статье рассматривается вопрос интеграции традиционных правовых институтов с компонентами цифровой среды. Проводится анализ концепции, в которой право как социальный регулятор отражается в архитектуре компьютерных программ. В работе рассматриваются существующие примеры подобного использования цифровых технологий в юридической деятельности. Предметом исследования является отечественная и зарубежная правовая доктрина, посвящённая вопросам цифровизации и практического внедрения информационных технологий в юридическую деятельность. В данном исследовании были использованы следующие методы научного исследования: статистический; догматический; сравнительно-правовой; синергетический, а также логический, функциональный и системный. Новизна исследования обусловлена необходимостью применения информационных технологий в сфере юриспруденции в ходе стремительного процесса цифровизации всех сфер жизни общества.

Автор приходит к выводу, что новые технологические решения могут и, несомненно, станут незаменимыми в юридической деятельности, однако сегодня уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) не позволяет полностью заменить человека техникой.

Ключевые слова: цифровизация, интеграция, искусственный интеллект, блокчейн, принципы права, deepfake, большие данные, конвергенция, архитектура, морально-этические нормы, национальное правовое регулирование, международное право.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

Для цитирования: Яковенко А. А. Цифровые технологии как инструмент регулирования общественных отношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 225–238. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/234-238>.

Original article

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR REGULATING SOCIAL RELATIONS

Andrey A. Yakovenko

Far Eastern Federal University, STI Centre for Neurotechnology, Virtual and Augmented Reality Technologies, 690922, Russia, Vladivostok, Fr. Russian, p. Ajax, 10, building G, iakovenko.aa@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0337-8298>

Abstract. Global digitalization sets new requirements and standards for the interaction of various fields and practices of human activity, in particular the combination of legal and technical regulators, without which it is impossible to achieve an effective and adequate legal regulation of public relations in the digital era. This article discusses the possibility and necessity of integrating classical legal institutions with components of the digital environment. It analyses the idea of reflection of law as a social regulator in the architecture of programs and examines existing practices of using digital technologies in legal activities. The subject of the study includes domestic and foreign legal doctrines dedicated to the issues of digitalization and the practical implementation of information technology in legal activities. The following methods of scientific research were used in this study: statistical; dogmatic; comparative-legal; synergetic, as well as logical, functional and systematic. The novelty of the study is confirmed by the need to bring together the legal and information system during the rapid process of digitalisation of all fields of society.

The author concludes that new technological solutions can and will undoubtedly become indispensable supporting solutions in legal activity, however, today the level of technology development does not allow to fully replace humans with technology.

Keywords: digitalisation, integration, artificial intelligence, blockchain, principles of law, deepfake, big data, convergence, architecture, moral and ethical standards, national legal regulation, international law.

Financial Support. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project No. 18-29-16129.

For citation: Yakovenko A. A. Digital technologies as a tool for regulating social relations // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 25, no. 1. P. 225–238. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/234-238>.

Введение

Цифровая трансформация общества и государства в настоящее время является одним из основных национальных приоритетов развития Российской Федерации. Этот тезис зафиксирован, например, в таких программных документах, как Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и многих других доктринально-правовых актах.

Достижение целей по цифровой трансформации общества и решение задач, возникающих при формировании цифровой экосистемы Российской Федерации, требуют создания нормативно-правовой базы, отвечающей задачам становления цифровой экономики и информационного общества в Российской Федерации. Достижение заявленных целей цифровой трансформации России должно гарантировать стабильность развития общества и цифровой суверенитет государства.

В процессе перехода к цифровой экономике в сфере регулирования возникает целый ряд проблем: юрисдикционные проблемы, вызванные трансграничным применением технологий; проблемы, связанные с анонимизацией и деанонимизацией пользователя; проблемы закрытых технологических систем, вызываемые развитием криптографии и распределённых реестров; проблемы, связанные с определением правового статуса искусственного интеллекта; феномен больших данных и многие другие. Обозначенные проблемы как в отечественной, так и в зарубежной юридической науке неоднократно поднимались в работах исследователей [1; 2; 3; 4].

Однако новые технологические решения или их побочные продукты (в переводе с английского "byproduct" или "offshoot"), которые, с одной стороны, порождают проблемы регламентации в России и за рубежом, с другой стороны, способны помочь решить проблему регулирования и корректировки новых цифровых отношений, только разрабатываются. В некоторых случаях технологии сами могут взять на себя роль регулятора. Например, это возможно, когда ситуация типична и не требует обращения к основным постулатам правового регулирования, или когда контекст спора не требует применения существенных интеллектуальных усилий.

Наиболее перспективными направлениями использования технологий в контексте цифровой экономики являются следующие: внедрение технологий обработки естественного языка в сфере технического регулирования: стандартизация и сертификация; обработка транзакций и мониторинг исполнения сделок; сокращение финансовых и временных затрат при документообороте; автоматизация работы судов с использованием технологий обработки естественного языка; возможности для развития цифровых платформ.

Показательный, нормативно отражённый пример своеобразного начала взаимодействия цифровой и социальной составляющих можно найти в статье 25 GDPR (General Data Protection Regulation) (EU GDPR). The latest consolidated version of the Regulation with corrections by Corrigendum, OJ L 127, 23.5.2018, p. 2 ((EU) 2016/679).

Эффект от объединения как социальной, так и цифровой составляющей должен выражаться в цифровой трансформации общества и формировании цифровой экосистемы, позволяющей праву быть выраженным в архитектуре программных продуктов и функционировать по умолчанию.

Рассмотрение проблемы

В настоящее время в контексте автоматизации юридической деятельности на профессиональной основе всё чаще звучит тезис о том, что всех юристов скоро заменят компьютерные программы, и в этом случае, говоря об автоматизации деятельности, например, судей или полиции, мы приходим к вопросу о роботизации (алгоритмизации) юридической деятельности [19].

Говоря о роботизации юридической деятельности, необходимо отметить, что речь идёт, в первую очередь, о нейронных сетях и алгоритмах Deep learning и Machine learning, которые принято называть искусственным интеллектом (далее – ИИ).

Сегодня ИИ в сфере юриспруденции решает целый ряд задач. Например, анализ данных о совершённых преступлениях и анализ результатов судебных слушаний. Так, в Лос-Анджелесе ИИ (под названием PredPol3) анализирует данные о совершённых уголовных преступлениях (данные относятся к категории «Большие данные») [14], чтобы предсказать будущие уголовные преступления. ИИ работает по следующему сценарию: собирает данные о месте и времени совершения преступления и составляет карту «горячих точек» – мест, где, скорее всего, произойдет следующее преступление. При этом некоторые исследования показали, что ИИ не лишён недостатков, поскольку в большинстве случаев он отмечает районы на карте и направляет полицию в места, где преимущественно проживают темнокожие люди [15; 19].

Если говорить об использовании ИИ в судах, то существует программа (COMPAS4), используемая судьями в различных штатах США. Алгоритм помогает судье прогнозировать риск рецидива преступлений. Примечательно, что алгоритм

тоже дискриминирует темнокожих людей, переоценивая уровень их склонности к рецидиву [5].

Объяснение довольно простое: ИИ должен пройти обучение на некоторых кейсах, чтобы принимать решения. Кейсы берутся из ранее подготовленного материала или материала из открытых источников. Поскольку американская история содержит длительный период нетолерантности к афроамериканцам со стороны правоохранительных органов, а данные, взятые для обучения, генерируются людьми, то результаты, которые выдаёт ИИ, являются отражением отношения полицейских к афроамериканцам за определённый период времени [16; 18].

Можно предположить, что подобная технология будет представлять значительный риск нарушения конституционных прав человека и гражданина [5] при внедрении в правовую систему. Например, её использование в деятельности полиции или суда может привести к серьёзному ущемлению прав отдельных групп населения.

Когда речь идёт о последовательности внедрения подобных систем и алгоритмах их функционирования, представляется неправильным применение цифровых технологий в сфере регламентации традиционных общественных отношений без учёта необходимости создания первоначальных «цифровых практик» и/или «цифровых норм». Это проявляется в том, что сегодня право и правоприменительная практика выражаются на естественном языке, следовательно, обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP, далее – НЛП) [18] является существенным компонентом цифровой трансформации современной юриспруденции.

Несмотря на то, что НЛП позволяет решить вышеописанные проблемы, стоит задаться вопросом, можно ли применить НЛП к любой юридической деятельности [6]?

В этом случае необходимо отметить, что НЛП преобразует неструктурированный текст в формальное представление, которое компьютер может понять и проанализировать. В настоящее время количество хранилищ оцифрованных, машиночитаемых юридических текстовых данных растёт благодаря совершенствованию алгоритмов и используемого оборудования для обработки данных.

Когда речь идёт об обработке естественного языка в юриспруденции, основное внимание уделяется статистическим методам машинного обучения, поскольку они демонстрируют значительные перспективы для развития систем текстовой информатики [7] и, вероятно, будут актуальны в обозримом будущем.

Алгоритмы машинного обучения часто могут создавать полезные компьютерные модели сложных явлений путём обнаружения закономерностей. Предполагается, что существует подмножество юридических задач, которые в настоящее время выполняются вручную. С помощью таких методов, как машинное обучение, при условии понимания и учёта ограничений, например, при работе с различными видами обращений граждан можно более эффективно решать эти задачи [17]. Они могут быть частич-

но автоматизированы, поскольку часто целью автоматизации является не замена, а скорее дополнение, например, при фильтрации вероятных нерелевантных данных, что поможет повысить эффективность работы юриста на рабочем месте. Во многих случаях алгоритмы могут эффективней обрабатывать большие объёмы данных [8] и производить их оценку на предмет отношения данных к делу.

Кроме того, алгоритмы могут выделять определённые потенциально важные документы, которые требуют повышенного внимания при решении определённой юридической задачи. В этом смысле алгоритм не заменяет деятельность юриста, а скорее автоматизирует некоторые типичные «лёгкие дела» так, что когнитивные усилия человека и время, потраченное на обработку, могут быть сохранены для тех задач, которые действительно потребуют юридических навыков более высокого порядка.

Алгоритмы машинного обучения могут использоваться для классификации процессуальных документов и подготовки ответов на обычные процессуальные запросы или составление простых процессуальных документов. Однако в некоторых случаях объединяющие характеристики данных, например НЛП и судебных актов, могут быть неочевидны. В таких случаях (когда между элементами есть скрытые общие черты) может быть очень полезен один из методов машинного обучения, известный как кластеризация. При кластеризации алгоритм пытается автоматически сгруппировать элементы, которые в некоторой степени похожи друг на друга, на основе некоторых общих характеристик, которые алгоритм обнаружил [9]. Другими словами, алгоритм пытается автоматически обнаружить скрытые или неочевидные связи между документами, которые иначе было бы нелегко обнаружить, и сгруппировать такие связанные документы вместе.

Следовательно, алгоритм может быть использован для обнаружения, на первый взгляд, скрытых взаимосвязей в несвязанных юридических документах. В этом случае алгоритм кластеризации может автоматически найти связь и сгруппировать данные в соответствии с этой неочевидной связью, обнаружив закономерность среди большого набора данных.

Это свойство алгоритма кластеризации может быть использовано при проверке патентоспособности изобретения (новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость). Учитывая внушительные объёмы опубликованных описаний, трудно найти конкретные данные вручную [10]. Задача поиска таких данных, по сути, является проблемой автоматического выявления связи между патентной заявкой и более ранним документом предшествующего уровня. Для поиска связанных документов потенциально можно использовать алгоритм кластеризации, группируя документы, относящиеся к находящейся в процессе рассмотрения патентной заявке [11]. В целом автоматическая кластеризация данных может быть полезна и в других областях юриспруденции, где поиск релевантной информации среди больших баз данных имеет решающее значение.

Однако юридическая работа требует и знаний, которые остаются за пределами возможностей современного искусственного интеллекта. В настоящее время ИИ не способен воспроизвести большинство интеллектуальных способностей человека, таких как рассуждение по аналогии [12].

Учитывая эти и другие ограничения технологии искусственного интеллекта в наши дни, можно сделать вывод, что искусственный интеллект будет иметь мало влияния в тех областях, где рассматривается использование абстракций и неопределённостей, т. е. в юриспруденции. Компьютеры не смогут воспроизвести когнитивные способности высшего порядка, демонстрируемые юристами-практиками.

Вышесказанное доказывает необходимость не только создания нормы на естественном языке, но и внедрения формальных языков в правотворческую деятельность, т. е. норма должна стать понятной и читаемой не только для человека, но и для программы. Это должно способствовать появлению цифровой нормы и, соответственно, цифровой практики. Именно такая процедура должна привести к более объективному и единообразному правоприменению.

Особенности юридической техники

Однако не все нормы права могут быть выражены в формальном языке. Это связано, прежде всего, с тем, что правовые нормы могут значительно отличаться друг от друга по своим свойствам, например, можно выделить: нормы-принципы; нормы-дефиниции и так далее. Большинство из них сложно подогнать под такие критерии юридической техники, как конкретность, определенность, полнота, ясность. Это является фактором, затрудняющим перевод норм на формальные языки. Полагаем, что нормы, выраженные на формальных языках, будут в большей степени адаптированы к применению в отдельных сферах. Например, в сфере регулирования правоотношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, использование цифровых норм выглядит перспективно.

Вместе с тем, для перевода традиционных норм права или создания новых адаптированных норм для формального языка необходимо провести большую работу, связанную с классификацией и определением норм, подлежащих переводу на формальный язык.

Учитывая вышесказанное и специфику инструментов, используемых для защиты прав и свобод человека и гражданина, наиболее развитой и перспективной сферой для создания экосистемы функционирования права, выраженного формальным языком, в настоящее время является финансовый сектор. В частности, речь идёт о технологии распределённого реестра (блокчейн) и производных решениях на её основе, таких как смарт-контракты [13].

Говоря о технологии блокчейн, можно отметить, что данное технологическое решение в его классической реализации (публичный блокчейн) отражает, например, такие правовые принципы, как принципы равенства и справедливости.

Опубликовано достаточно большое количество исследований о преимуществах технологии блокчейн, которая лежит в основе функциональности смарт-контрактов [21].

Одной из функций смарт-контрактов является отслеживание выполненных условий, прописанных в условиях, и самостоятельное, на основании предыдущего пункта выполнения, принятие решения о дальнейшем взаимодействии поставщика и заказчика. По завершении исполнения контракта алгоритм смарт-контракта распределяет активы между участниками или, в случае несоблюдения определённых условий, налагает штрафы и пени. При необходимости смарт-контракт может автоматически закрывать доступ к активам контракта.

Как отмечает В. Н. Терентьев, предлагаемые смарт-контракты исключают человеческий фактор из процесса выполнения принятых обязательств, повышают скорость осуществления сделки, устраняя посредников (в том числе казначейство). Основная задача таких смарт-контрактов – сформировать универсальные решения для участников государственных закупок, исключив их прямое взаимодействие друг с другом, переложив контроль исполнения контракта на специальные службы [20].

Например, одной из областей, где смарт-контракт может быть использован для наилучшего раскрытия своего регулятивного потенциала, является интеграция смарт-контракта в процесс поставки. Успешным примером использования смарт-контракта стала поставка в 2016 г. продукции ирландского производителя Ogmia на сумму 100 000 долларов США сейшельской компании. Такая сделка была завершена за четыре часа, тогда как обычно подобная операция занимает до десяти часов.

Сделка была завершена на блокчейн-платформе Waves с участием банка Barclays. Процесс заключения и выполнения сделки состоял из следующих этапов:

1. Сейшельская торговая компания открыла аккредитив, а затем отправила документы, подтверждающие этот факт, на блокчейн-платформу;
2. Блокчейн-платформа Waves провела переговоры и проверила достоверность этой информации с банком и получила его одобрение;
3. Деньги были переведены на счёт торговца в момент уведомления блокчейн-платформы Waves и банка.

Технология блокчейн в данной сделке выразилась в использовании датчиков на грузе, которые срабатывали по окончании разгрузочных работ и посылали сигнал в Waves и банк. Получение сигнала от датчиков являлось основанием для списания средств с банковского счёта [22] для погашения договорных обязательств.

По такому же принципу сделки с использованием смарт-контрактов в 2016 г. была осуществлена поставка 88 тюков хлопка из США, штат Техас, в китайский

порт Циндао. В этой сделке оплата за всю партию была произведена полностью на платформе блокчейн, и условием этой оплаты было то, что система была уведомлена о физическом местонахождении груза [22].

В России крупный бизнес также не отстаёт и использует новые ресурсы для оптимизации своей деятельности. Например, в 2017 г. с помощью смарт-контракта была заключена аккредитивная сделка на основе блокчейна между Альфа-Банком и компанией S7. Следствием использования смарт-контракта в деятельности одного из крупнейших коммерческих банков России, а также крупнейшей частной авиакомпании S7, которая, помимо прочего, заключает множество трансграничных контрактов, стал также рост популярности этого инструмента во внешнеэкономических отношениях. Вышеупомянутый пример соглашения, заключённого в форме смарт-контракта между Альфа-Банком и S7 Airlines, был не единственным случаем использования такого механизма между двумя компаниями и получил продолжение в 2018 г. [22].

Альфа-Банк совместно с S7 Airlines заключил смарт-контракт с оператором рынка авиатоплива «Газпромнефть – Аэро». Контракт содержал информацию об объёме и стоимости топлива. Механизм рассмотренной нами сделки состоял из следующих шагов:

1. Клиент подал запрос на покупку топлива на блокчейн-платформу Hyperledger и подтвердил способ оплаты будущего договора.
2. После того как командир воздушного судна запросил у оператора точное количество топлива, необходимое для полёта, в Альфа-Банк была отправлена онлайн-заявка на резервирование соответствующего количества.
3. Подтверждение от банка позволило «Газпромнефть – Аэро» автоматически начать заправку самолёта.
4. По окончании заправки средства списывались, а коммерческие службы сторон информировались о закрытии сделки со всеми документами [22].

В результате смарт-контракт позволяет авиакомпании оплачивать топливо непосредственно в момент заправки самолёта: без предоплаты, банковских гарантий и финансовых рисков для сторон, участвующих в сделке.

Участники такой сделки на практике выявили ряд преимуществ перед другими формами контракта: полное отсутствие посредников и других третьих лиц, чья функция сводилась к исполнению договора; снижение финансовых рисков при работе с любым контрагентом (технология blockchain повышает безопасность); экономия времени в результате автоматизации всех действий при исполнении условий контракта. При этом в будущем в смарт-контракт можно ввести специальные условия (срок поставки, срок исполнения заказа), отпадает необходимость контролировать наличие предоплаты, осуществлять эффективный биллинг, контролировать денежную задолженность, как в случае с договором поставки топлива между «Газпромнефть-Аэро» и S7 Airlines.

Путём введения в оборот технологии распределённого реестра могут быть реализованы следующие регулятивные цели закона:

1. Безопасность, поскольку в случае уничтожения документов в традиционной бумажной форме восстановить право на что-либо может быть крайне сложно, так как для этого требуется дополнительное подтверждение со стороны заявителя существования данного права, например на заявленное имущество. В то же время запись, сформированная в смарт-контракте, не хранится в одном конкретном месте, а копируется на многих устройствах, подключённых к системе блокчейн, что гарантирует безопасность данных. С помощью смарт-контрактов можно отследить всю историю собственности каждого участника системы, что исключает возможность коррупционных и мошеннических действий.

2. Прозрачность сделки. Вся цепочка данных доступна для просмотра всем сторонам, участвующим в процессе.

3. Снижение бюрократических и транзакционных издержек. Отсутствие каких-либо посредников, что приведёт к сокращению расходов государства на содержание и управление подотчётными ему участниками имущественных сделок.

Приведённый пример, хотя и является частным случаем внедрения технологической составляющей в социально-экономические процессы, тем не менее демонстрирует её надёжность и эффективность регулирования.

Заключение

Примеры, приведённые в тексте, наглядно показывают процесс цифровизации разных сфер общественной жизни. Право в данном случае не является исключением: одним из частных случаев цифровизации права является использование смарт-контракта как своеобразного цифрового инструмента регулирования общественных отношений, функционирующего на основе технологии блокчейн по строго прописанному алгоритму. Говоря о более сложных процессах и перспективах взаимодействия и взаимодополнения права (как социального регулятора) и формальных языков программирования (как компонента цифровой среды), можно выделить следующие перспективные направления их взаимодействия и развития: внедрение технологий обработки естественного языка в техническое регулирование: стандартизация и сертификация; оформление сделок и контроль их исполнения; сокращение финансовых и временных затрат на документооборот; автоматизация деятельности судов с использованием технологий обработки естественного языка; возможности развития цифровых платформ. При этом основным и начальным этапом в процессе цифровизации юриспруденции должно стать нормотворчество: процесс, предполагающий адаптацию классического социального регулятора, изложенного на естественном языке, к формальному языку.

Список литературы

1. Газизов Р. Р. Право и информационное право в контексте взаимодействия с искусственным интеллектом: социально-философский аспект // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 398–401.
2. Старовойтова О. Е. Искусственный интеллект и его влияние на формирование права Развитие // Юридическая наука: История и современность. 2018. № 1. С. 52–56.
3. Hauer T. Society caught in a labyrinth of algorithms: disputes, promises, and limitations of the new order of things // Society. 2019. Vol. 56 (3). P. 222–230. DOI: 10.1007/s12115-019-00358-5.
4. Дремлюга, Р. И., Коробеев А. И. Борьба с распространением реалистичных аудиовизуальных поддельных материалов за рубежом (deepfake): уголовно-правовые и криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 3. С. 372–379. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).372-379.
5. Balkin J. M. Sidley austin distinguished lecture on big data law and policy: The three laws of robotics in the age of big data // Ohio State Law Journal. 2017. Vol. 78. P. 1217–1242.
6. Coglianese C. Administrative law in the automated state // Daedalus. 2021. Vol. 150 (3). P. 104–120. DOI:10.1162/DAED_a_01862.
7. Text summarization using natural language processing / G. Sreenivasulu, N. Thulasi Chitra, B. Sujatha, K. Venu Madhav // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2022. Vol. 117. P. 535–547. DOI: 10.1007/978-981-16-0739-4_62 Retrieved from www.scopus.com.
8. Dunn W. N. Public policy analysis: An integrated approach. [S. l.] : Routledge, Taylor & Francis Group, 2018. 498 p.
9. Kerikmäe T., Pärn-Lee E. Legal dilemmas of estonian artificial intelligence strategy: In between of e-society and global race // AI and Society. 2021. Vol. 36 (2). P. 561–572. DOI: 10.1007/s00146-020-01009-8.
10. Ветютнев Ю. Синергетика и юриспруденция // Современные методы исследования в юриспруденции / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов : СЮИ МВД России, 2007. С. 294–307.
11. Понкин И. В., Редькина А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики : учебное пособие / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. Москва : Буки Веди, 2020. 365 с.
12. Chomanski B. The missing ingredient in the case for regulating big tech // Minds and Machines. 2021. Vol. 31 (2). P. 257–275. DOI: 10.1007/s11023-021-09562-x
13. Geradin, D., Karanikioti, T., Katsifis, D. GDPR Myopia: how a well-intended regulation ended up favouring large online platforms – the case of ad tech // European Competition Journal. 2021. Vol. 17 (1). P. 47–92. DOI: 10.1080/17441056.2020.1848059.

14. Дремлюга, Р. И., Решетников В. В. Правовые аспекты применения предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2018. – Т. 20, № 3. – С. 133–144. DOI: 10.24866/1813-3274/2018-3/133-144.
15. Human rights in the age of artificial intelligence. URL: <https://www.accessnow.org/cms/assets/uploads/2018/11/AI-and-Human-Rights.pdf>.
16. Gong Y., Liu X. Generic text summarization using relevance measure and latent semantic analysis // SIGIR Forum (ACM Special Interest Group on Information Retrieval). 2021. September 1. P. 19–25. DOI: 10.1145/383952.383955.
17. Bhatti B. M., Mubarak S., Nagalingam S. Information security implications of using NLP in IT outsourcing: A diffusion of innovation theory perspective // Automated Software Engineering. 2021. Vol. 28 (2). DOI: 10.1007/s10515-021-00286-x.
18. Predicting judicial decisions of the european court of human rights: A natural language processing perspective / N. Aletras, D. Tsarapatsanis, D. Preoțiuc-Pietro, V. Lampos // PeerJ Computer Science. 2016. Vol. 10. DOI: 10.7717/peerj-cs.93.
19. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, её прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753–766.
20. Терентьев В. Н. Умные контракты в сервисе государственных закупок // Инновационное развитие экономики. 2020. № 3 (57). С. 101–105.
21. Яковенко А. А. О популярности криптовалюты в криминальной среде // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 2 (31). С. 390–394.
22. Орлова Г. А. Разработка и применение смарт-контрактов в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-primenenie-smart-kontraktov-v-mezhdunarodnoy-torgovle>.

Сведения об авторе

А. А. Яковенко – руководитель проекта, Центр НТИ по нейротехнологиям, технологиям виртуальной и дополненной реальности, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

References

1. Gazizov R. R. Law and information law in the context of interaction with artificial intelligence: socio-philosophical aspect. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2018, no. 2 (117), pp. 398–401. (In Russ.).
2. Starovoitova O. E. Artificial Intelligence and its impact on the shaping of law development. *Yuridicheskaya nauka: Istoriya i sovremennost'*, 2018, no 1, pp. 52–56.

3. Hauer T. Society Caught in a Labyrinth of Algorithms: Disputes, Promises, and Limitations of the New Order of Things. *Society*, 2019, vol. 56 (3), pp. 222–230. DOI: 10.1007/s12115-019-00358-5.
4. Dremlyuga R. I., Korobeev A. I. A fight against the dissemination of deepfakes in other countries: criminal and criminological aspects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 372–379. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).372–379. (In Russ.).
5. Balkin J. M. 2016 Sidley austin distinguished lecture on big data law and policy: The three laws of robotics in the age of big data. *Ohio State Law Journal*, 2017, vol. 78, pp. 1217–1242.
6. Coglianese C. Administrative law in the automated state. *Daedalus*, 2021, vol. 150 (3), pp. 104–120. DOI: 10.1162/DAED_a_01862
7. Sreenivasulu G., Thulasi Chitra N., Sujatha B., Venu Madhav K. Text summarization using natural language processing. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2022, vol. 117, pp. 535–547. DOI: 10.1007/978-981-16-0739-4_62 Retrieved from www.scopus.com.
8. Dunn W. N. *Public policy analysis: An integrated approach*. Routledge, Taylor & Francis Group, 2018. 498 p.
9. Kerikmäe T., Pärn-Lee E. (2021). Legal dilemmas of estonian artificial intelligence strategy: In between of e-society and global race. *AI and Society*, 2021, vol. 36 (2), pp. 561–572. DOI: 10.1007/s00146-020-01009-8.
10. Vetyutnev Yu. Synergetics and jurisprudence. In: Matuzov N. I., Malko A. V (eds). *Sovremennye metody issledovaniya v yurisprudentsii*. Saratov: SJUI of MIA of Russia, 2007, pp. 294–307. (In Russ.)
11. Ponkin I. V., Redkina A. I. *Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoi analitiki : uchebnoe posobie*. Moscow: Buki Vedi Publ., 2020. 365 p. (In Russ.).
12. Chomanski B. The missing ingredient in the case for regulating big tech. *Minds and Machines*, 2021, vol. 31 (2), pp. 257–275. DOI: 10.1007/s11023-021-09562-x.
13. Geradin D., Karanikioti T., Katsifis, D. GDPR Myopia: how a well-intended regulation ended up favouring large online platforms – the case of ad tech. *European Competition Journal*, 2021, vol. 17 (1), pp. 47–92. DOI: 10.1080/17441056.2020.1848059.
14. Dremlyuga R. I., Reshetnikov V. V. Legal aspects of the application of predictive analytics in law enforcement. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, parvo = Pacific RIM*, 2018, vol. 20, no. 3, pp. 133–144. DOI: 10.24866/1813-3274/2018-3/133-144. (In Russ.).
15. Human rights in the age of artificial intelligence. URL: <https://www.accessnow.org/cms/assets/uploads/2018/11/AI- and-Human-Rights.pdf>.
16. Gong Y., Liu X. Generic text summarization using relevance measure and latent semantic analysis. *SIGIR Forum (ACM Special Interest Group on Information Retrieval)*, 2021, September 1, pp. 19–25. DOI: 10.1145/383952.383955.

17. Bhatti B. M., Mubarak S., Nagalingam S. Information security implications of using NLP in IT outsourcing: A diffusion of innovation theory perspective. *Automated Software Engineering*, 2021, vol. 28 (2). DOI: 10.1007/s10515-021-00286-x.
18. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotȃuc-Pietro D., Lampos V. Predicting judicial decisions of the european court of human rights: A natural language processing perspective. *PeerJ Computer Science*, 2016, vol. 10. DOI: 10.7717/peerj-cs.93.
19. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. Artificial intelligence in counteraction to crime, its prediction, prevention and evolution. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 753–766. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753–766. (In Russ.).
20. Terentyev V. N. Smart contracts in the service of public procurement. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 2020, no. 3 (57), pp. 101–105. (In Russ.).
21. Yakovenko A. A. On the popularity of cryptocurrency in the criminal environment. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2020, vol. 9, no 2 (31), pp. 390–394. (In Russ.).
22. Orlova G. A. Development and application of smart contracts in international trade. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2020, no. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-primenenie-smart-kontraktov-v-mezhdunardnoy-torgovle>. (In Russ.).

Information about the author

A. A. Yakovenko – Project Manager, STI Center for Neurotechnology, Virtual and Augmented Reality Technologies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 239–248.

Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 239–248.

Научная статья

УДК 344.312(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/239-248>

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Михаела Касиан

Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Россия,

г. Москва, ул. Знаменка, д.10, mkasian_00@mail.ru

Аннотация. Судебная власть России состоит из арбитражных судов, судов общей юрисдикции и Конституционного Суда Российской Федерации. Система судов общей юрисдикции, в свою очередь, делится на гражданские и военные суды. В статье рассмотрены периоды становления военных судебных органов России, некоторые правовые особенности организации деятельности военных судов, а также имеющиеся пробелы в законодательном регулировании и пути их решения. В процессе исследования автором установлено, что военные суды Российской Федерации, хотя и являются подсистемой судов общей юрисдикции, в свою очередь, имеют ряд правовых особенностей, которые позволяют сделать вывод об их специализированном характере. Проведён анализ правовых норм законодательных актов, регулирующих вопросы деятельности военных судов в современных условиях. Отмечены проблемные вопросы деятельности военных судов и возможные пути их решения. Обращается внимание на то, что военным судам присущи исключительные функции по поддержанию боеспособности и боеготовности Вооружённых Сил Российской Федерации, которые осуществляются путём рассмотрения уголовных и административных дел в присутствии личного состава воинской части, а также включения приговора суда в приказ командира воинской части и его оглашения личному составу воинского формирования. Вместе с тем, в статье исследуются имеющиеся пробелы в законодательстве о военных судах, видоизменение которых позволит в условиях военного положения и боевой обстановки не допустить снижения боеспособности и боеготовности воинских формирований. В статье рассматриваются военные суды в структуре судов общей юрисдикции. Текст статьи даёт читателю важную информацию о современной системе военных судов, которая утверждена на уровне российского федерального законодательства и предполагает наличие четырёхзвенной организации со-

ответствующих органов, в которую входят кассационные, окружные, апелляционные и гарнизонные суды. Указываются особенности подсудности и субъектного состава дел, рассмотрение которых осуществляется в рамках военных судов и то, какие именно категории дел могут быть разрешены военными судами.

Ключевые слова: военные суды, судебная система, суды общей юрисдикции, военная служба, судья военного суда, аппарат военного суда, мобилизация, военное положение, суды общей юрисдикции, военная юстиция, судебная система, судебный контроль, воинский порядок, судопроизводство, делопроизводство, судебный орган, судебная власть, реформа, законодательство, военная служба, юрисдикция.

Для цитирования: Касиан М. Некоторые правовые аспекты деятельности военных судов Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 239–248. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/239-248>.

Original article

SOME LEGAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF MILITARY COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Mikhaela Kasian

Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, 119019, Russia, Moscow,
Znamenka 10, mkasian_00@mail.ru

Annotation. The judicial power of Russia consists of arbitration courts, courts of general jurisdiction and the Constitutional Court of the Russian Federation. The system of courts of general jurisdiction, in turn, is divided into civil and military courts. The article examines the periods of formation of the military judicial bodies of Russia, some legal features of the organization of the activities of military courts, as well as the existing gaps in legislative regulation and ways to solve them. In the course of the study, the author found that the military courts of the Russian Federation, although being a subsystem of courts of general jurisdiction, in turn have a number of legal features that allow us to make a conclusion about their specialized nature. Analysis of the legal norms of legislative acts regulating the activities of military courts in modern conditions is carried out. The problematic issues of the activity of military courts and possible ways to solve them are noted. In addition, military courts have exceptional functions to maintain the combat capability and combat readiness of the Armed Forces of the Russian Federation by considering criminal and administrative cases in the presence of military unit personnel, as well as including the court verdict in the order of the commander of the military unit and its announcement to the personnel of

the military formation. At the same time, the article examines the existing gaps in the legislation on military courts, the modification of which will allow, in the conditions of martial law and combat situation, to prevent a decrease in the combat capability and combat readiness of military formations. The article deals with military courts in the structure of courts of general jurisdiction. The text of the article gives the reader important information about the modern system of military courts, which is approved at the level of Russian Federal legislation, and assumes the existence of a four-tier organization of relevant bodies, which includes cassation, district, appellate and garrison courts. The specifics of the jurisdiction and subject composition of cases considered by military courts as well as the categories of cases that can be resolved by military courts are reviewed.

Keywords: military courts, judicial system, courts of general jurisdiction, military service, military court judge, military court apparatus, mobilization, martial law, courts of general jurisdiction, military justice, judicial system, judicial control, military order, judicial proceedings, record keeping, judicial authority, judicial power, reform, legislation, military service, jurisdiction.

For citation: Kasian M. Some legal aspects of the activities of military courts in the Russian Federation // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 239–248. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/239-248>.

На протяжении уже более 300 лет военные суды России выступают гарантом защиты прав и законных интересов военнослужащих, общества и государства, обеспечивают поддержание боеготовности и боеспособности воинских подразделений, предупреждают совершение указанными должностными лицами новых правонарушений, а также осуществляют правовое воспитание личного состава военных ведомств.

В настоящее время в условиях сложной геополитической обстановки на международной арене, сопровождающейся множеством межнациональных конфликтов, усилением деятельности международных террористических организаций, Президентом Российской Федерации в целях защиты собственного суверенитета, прав граждан и общества в целом предпринимаются попытки увеличения численного состава Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, размещения военного контингента за границей [1].

Помимо этого возрастает актуальность военных судов, это прослеживается и в статистических данных, представленных Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, о рассмотрении указанными судами различных категорий дел в период с 1993 г. по настоящее время.

Так, в 1993 г. военные суды рассмотрели около 3 тыс. заявлений об оспаривании неправомерных действий органов военного управления, командиров (начальников). В 1994 г. было рассмотрено уже более 13 тыс. жалоб, а в 2001 г. – свыше

211 тыс. жалоб [2]. В 2011 г. военные суды рассмотрели 75 256, а в последние годы 60–70 тыс. административных дел об оспаривании военнослужащими, гражданами, уволенными с военной службы, действий (бездействия) и решений должностных лиц органов военного управления, ущемляющих их права и законные интересы [3].

Рассматривая вопрос правового регулирования деятельности военных судов, невозможно не отразить их многовековую и многогранную историю развития.

При проведении Петром I военных реформ, по результатам которых была создана регулярная армия, возникла необходимость в разработке и принятии нормативного правового акта, целью которого являлось поддержание порядка и воинской дисциплины в войсках – как в мирное, так и в военное время. Данный этап в развитии военных судов именуется «Петровским» [4, с. 15].

Принятое фельдмаршалом Б. Шереметьевым в 1702 г. «Уложение или право воинского поведения» и принятый Петром I в 1716 г. «Воинский устав» закрепили то, что военные суды в войсках создаются военным командованием из подчинённых ему военнослужащих (в звании не ниже полковника – командира полка) для рассмотрения конкретных дел преимущественно в период военных действий или чрезвычайного положения [5, с. 181].

Следующим этапом исторического развития военно-судебных органов является проведение в 1867 г. Александром II военно-судебной реформы и принятие «Военно-судебного устава», который впервые закрепил важные и основополагающие принципы осуществления правосудия в вооруженных силах. Согласно положениям Военно-судебного устава, судебная власть в войсках может осуществляться только профессиональными судьями, имеющими высшее юридическое образование, звание офицера и безупречную репутацию [6, с. 46].

Новый, так называемый советский этап развития военных судов ознаменовался в 1917 г. отречением от престола царя Николая II и приходом к власти большевиков во главе с В. И. Лениным. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Советом народных комиссаров был принят Декрет о суде № 1, согласно которому были упразднены все ранее действующие органы судебной власти, в том числе и военные суды [7, с. 66].

В период с 1917 г. по 1926 г. в целях борьбы с контрреволюционными проявлениями, саботажем, преступностью в армии руководством Советского государства были учреждены Революционный военный трибунал Республики, реввоен трибуналы фронтов и армий и их отделов при дивизиях и отдельных бригадах.

В 1926 г., по окончании гражданской войны и снижению контрреволюционных настроений, было принято Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г., согласно которому военные трибуналы образовывались при военных округах (фронтах, отдельных армиях); армиях, корпусах и дивизиях, а общее управление ими осуществляла Военная коллегия Верховного Суда СССР [4, с. 99]. Данная система военных судов, с определёнными видоизменениями, действовала до 1991 г.

Как мы видим, на протяжении 300-летнего исторического периода военные суды последовательно развивались в направлении от судов специализированных – к независимым от военного командования судам общей юрисдикции, и уже в 1993 г., в связи с образованием нового государства – Российской Федерации и принятием Конституции, закреплены основополагающие принципы организации и деятельности судов [5, с. 181].

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О военных судах Российской Федерации», военные суды – федеральные суды общей юрисдикции, входящие в судебную систему Российской Федерации, осуществляющие судебную власть в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба [8].

По мнению К. Н. Лужина, система военных судов не создана в качестве обособленной системы, а входит в систему судов общей юрисдикции и действует по правилам и принципам, установленным для всех судов Российской Федерации [9, с. 181]. На наш взгляд, военные суды хотя и являются подсистемой судов общей юрисдикции, но также имеют *ряд правовых особенностей*.

Во-первых, военные суды обладают принципом экстерриториальности, то есть образуются не в соответствии с административно-территориальным делением (район, город, область, край и т. д.), а по месту дислокации воинских частей, учреждений Вооруженных сил, других войск и воинских формирований [8]. Указанный принцип в полной мере отражает одну из важнейших задач военных судов, а именно мобильности в условиях боевой обстановки, чрезвычайного или особого положений.

Реализация данного института наглядно прослеживается на примере 5-го гарнизонного военного суда, расположенного на территории Республики Армения. Так, в период с 1992 г. по 2004 г. в городе Тбилиси Республики Грузия располагался военный трибунал Тбилисского гарнизона (прежнее название 5-го гарнизонного военного суда), который осуществлял судебную власть в воинских частях и учреждениях группы российских войск в Закавказье [10].

Однако в 2000 г. в связи с выводом вышеуказанных воинских формирований из территории Республики Грузия, размещения контингента Миротворческих Сил Российской Федерации в Республике Армения, а также созданием в указанном государстве 109-й военной базы 5-й гарнизонный военный суд был передислоцирован в г. Ереван Республики Армения.

Во-вторых, существует исключительная подсудность рассматриваемых военными судами уголовных, административных и гражданских дел по субъекту и объекту.

Военные суды рассматривают уголовные дела о всех преступлениях, совершённых военнослужащими Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, как гражданами Российской Федерации, так и иностранными гражданами, в период прохождения ими военной службы или военных сборов [8].

Помимо этого, в соответствии с ч. 2 ст. 6.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, рассматривают дела о преступлениях, совершённых проходящими военные сборы, а также дела о преступлениях, совершённых исключительной подсудностью рассмотрения уголовных дел террористической направленности, вне зависимости от субъектного состава, обладают 1-й Восточный окружной военный суд, 2-й Западный окружной военный суд, Центральный окружной военный суд и Южный окружной военный суд [11].

Военными судами рассматриваются также дела об административных правонарушениях, совершённых военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы.

При этом необходимо отметить, что под другими войсками и воинскими формированиями в соответствии с законодательством следует понимать органы и учреждения Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (а именно спасательные воинские формирования), а также Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

В-третьих, военные судебные органы наделены исключительным правом осуществлять правосудие за пределами Российской Федерации по делам, отнесённым к компетенции судов общей юрисдикции [9, 181].

В настоящее время за пределами Российской Федерации, в соответствии с местами дислокации воинских подразделений, расположены 5 гарнизонных военных судов: в Республике Молдова (80-й ГВС), Республике Казахстан (26-й и 40-й ГВС), Республике Армения (5-й ГВС), а также в Республике Таджикистан (109-й ГВС).

Указанные военные судебные органы призваны защищать не только права и законные интересы военнослужащих, но также и жителей указанных государств от возможных преступных посягательств со стороны российских военнослужащих.

В-четвёртых, военные суды на постоянной основе, в целях повышения уровня боеготовности и боеспособности Вооружённых Сил, других войск и воинских формирований, проводят праворазъяснительную и воспитательную работу путём рассмотрения уголовных и административных дел в присутствии личного состава воинских частей, включения приговоров по уголовным делам в приказы командиров и их оглашения перед личным составом.

Эффективность указанного института наглядно можно оценить на примере обзора судебной практики Южного окружного военного суда, согласно данным которого в период с 2017 г. по 2020 г. в Южном военном округе значительно снижается состояние преступности. Так, подведомственными гарнизонными военными судами в 2017 г. с постановлением обвинительного приговора рассмотрено 960 уголовных дел, в 2018 г. – 937 уголовных дел, в 2019 г. – 902 уголовных дела, а в 2020 г. – 841 уголовное дело соответственно [12].

Проводя анализ вышеизложенных правовых аспектов, можно сделать вывод, что военные суды имеют специализированный характер, несмотря на факт отнесения законодателем их к судам общей юрисдикции.

В продолжение рассматриваемой темы полагаем необходимым также отразить ряд законодательных положений, регулирующих деятельность военных судов и судебной системы России в целом, которые, по нашему мнению, подлежат изменению, с целью упрощения судопроизводства, повышения доверия граждан к правосудию, а также исключения возможных угроз безопасности России в особых условиях (чрезвычайного и военного положений, а также боевой обстановки):

1. Отсутствие нормативного правового акта, регламентирующего деятельность военных судов в условиях чрезвычайного и военного положений, а также боевой обстановки

Действующее законодательство в области военного положения и мобилизации не регламентирует порядок осуществления организации деятельности военных судов при введении указанных положений, а лишь декларирует, что, например, на территории, на которой будет введено военное положение, действуют суды, установленные в соответствии с Конституцией Российской Федерации [13, с. 162].

При этом стоит обратить внимание, что в соответствии со статьёй 118 Конституции Российской Федерации создание чрезвычайных судов не допускается.

Решение указанной проблемы предлагалось К. Н. Лужиным в ходе диссертационного исследования и заключалось во внесении изменений в Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» следующего содержания: «В случае невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено военное положение, по решению Президента Российской Федерации по представлению Верховного Суда Российской Федерации может быть изменена территориальная подсудность дел, рассматриваемых в судах, и дела могут быть переданы для рассмотрения в военные суды» [9, с. 181].

2. Отсутствие в военных судах военной службы

В 2009 г. реформирование Вооруженных Сил России, выразившееся в сокращении численности военнослужащих, оптимизации воинских подразделений, также коснулось и системы военных судов. Федеральный конституционный закон от 29 июня 2009 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» отменил институт прикомандирования судей и сотрудников аппаратов военных судов к Министерству обороны Российской Федерации, вследствие чего указанная категория должностных лиц перестала иметь статус военнослужащих [13, с. 162].

С отменой военной службы в военных судах изменились и требования, предъявляемые к судье данного суда, которым в настоящее время может быть гражданин, не имеющий специального образования, полученного им по военно-

учётной специальности, что в условиях боевой обстановки, военного или чрезвычайного положений может негативно сказаться на деятельности военных судов.

Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на наличие достаточного количества нормативных правовых актов, регулирующих деятельность системы военных судов, обращение внимания на имеющиеся законодательные пробелы и их устранение позволит, в условиях военного положения и боевой обстановки, не допустить снижения боеспособности и боеготовности воинских формирований и, как следствие, человеческих жертв среди военнослужащих.

Список источников

1. Путин: Россия ввела войска в Сирию, чтобы не допустить террористов к своим границам. URL: [http:// https://www.kommersant.ru/doc/4124950](http://https://www.kommersant.ru/doc/4124950).
2. Обзор судебной практики рассмотрения дел по жалобам военнослужащих на действия и решения органов военного управления и воинских должностных лиц. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12021180/>.
3. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2015, 2016, 2017 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
4. Петухов Н. А. История военных судов. Москва : НОРМА, 2003. 345 с.
5. Лужин К. Н. Сравнительно-правовой анализ военных судов Российской Федерации и Республики Азербайджан // Военное право : электронное научное издание. 2018. № 4 (50). С. 181–185.
6. Загорский Г. И. Военно-судебная реформа 1867 года // История государства и права. 2013. № 3. С. 44–50.
7. Лужин К. Н. Эволюция взглядов на военные суды как органы правосудия в СССР до Великой Отечественной войны // Военное право : электронное научное издание. 2016. № 4 (40). С. 63–67.
8. О военных судах Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 08.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23479/.
9. Лужин К. Н. Военно-судебные органы России и стран-участников Содружества Независимых Государств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / К. Н. Лужин ; РГУП. Москва, 2018. 181 с.
10. Официальный сайт 5 гарнизонного военного суда. Историческая справка 5 гарнизонного военного суда. URL: <http://gvs.skav.sudrf.ru>.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
12. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и делам об административных правонарушениях за 2020, 2019, 2018, 2017 гг. URL: <http://www.sgvs.krd.sudrf.ru>.

13. Лужин К. Н., Мельников Е. Д. Проблемы организации и деятельности военных судов Российской Федерации в особых условиях // Военное право : электронное научное издание. 2018. № 1 (47). С. 161–164.

Сведения об авторе

Михаела Касиан – младший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия.

References

1. *Putin: Russia sent troops to Syria to prevent terrorists from reaching its borders*. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/4124950>. (In Russ.).
2. *Review of the judicial practice of considering cases on complaints of military personnel against the actions and decisions of military command and control bodies and military officials*. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12021180/>. (In Russ.).
3. *Main statistical indicators of the activity of courts of general jurisdiction for 2015, 2016, 2017*. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (In Russ.).
4. Petukhov N. A. *Istoriya voennykh sudov*History. Moscow: NORMA, 2003. 345 p. (In Russ.).
5. Luzhin K. N. Comparative legal analysis of the military courts of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan. *Voennoe pravo: elektronnoe nauchnoe izdanie*, 2018, no. 4 (50), pp. 181–185. (In Russ.).
6. Zagorsky G. I. Military judicial reform of 1867. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2013, no. 3, pp. 44–50. (In Russ.).
7. Luzhin K. N. Evolution of views on military courts as organs of justice in the USSR before the Great Patriotic War. *Voennoe pravo: elektronnoe nauchnoe izdanie*, 2016, no. 4 (40), pp. 63–67. (In Russ.).
8. On military courts of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of June 23, 1999 No. 1-FKZ (as amended on December 8, 2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23479/. (In Russ.).
9. Luzhin K. N. *Voenno-sudebnye organy Rossii i stran-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv*. Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2018. 181 p. (In Russ.).
10. *Official site of the 5th garrison military court. Historical background of the 5th garrison military court*. URL: <http://gvs.skav.sudrf.ru>. (In Russ.).
11. *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on March 9, 2022) (as amended and supplemented, effective from March 17, 2022)*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. (In Russ.).

12. *Review of judicial practice of garrison military courts in criminal cases and cases of administrative offenses for 2020, 2019, 2018, 2017*. URL: <http://www.sgvs.krd.sudrf.ru>. (In Russ.).

13. Luzhin K. N., Melnikov E. D. Problems of organization and activity of military courts of the Russian Federation in special conditions. *Voennoe pravo: elektronnoe nauchnoe izdanie*, 2018, no. 1 (47), pp. 161–164. (In Russ.).

Information about the author

Mikhaela Kasian – Junior Researcher Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.